ПОВОЛЖСКИЕ ЗЕМЛИ В ЭПОХУ РУССКО-КАЗАНСКИХ ВОЙН

Сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 года

ПОВОЛЖСКИЕ ЗЕМЛИ
В ЭПОХУ РУССКО-КАЗАНСКИХ ВОЙН

Сборник статей
по материалам научно-практического онлайн-семинара,
посвященного 500-летнему юбилею
основания крепости Васильсурск в 1523 году

Нижний Новгород
Свияжск
2024

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)
П42

Рецензенты:
д-р ист. наук А. Е. Негин,
канд. ист. наук А. А. Сорокин

Редколлегия:
канд. ист. наук, мл. науч. сотр. ЛГИ НГУ Б. А. Илюшин,
археолог Е. В. Четвертаков

П42 Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн [текст]: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. – Нижний Новгород; Свияжск, 2024. – 156 с., ил.

ISBN 978-5-4437-1714-2

В сборник вошли статьи археологов и историков, посвященные истории и культуре народов Поволжья в XV–XVI веках и представленные в виде докладов на научно-практическом онлайн-семинаре, 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году. Хронологические рамки определены спецификой периода московско-казанских войн. Сборник предназначается для археологов, историков, музейных работников, краеведов и широкий круг читателей, интересующихся археологическим наследием народов Российской Федерации.

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)

ISBN 978-5-4437-1714-2
DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2

© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие……..……..4

Давыдов А. И. О местоположении Васильгородской крепости. Историография вопроса ……5

Свечников С. К. Васильгород в период русско-казанских войн 1523–1552 гг. ……....21

Козлов Д. А. Традиции ношения украшений мордовскими женщинами Терюшевской волости в XVI–XVII вв. по материалам раскопок Старосельского могильника …….37

Илюшин Б. А. Нижегородская фортификация XV – начала XVI вв. Некоторые наблюдения на тему «Старого» и «Нового» Нижнего Новгорода и строительства каменного кремля…….51

Миляев П. А. О редких находках деталей ручного огнестрельного оружия XVI века с территории Среднего Поволжья. По материалам раскопок Свияжска и Нижнего Новгорода……..58

Несин М. А. К истории взятия Казани в 1487 году: проблемы хронологии и особенности организации похода……..78

Аряев Л. Н. Московско-казанский конфликт 1505–1507 гг. в «Истории Российской» В. Н. Татищева……..106

Инжутов А. А. Казанский поход 1547–1548 гг. Хронология похода. Маршруты движения войск ……..…. 115

Малышев А. В. К вопросу происхождения курганов-маров в Нижегородском Поволжье… 133

Парадеев Е. И. Ярославский беляк: его местонахождение и значение в истории Нижегородской земли ……..……..…140

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2023 году город Васильсурск отмечал юбилей: полтысячи лет назад на высоком берегу в месте впадения Суры в Волгу была заложена крепость Василь-город. По замыслу Великого князя Московского Василия Ивановича крепость должна была стать ключом к подчинению Казанского ханства… С тех пор Васильсурск остается крайним восточным "форпостом" Нижегородского края. История этого городка тесно переплетена не только с историей края, но и с историей всего Среднего Поволжья, Московского царства и Казанского ханства.

Продлившиеся около века московско-казанские войны составляют основной фон истории Среднего Поволжья с середины XV по середину XVI в. Их изучению, а также рассмотрению сопутствующих тем посвящено множество исторических публикаций. Несмотря на это данная тематика далеко не исчерпана. Вошедшие в настоящий сборник статьи краеведов, историков и археологов, в которых затрагиваются разнообразные вопросы военной истории и военного дела, исторической географии и палеоэтнографии, показывают перспективность изучения данного периода, а также важность «микроистории» для понимания более глобальных процессов.

Редколлегия

DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2-1

А. И. Давыдов
начальник отдела Научно-исследовательского предприятия «Этнос», историк
lekseyd@rambler.ru

О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ВАСИЛЬГОРОДСКОЙ КРЕПОСТИ. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

В статье рассмотрена историография вопроса об основании Васильсурска (Василь-города), его первоначальном местоположении, укреплениях, возможности их обнаружения и исследования методами археологии.

Ключевые слова: Васильсурск, Василь-город, русская средневековая фортификация.

Историография, посвященная бывшему уездному городу Нижегородской губернии Васильсурску (ныне – рабочий поселок Васильсурск Воротынского района Нижегородской области), отметившему в 2023 г. пятисотлетний юбилей, достаточно обширна. Данный тезисный обзор касается тех ее публикаций, которые так или иначе связаны с вопросами его начальной истории, прежде всего, строительства и дальнейшего существования Васильгородской крепости. Работа эта носит прикладной характер, вызванный задачами охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), связанный, в частности, с разработкой проектной документации по приданию Васильсурску статуса исторического поселения.

Согласно летописным известиям деревянная русская крепость была срублена в сентябре 1523 г. на казанском (правом) берегу пограничной реки Суры, при ее впадении в Волгу, получив название Василева Нова-города или просто Васильгорода, в честь великого князя Василия III (Софийская вторая летопись…, 1853. С. 264; Продолжение Хронографа…, 1951. С. 281–282). Летописи не содержат более точной ее локализации.

Сообщение И. А. Кирьянова, относящееся к 1961 г., о «тщательном исследовании Васильсурска и окрестностей», которое показало, что «следов… первоначального укрепления вообще не сохранилось» (Кирьянов, 1961. С. 81–82) преувеличено. Ни самим И. А. Кирьяновым, ни до него, ни после, специальных поисков русской крепости археологическим путем не производилось (Николаенко, 2004. С. 179–189). Судя по всему, натурные исследования И.А. Кирьянова свелись лишь к визуальному осмотру местности.

Круг источников, которыми пользовались дореволюционные исследователи ранней истории Васильсурска, включал в себя данные натурных исследований и наблюдений, записи легенд, документы местного городского самоуправления, церковные записи, планы Генерального межевания, генпланы города, публикаций свидетельств путешественников,

вышедшие к тому времени тома «Полного собрания русских летописей» (ПСРЛ) и… «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

До выхода в свет в 1961 г. книги И. А. Кирьянова «Старинные крепости Нижегородской Поволжья» (Кирьянов, 1961) все исследователи считали, что первоначально Васильгородская крепость была поставлена «в полугоре» речного берега, то есть, по современному геологическому определению, на «бугристой поверхности древней оползневой террасы» (Кулинич, Фридман, 1990. С. 167). При этом, они несколько расходились в точной локализации места ее основания, что было отражено на приводимых ими картосхемах (Кудрявцев, 1877. С. 101–103; Демидов, 1884. С. 77–81; Игнатов, 1914. Прилож.) (Рис. 1-3).

Конкретный выбор участка внизу под крепостное строительство Н. А. Демидов объяснял «существованием на этом месте уже готового укрепленного поселения черемис» (Демидов, 1884. С. 14–15). *У*тверждение о булгарском или черемисском городке (помимо Цепели наверху берега) – предшественнике Васильсурска, встречается и у других исследователей (Макарий, 1851. С. 7; Оглоблин, 1912. С. 46). Однако современными исследованиями оно не подтверждается.

Весьма любопытна оценка, данная первоначальному Васильгороду в работе Н. А. Демидова. Он указывает, что такая «крепость, стоящая под горою и действующая против неприятеля, стоящего на горе, крепость без пути отступления, так как в тылу ее – река, разливающаяся во время половодья на восемь и более верст, крепость, к которой примыкает лес – лучшее прикрытие для неприятеля – едва ли могла выдержать даже ничтожный натиск неприятельской шайки». При такой негативной оценке ситуации Н. А. Демидов все-таки считал, что в случае с Васильгородом политические амбиции («намерение стать твердою ногою на земле Казанской») превысили стратегические соображения (Демидов, 1884. С. 14–15). Такового же мнения придерживается современный историк П. В. Чеченков: «Васильгород возник на кончике острия московско-казанских отношений. Само его появление было вызовом» (Чеченков, 2023).

Какие-либо описания Васильгорода, относящиеся к первоначальному периоду его существования, не обнаружены. Позднее нижегородское летописание сообщает лишь о существовании в городе церкви Покрова Богородицы с приделами Михаила Архангела и Николая Чудотворца, возведенной при его основании (Гациский, 1886. С. 32; Полная редакция Нижегородского летописца…, 2006. С. 156).

Также откровенно легендарным следует признать сообщение В. Ф. Кудрявцева о наличии в городе семи церквей, со ссылкой на якобы когда-то хранившийся в городской думе план Васильсурска времен Ивана Грозного (Кудрявцев, 1877. С. 11).

Изображение Васильгорода (Wassilgrod), помещенное на карте России, составленной А. Видом при участии В. Ляцкого в 1542 г. и изданной в 1555 г. (Рыбаков, 1974. Илл. 2.) (Рис. 4) нельзя считать достоверным, как это предполагал И. А. Кирьянов в своей газетной статье (Кирьянов, 1976) в силу условности картографических обозначений.

Все дореволюционные исследователи считали, что изменения окружающего Васильсурск ландшафта из-за постоянной смены направления течения рек, прорыва ими новых русел и берегообрушений привели к тому, что он совсем перестал соответствовать топографии XVI столетия (Рис. 5). Наиболее полно история этих происшедших почти за четыреста лет изменений, затрудняющих точную локализацию места первоначальной крепости, была изложена в 1914 г. К. М. Игнатовым в его капитальнейшем труде, посвященном геоморфологии Нижегородского Поволжья, соответствующим образом проиллюстрированном фотографиями и чертежами (Игнатов, 1914) (Рис. 6).

Вывод, который можно сделать из анализа рассмотренных публикаций, сводится к тому, что, в любом случае предполагаемое первоначальное место города уже к началу XX века считалось ушедшим под воду в результате природных катаклизмов. Лишь журналист Н. Н. Оглоблин полагал, что следы его еще можно выявить путем проведения археологических раскопок в районе «Бряхимовского поселка», расположенного на окраине Васильсурска ниже по течению Волги в сторону Хмелевской слободы. Там в 1910-е годы еще наблюдались «торчащие над береговой дорогой, высунувшиеся из надлуговой террасы почерневшие дубовые бревна, доски, колоды и другие остатки поделочного леса громадных размеров» (Оглоблин, 1912. С. 39–44). Н. В. Морохин в своем комментарии к опубликованному очерку Н. Н. Оглоблина предположительно соотнес описанное им место с Хмелевским городищем I тыс. н.э., раскопанным А. Х. Халиковым в 1959 г. (Оглоблин, 2009. С. 148). К сожалению, опубликованные справочные сведения о его исследованиях не дают возможности установить так это или нет (Николаенко, 2004. С. 186–188). Учитывая последующие изменения местности, особенно связанные с затоплением ложа Чебоксарского водохранилища, это место скорее всего следует признать утраченным.

Одним из наиболее подробных исследований по истории Васильсурска является вышеупомянутый очерк этнографа и историка В. Ф. Кудрявцева, опубликованный в 1877 году в «Нижегородском сборнике», издаваемом А. С. Гациским. В нем, вопреки летописным известиям, озвучена версия о том, что Васильгородская крепость изначально являлась каменной (Кудрявцев, 1877. С. 11–12). Как показали наши исследования (Давыдов, в подгот.), эта версия основана на ошибочном переводе В. И. Любич-Романовичем определения, данного итальянским путешественником Р. Барберини Васильгороду (Путешествие в Московию… С. 34). В исходном тексте, представляющем собой копию с манускрипта XVI века, оно выглядит

как **«uno castello murato»** (Barberini Rafaello, 1823. P. 11). Данное определение подразумевает огороженное укрепление, «крепость, обнесенную стенами», без указания на их материал.

Несмотря на свою явную ошибочность (поскольку в русских летописях прямо указывается, что в 1523 г. крепость была срублена из дерева) версия В. Ф. Кудрявцева, после ее опубликования, получила широкое распространение (Разумов, 1888. С. 3; Демидов, 1884. С. 144; Игнатов, 1914. С. 15.) и до сих пор время от времени всплывает в краеведческих и научно-популярных публикациях, а также Интернет-ресурсах. При этом не только игнорируется русское летописание, но и забывается тот факт, что, исходя из даты путешествия Р. Барберини (1565 г.), он не мог видеть и описывать первоначальную крепость, к тому времени уже разрушенную.

На то, что у Р. Барберини речь могла идти только о перестроенных укреплениях, указал в своей предвоенной публикации М. С. Болобонов, посчитав при этом (опять же, основываясь на ошибочном переводе), что произошла замена дерева на камень (Болобонов, 1941. С. 46). Впрочем, никаких достаточных оснований для этого не могло быть: после завоевания Казанского ханства надобность в существовании на Суре мощного оборонительного укрепления просто отпала.

Именно с разрушением первоначальной крепости гигантским оползнем, вызванным половодьем, дореволюционные исследователи связывали краткую летописную выписку Н. М. Карамзина под 1556 г.: «Васильгород переставлен на гору» (Карамзин, 1817. С. 396). При этом их указание на «конкретную» дату события – 3 августа (Кудрявцев, 1877. С. 23–24; Разумов, 1888, С. 3; Демидов, 1884. С. 23–24; Игнатов, 1914. С. 15) является ошибочным. На самом деле она относится только к предшествующей выписке Н. М. Карамзина об «отпуске» иконы Николая Чудотворца из Москвы на Вятку. Это видно из обращения к летописному тексту. Так, в Никоновской летописи запись, относящаяся к этому событию, в полном виде звучит следующим образом: «О Василе-городе. Того же году Василь-город переставлен, а убавлено его снизу, по горе учинен». Помещена она в статье под 7064 г. без указания дня и месяца. (Летописный сборник… 1904. С. 44).

Перевод даты на современное летосчисление как 1556/1557 г., сделанный Б.А. Илюшиным (Илюшин, 2022. С. 148), ошибочен. Судя по всему, исследователь принял за нее издательскую помету, маркирующую разновременность текстов, размещенных на странице тома. В действительности 7064 г. от СМ обозначает отрезок времени с 1 сентября 1555 г. по 31 августа 1556 г.

Связь разрушения Васильгородской крепости с легендой о «чудесном перенесении» Покровского собора за Волгу на озеро Нестиар в праздник Преполовения (25 день по Пасхе),

приведенной П. И. Мельниковым-Печерским (Мельников, 1850. С. 73), позволяет отнести катастрофу к 29 апреля 1556 года – времени весеннего половодья.

В 1961 г. вышла вышеупомянутая книга И. А. Кирьянова, в которой он, исходя из военно-инженерных соображений, выступил резко против утверждения о расположении первоначальной крепости внизу и ее разрушении вешними водами. Автор указывал, что крепость «должна была с самого начала находиться на вершине горы в месте, носящем название Цепель» и предполагал существование одновременно с ней посада, «хозяйственная деятельность которого была неразрывно связана с рекой. Поэтому Васильсурский посад рос и развивался в подгорной части, вне стен крепости» (Кирьянов, 1961. С. 82). По сути дела, И. А. Кирьянов перенес ситуацию, зафиксированную в XVII в. (Путешественники… С. 57) на столетие раньше.

Летописное известие о переносе города на гору рассматривалось И. А. Кирьяновым как некое «поновление» крепости после татарских набегов. При этом ссылка делалась на уже упомянутую нами выписку Н. М. Карамзина, причем, с довольно произвольным ее цитированием и отнесением к осени (?) 1556 г. (Кирьянов, 1961. С. 81–82). Вышеизложенное усиливает наше представление о запутанности позиции исследователя.

Более того, И. А. Кирьянов приписывает Н. М. Карамзину сообщение, которого тот никогда не делал. Речь идет о якобы найденном им в какой-то летописи сомнительном указании о том, что «Васильсурская крепость первоначально находилась где-то в другом месте» (Кирьянов, 1961. С. 81). Далее следует текст об опровержении этой информации на основании проведенных «поисков», о чем мы уже говорили. Однако такого сообщения у Н. М. Карамзина не было. Для «доказательства» своей правоты в споре с дореволюционными краеведами И. А. Кирьянов по-своему интерпретировал и домыслил отрицаемое им летописное известие о переносе Васильгородской крепости на гору, пересказанное придворным историографом в «Дополнительных выписках» к «Истории государства Российского» (Карамзин, 1817. С. 396).

К сожалению, в 2022 году версию И. А. Кирьянова, почти слово в слово, вплоть до «пассажа» о Н.М. Карамзине, продублировал Б. А. Илюшин. При этом он допускал наличие в полугоре не только посада, но и части крепости, которая и была согласно летописному известию перенесена на гору (Илюшин, 2022. С. 147–148). Приведенные им сведения об остатках крепости заимствованы из книги И. А. Кирьянова с указанием, что они еще наблюдались им в середине XX в. в районе улицы К. Маркса (Илюшин, 2022. С. 147–148).

Сам И. А. Кирьянов, ссылаясь на сохранившиеся описания первой половины XIX в., сообщал, что «крепость имела форму несколько неправильного прямоугольника размером 603 х 400 м, т.е., ее периметр составлял ок. 2000 м. Одна длинная сторона крепости примыкала к

гребню горы, а три другие выходили в поле. Невысокий вал (в 1845 г. – 1 сажень) усиливался рвом, окаймлявшим всю территорию крепости» (Кирьянов, 1961. С. 83).

Как показали наши исследования, первым, кто опубликовал приблизительные размеры остатков крепости на горе, посчитав их именно за русские фортификационные сооружения 1556 года, был профессор-медик Казанского университета Карл Федорович Фукс (1828 г.). Судя по его описанию, эти остатки представляли собой целую систему рвов и валов. Размеры площади, на которой они находились К. Ф. Фукс определил следующим образом: длина – 284 саж., ширина – до 207 саж. Здесь находились два вала (один длиной 75, а другой – 30 саж., высотой оба около 1 саж.) и 8 рвов. В его публикации приведены подробные данные об укреплениях:

1 ров: длина – 120 саж., ширина – 3 саж., глубина – 1,5 саж.; 2 ров: длина – 180 саж., ширина – 6 саж., глубина – 2 саж.; 3 ров: длина – 104 саж., ширина – 2 саж., глубина – 1,5 саж.; 4 ров: длина – 104 саж., ширина – 3 саж., глубина – 1,5 саж.; 5 ров: длина – 85 саж., ширина – 3 саж., глубина – 1,5 саж.; 7 ров: длина – почти 85 саж., 8 ров: длина – 78 саж., ширина – 2 саж., глубина – 1 саж. При этом К.Ф. Фукс уточнял, что один вал и шесть рвов из этих восьми идут поперек площади, а остальные – вдоль нее. (Фукс, 1828, С. 267–268).

Наличие земляного вала в городе было отмечено в Экономических примечаниях к «Атласу Васильского уезда», составленному по результатам Генерального межевания 1777–1802 гг. (Экономические примечания… Л. 3). На остатки крепости на горе обращали внимание и побывавшие в Васильсурске путешественники, в частности, возвращавшийся в июле 1797 г. из сибирской ссылки общественный деятель и писатель А. Н. Радищев (Радищев, 1952. С. 299). Однако лишь К.Ф. Фукс провел их обмеры, донеся тем самым до наших дней важную конкретную информацию о памятнике древности.

В дальнейшем указанные К. Ф. Фуксом размеры территории, валов и рвов на Цепели повторялись исследователями, занимавшимися историей Васильсурска, такими как архимандрит Макарий (Макарий, 1851. С. 3–10), В.Ф. Кудрявцев (Кудрявцев, 1877. С. 85). Эти же размеры (284 х 207 саж.) приводит и Н. Ф. Филатов в своей газетной статье, вышедшей в 1991 г. (Филатов, 1991), поэтому явной опечаткой следует считать размер длины площадки в 384 саж., указанный в другой его работе (Филатов, 1990. С. 129). Эти исследователи, также, как и Н. А. Демидов (Демидов, 1884. С. 21), считали, что перенесенная наверх русская крепость сразу же заняла место черемисских укреплений (Цепель), а находившаяся вне крепостных стен жилая застройка постепенно распространилась по склону берега.

Публикации сообщают о том, что представляла собой Цепель во второй половине XIX в. Так В.Ф. Кудрявцев указывал, что к его времени эта территория была частично занята

садами, часть рвов засыпана, а часть валов срыта. При этом он затруднялся отделить следы черемисских строений от остатков русской крепости (Кудрявцев, 1877. С. 85–87).

Н. А. Демидов также сообщал, что на вершине горы у самого слияния Суры с Волгой еще наблюдались остатки рвов и валов, окружавших площадь со следами жилых строений, которые он считал за черемисские, существовавшие до переноса сюда русской крепости (Демидов, 1884. С. 13, 21).

Иного мнения придерживался Н. Н. Оглоблин, посчитавший, что перенесенная на гору крепость была поставлена в местности, именуемым Бугром, непосредственно над остатками старых укреплений в районе Бряхимовского поселка и Возгребок (северо-восточная часть современного Васильсурска). Затем, в связи с постепенным перемещением жилой застройки по склону в сторону тогдашнего устья Суры (выше Васильского затона), «острог на Бугре потерял свое значение. Для охраны нового города пришлось передвинуть ближе к нему острог», и тот оказался «на Цепелях». При этом Н. Н. Оглоблин указывал, что старожилы называли так ранее, не площадь, а гребень горы – крутого берега, занятого садами и усадьбами, среди которых кое-где наблюдаются «следы древней искусственной обработки некоторых возвышенностей» (Оглоблин, 1912. С. 47–49).

Местоположение Васильсурска в различные периоды его существования отображены на схеме, составленной К. М. Игнатовым (Игнатов, 1914. Прилож.). При этом, он за третью деревянную крепость, якобы перенесенную опять вниз с горы, вероятно принял остатки жилых строений посада, существовавшего вне укреплений (Рис. 7).

Современные краеведы, как указывает в примечаниях к очеркам Н. Н. Оглоблина Н. В. Морохин, «сходятся во мнении, что от валов древнего Цепеля сейчас остались только два фрагмента: одним заканчивается в северную сторону центральная площадь – через вал оборудован лестничный спуск к магазинам, другой в 500 м от площади возвышается посередине ул. Маркса» (Оглоблин, 2009. С. 148). Последний из них был также зафиксирован в 1994 г. при разработке генерального плана Васильсурска Научно-исследовательским предприятием «Этнос» (Рис. 8).

Конкретная же атрибуция этих укреплений и поиск других остатков русской крепости, переставшей существовать к середине XVII в., возможна лишь путем проведения полномасштабных археологических исследований на территории Васильсурска и слободы Хмелевки.

Список источников и литературы.

Болобонов М. С. История древнего Васильсурска и его уезда // Горьковская область. № 1 (январь). Горький, 1941. С. 44–46.

Гациский А. С. Нижегородский летописец. Н. Новгород: Тип. губернского земства, 1886. 156 с.

Давыдов А.И., в подгот. О пользе внимательного чтения. Заметки по текстологии нижегородских источников по истории Васильсурска и Городца.

Демидов Н. Исторический очерк Васильсурского уезда. Н. Новгород: Тип. Ройского и Душина, 1884. 76 с.

Игнатов К. М. Неустойчивость рельефа Нижегородской губернии (Образование оползней, оврагов, береговых наносов и пр.). М.: Типо-литография В. Ф. Смирнова, 1914. 24 с.: прилож.

Илюшин Б. А. Меж Казанью и Москвой. Нижегородский край в эпоху казанских и черемисских войн. Н. Новгород: ННГУ, 2022. 350 с.

Карамзин Н. М. Дополнительная выписка из летописей сего времени // Карамзин Н. М. История государства Российского. Т.8. СПб.: Воен. тип. Главн. штаба, 1817. С. 395–410.

Кирьянов И. Был ли Олеарий первым? Зарисовки Нижнего Новгорода и Васильсурска, сделанные в первой половине XVI столетия // Горьковский рабочий,1976, 26 июля.

Кирьянов И. А. Старинные крепости Нижегородской Поволжья. Очерк о старинных русских дерево-земляных крепостях. Горький: Кн. изд-во, 1961. 107 с.

Кудрявцев В. Ф. Историческое описание города Василя Нижегородской губернии // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским статистическим комитетом / Под ред. А.С. Гациского. Т. 6. Н. Новгород: Тип. Нижегородского губернского правления. 1877. С. 1–104.

Кулинич Г. С., Фридман Б. И. Геологические путешествия по Горьковской земле. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1990. 192 с.

Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. М.: Наука, 1965. С. 224–314.

Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1904. 302 с.

Макарий, иеромонах. Памятники Нижегородской губернии // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества. Т.1. СПб.: Тип. Якова Рея, 1851. С. 3–10.

[Мельников П. И.]. Василь // НГВ, 1850, 12 апр. № 19. Ч. неоф. С. 73.

Николаенко Т. Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 1. М.: Ин-т археологии РАН, 2004. 384 с.

Оглоблин Н. Н. Из Васильской старины // Действия НГУАК. Т. 12. Вып. 2. Н. Новгород, 1912. С. 39–72.

Оглоблин Н. Н. Речные проселки / Сост. Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов. Н. Новгород: «Книги», 2009. 736 с.

Продолжение Хронографа редакции 1512 года / Шмидт С. О. // Исторический архив. Т. 7. М., 1951. С. 254–299.

Полная редакция Нижегородского летописца. Первый вид // Шайдакова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVIII в. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. С. 169–182.

Путешественники / Сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. Н. Новгород: «Книги», 2009. 736 с.

Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын Отечества, 1842, №6. С. 3–16; № 7. С. 3–50.

Радищев А. Н. Записки путешествия из Сибири // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 267–304.

Разумов С. Краткие сведения о городе Василь-Сурске Нижегородской губернии и церковноприходская летопись Покровского собора // НЕВ, 1888, 1 янв., № 1. Ч. неоф. С. 3.

Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М.: Наука, 1974. 111 с.

Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. СПб: Тип. Эдуарда Проца,1853. С. 197–276.

Филатов Н. Ф. Василь-на-Суре // Нижегородская правда, 1991, 15 авг.

Филатов Н. Ф. Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке. История. Архитектура. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. 174 с.

Фукс К. Ф. Поездка из Казани в Нижегородскую губернию // Казанский вестник, 1828, часть 21, № 4. С. 256–269.

Чеченков П. В. Крепостные сооружения Нижегородского края в контексте внешней политики Василия III и Елены Глинской. URL: https://opentextnn.ru/space/nn/kremlin/chechenkov-krepostnye-sooruzhenija / (дата обращения 30.08.2023);

Barberini Rafaello. Viaggio in Moscovia di Raffaele Barberini. - M. - Рим, 1823. // РГБ. Шифр хранения OR Ф. 256. № 679.

Экономические примечания к «Атласу Васильского уезда Нижегородского уезда», 1777–1802 // РГИА. Ф. 1350. Д. 113. 194 л.

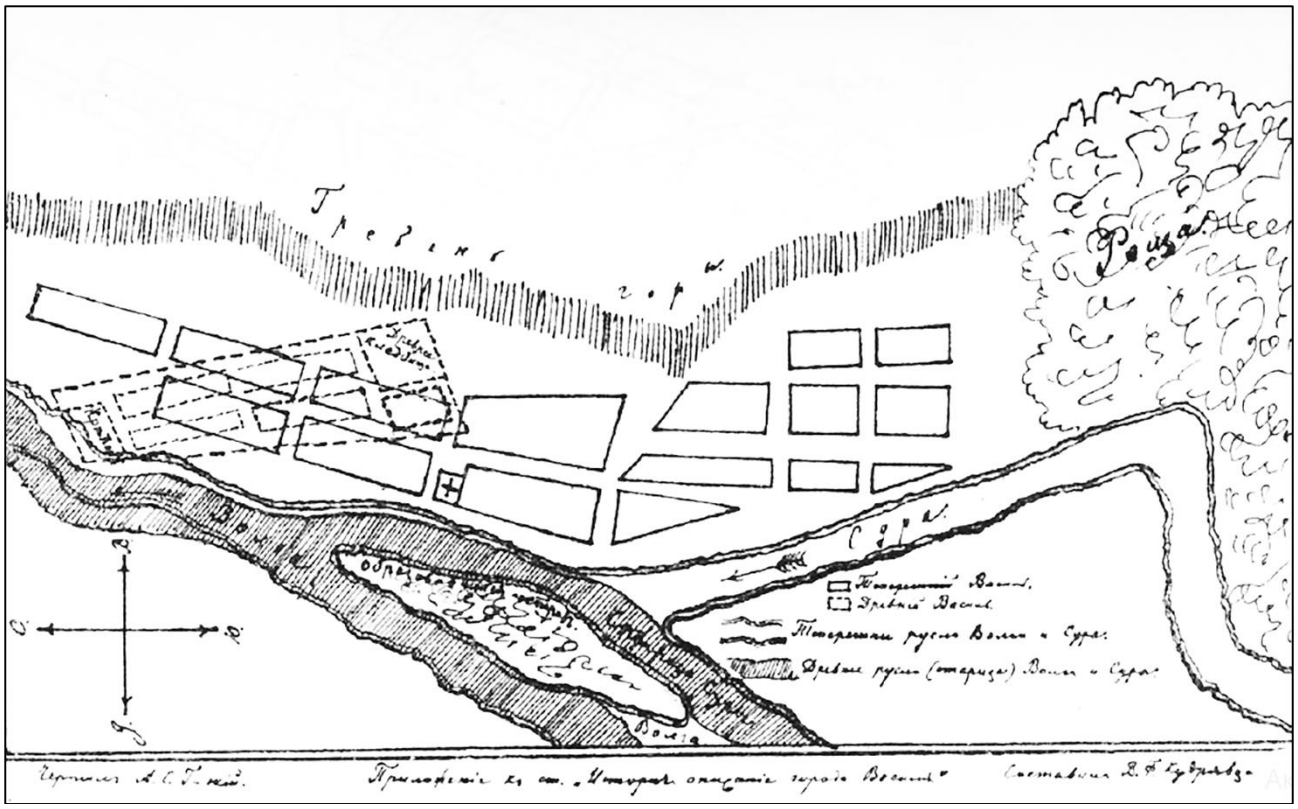

Рис. 1. Схема первоначального местоположения Васильгорода по: *Кудрявцев В. Ф.* Историческое описание города Василя Нижегородской губернии // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским статистическим комитетом / Под ред. А.С. Гацискаго. Т. 6. Н. Новгород: Тип. Нижегородского губернского правления. 1877. С. 101–103.

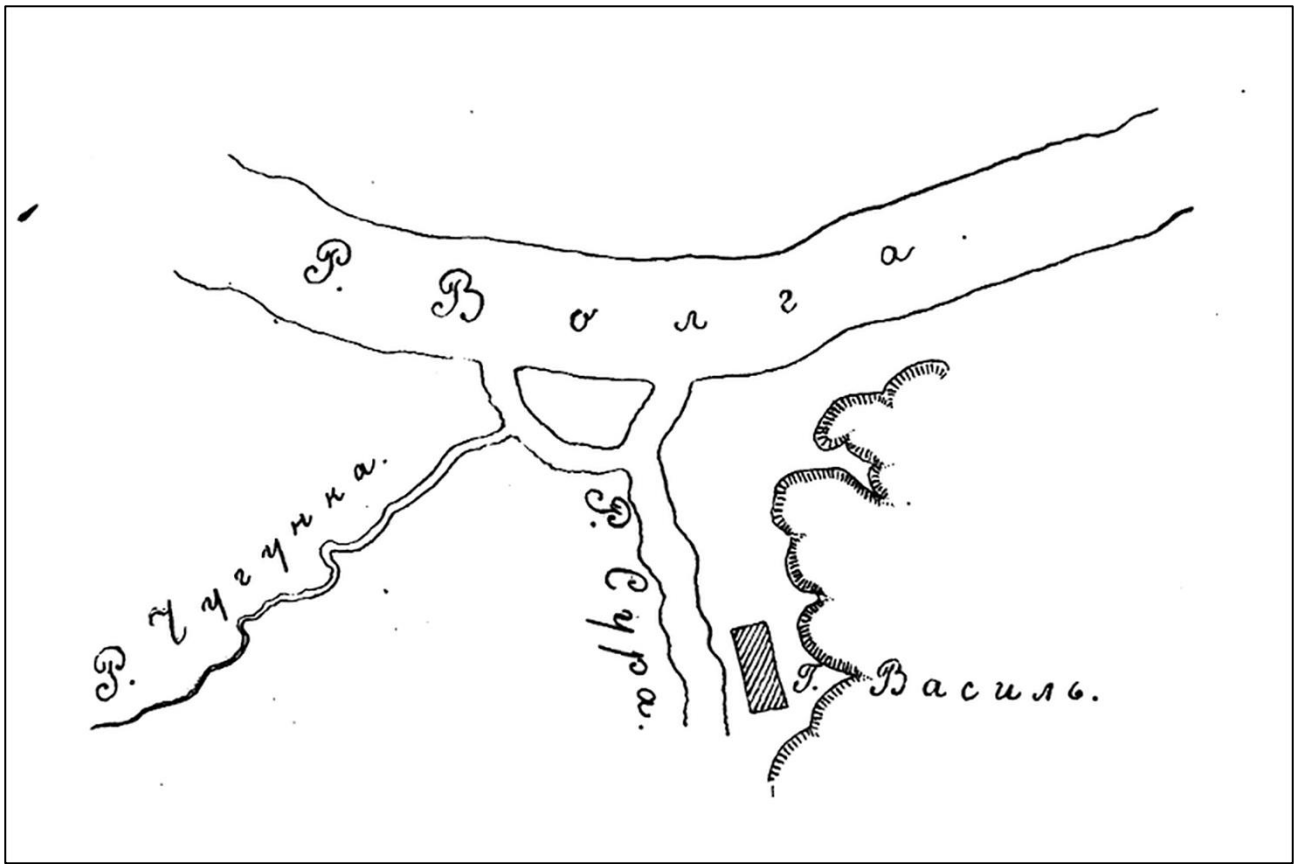

Рис. 2. Схема первоначального местоположения Васильгорода по: *Демидов Н.* Исторический очерк Васильсурского уезда. Н. Новгород: Тип. Ройского и Душина, 1884. С. 77-81.

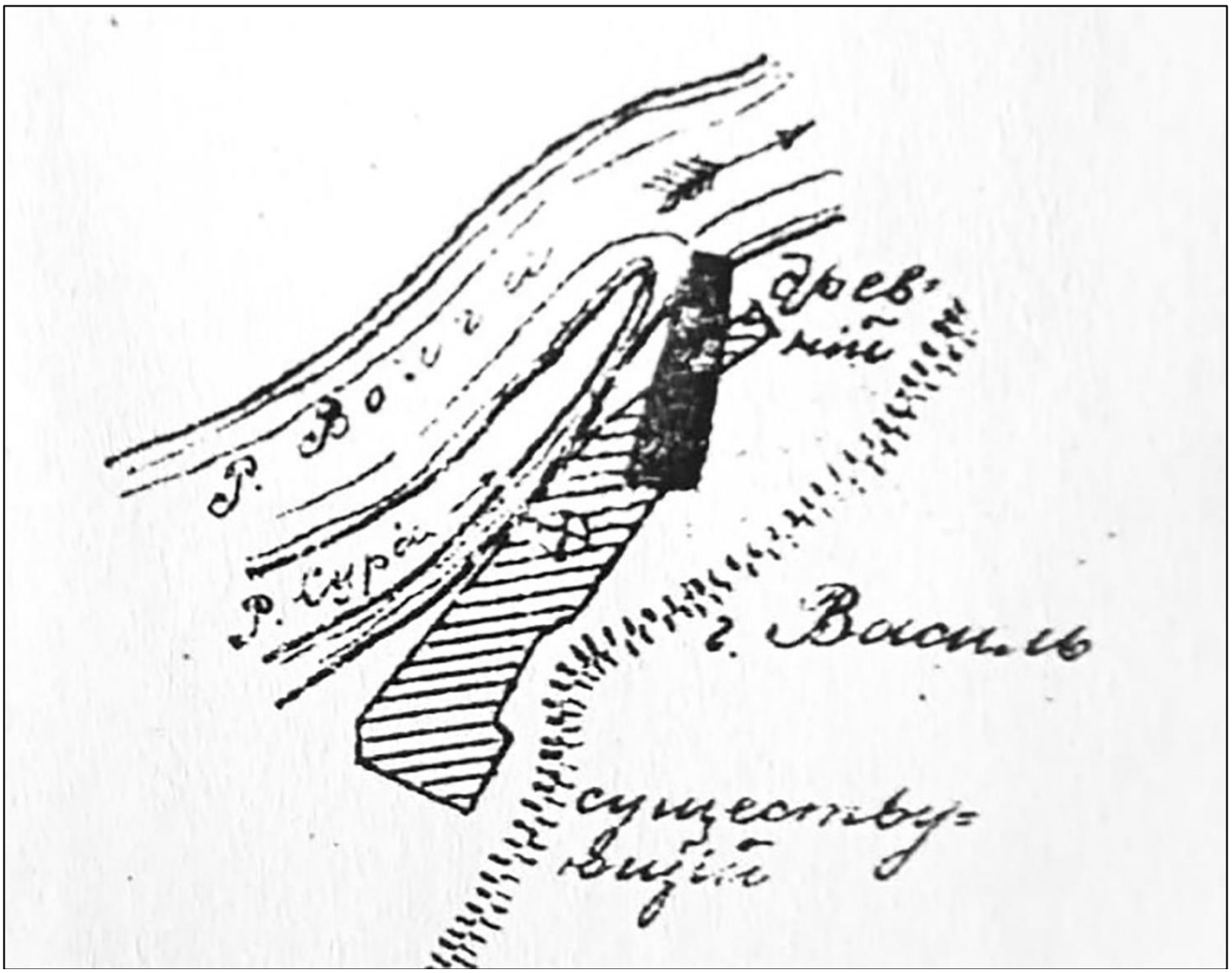

Рис. 3. Схема первоначального местоположения Васильгорода по: *Игнатов К. М.* Неустойчивость рельефа Нижегородской губернии (Образование оползней, оврагов, береговых наносов и пр.). М.: Типо-литография В. Ф. Смирнова, 1914. Приложение.

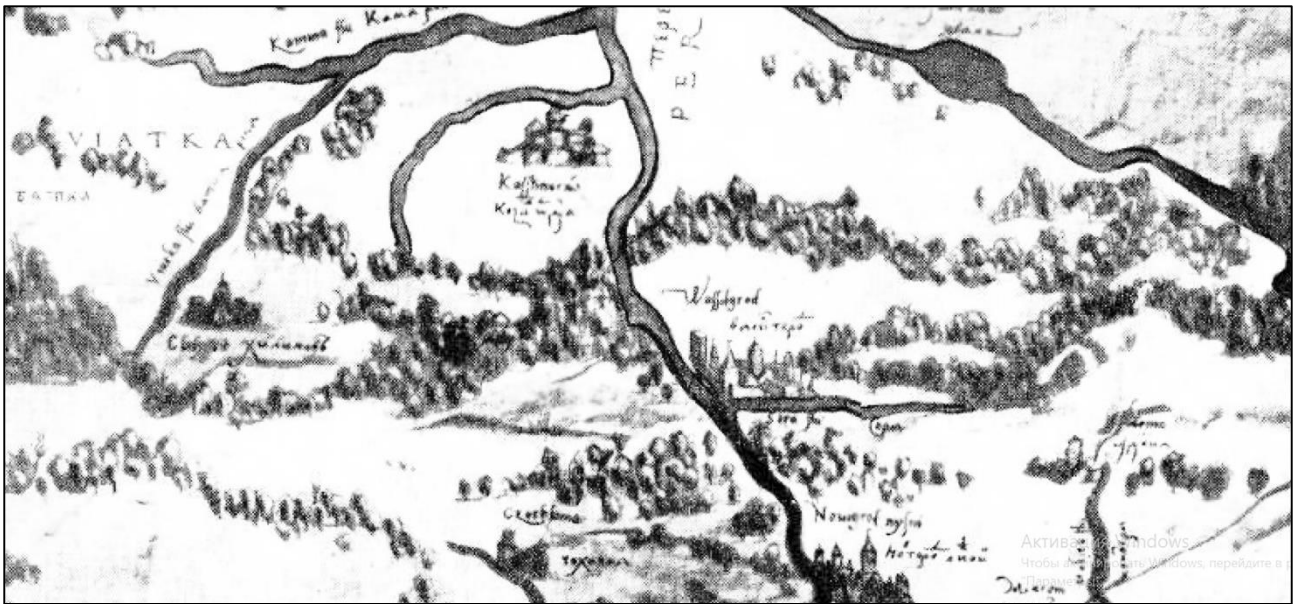

Рис. 4. Васильгород на карте Московии А. Вида (1542 год) по: *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV – начала XVI века. М.: Наука, 1974. Ил. 2.

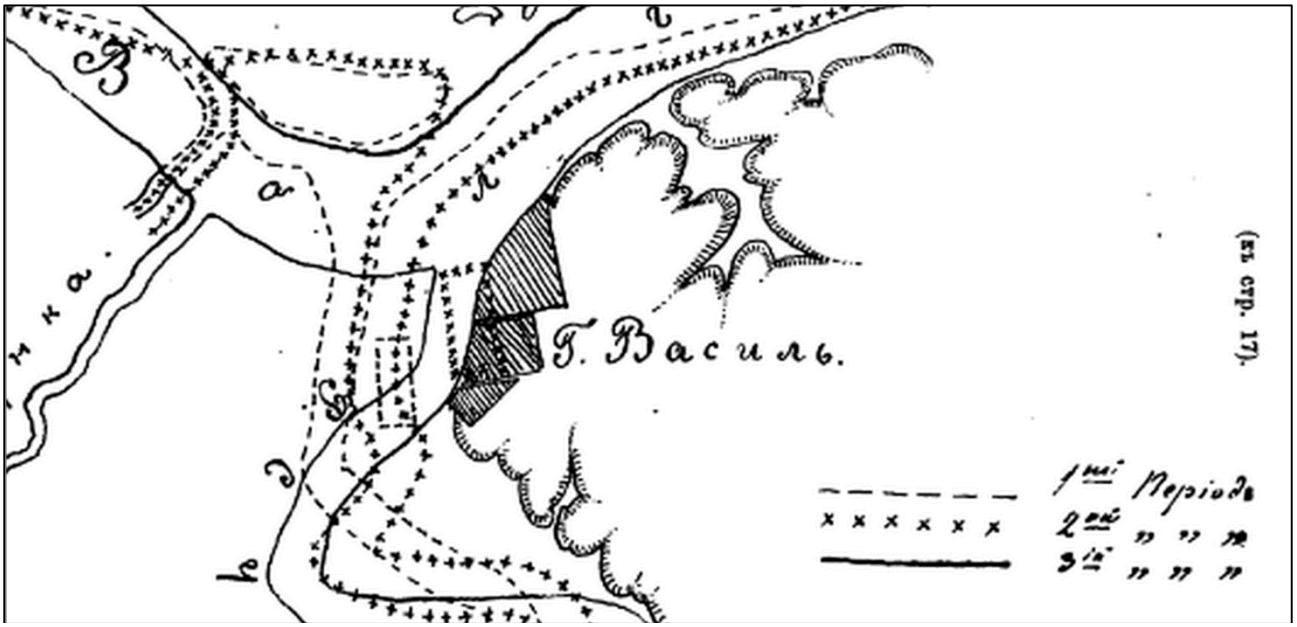

Рис. 5. Схема изменения береговых линий рек Суры и Волги с показанием местоположения Васильгорода на разные периоды его существования по: *Демидов Н.* Исторический очерк Васильсурского уезда. Н. Новгород: Тип. Ройского и Душина, 1884. С. 77-81.

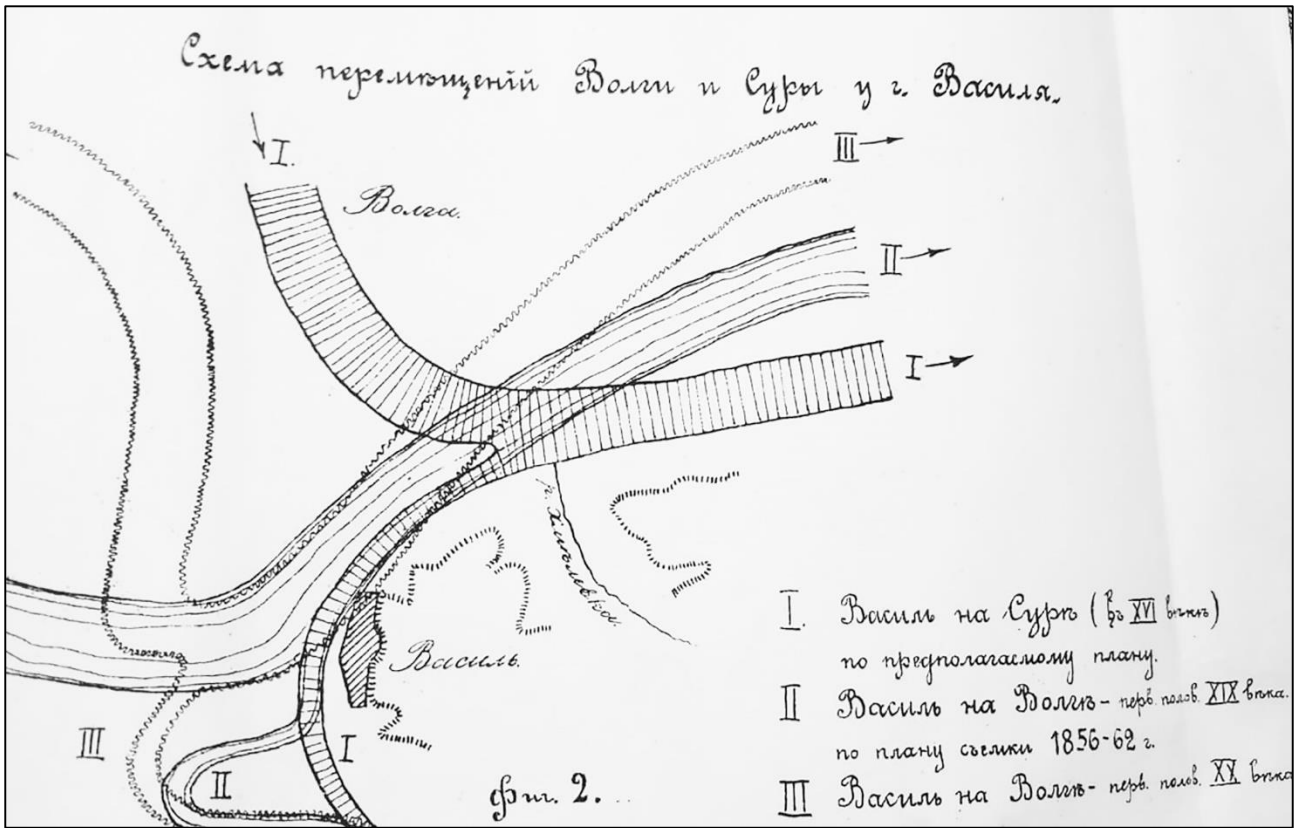

Рис. 6. Схема изменения береговых линий рек Суры и Волги в районе Васильсурска по: *Игнатов К. М.* Неустойчивость рельефа Нижегородской губернии (Образование оползней, оврагов, береговых наносов и пр.). М.: Типо-литография В. Ф. Смирнова, 1914. Приложение.

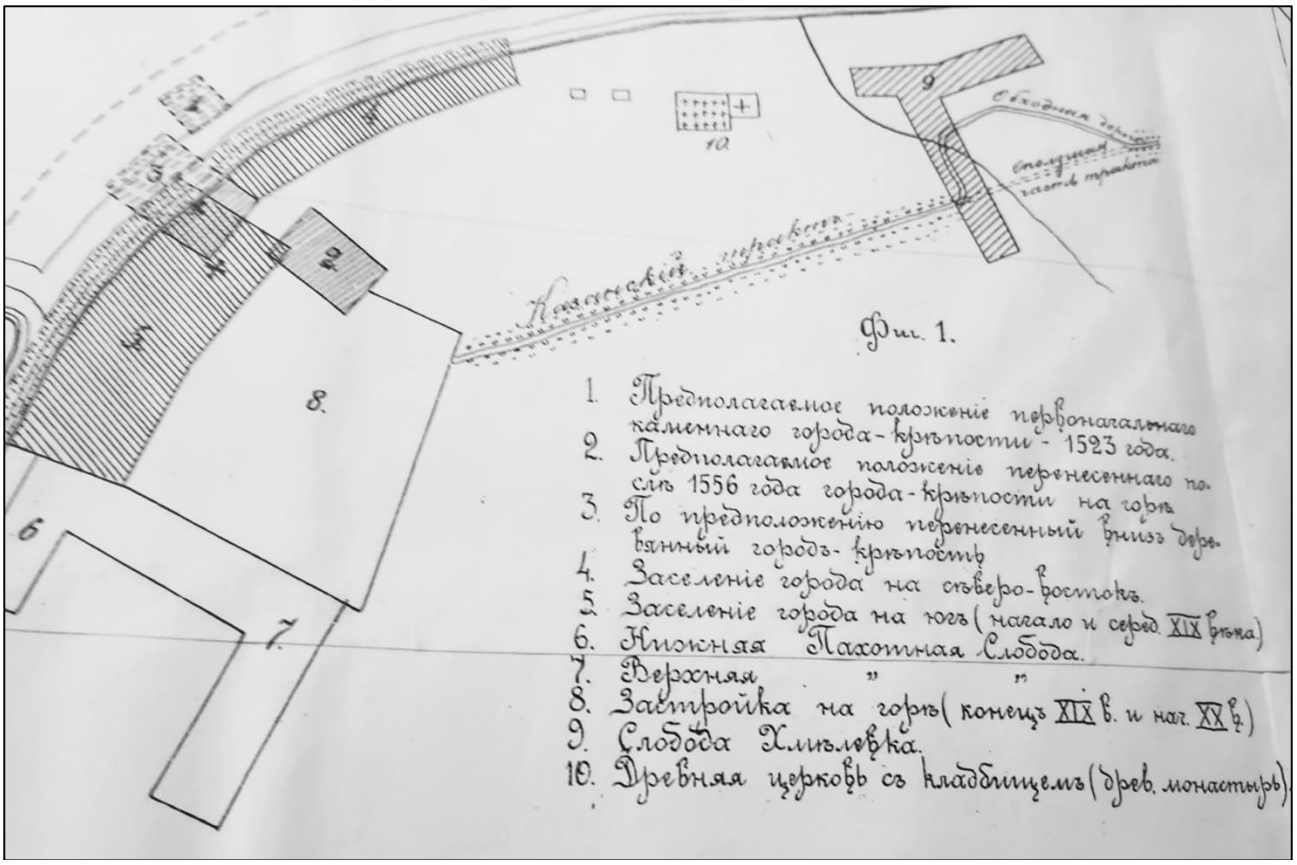

Рис. 7. Схема перемещения города Василя в период с 1523 г. – до кон. XIX в. по: *Игнатов К. М.* Неустойчивость рельефа Нижегородской губернии (Образование оползней, оврагов, береговых наносов и пр.). М.: Типо-литография В. Ф. Смирнова, 1914. Приложение.

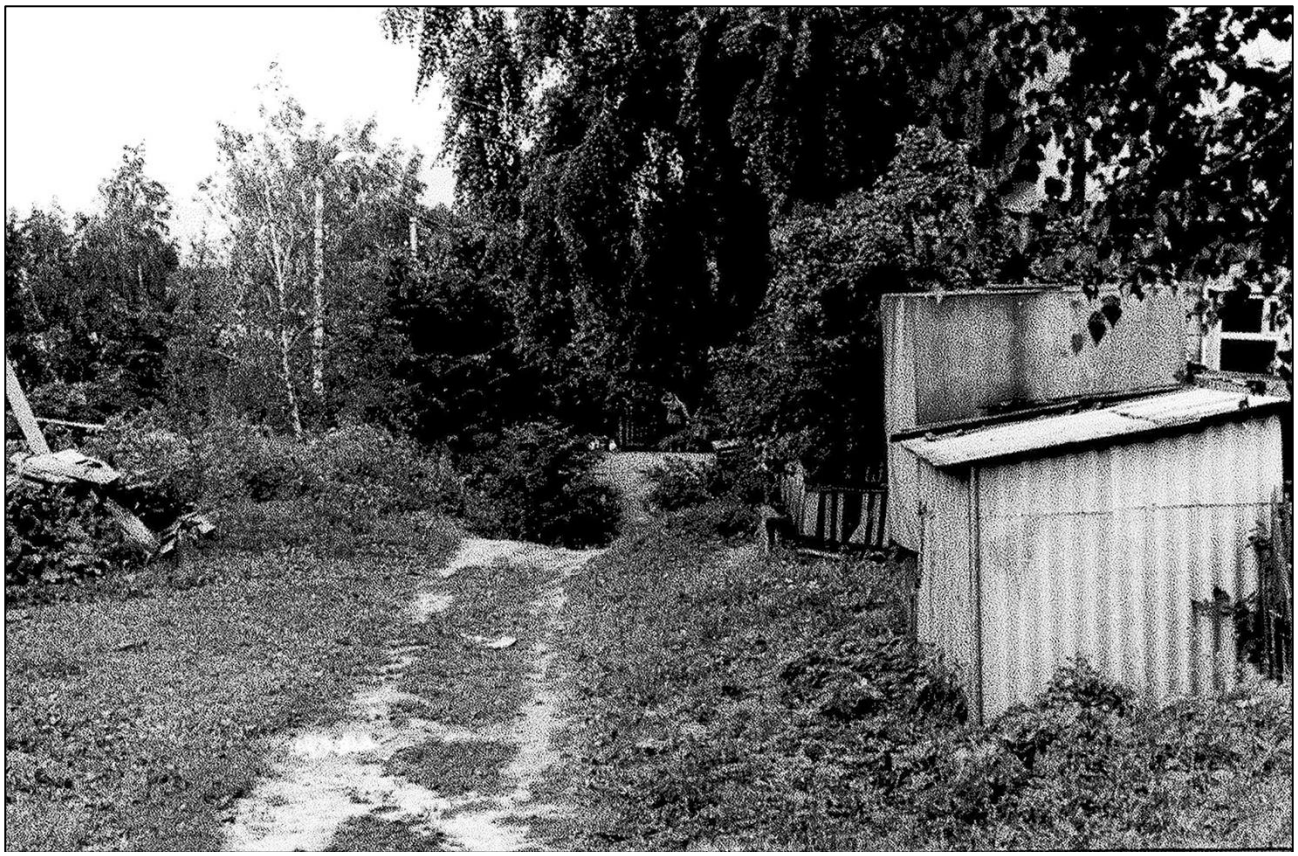

Рис. 8. Остатки земляных крепостных сооружений в конце ул. К. Маркса.
Фото С.А. Чадова (1994 год).

DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2-2

С. К. Свечников

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
им. В. М. Васильева, канд. ист. наук
svechnikov-sk@mail.ru

ВАСИЛЬГОРОД В ПЕРИОД РУССКО-КАЗАНСКИХ ВОЙН 1523–1552 гг.

Статья посвящена истории основания и первым годам существования Васильгорода (Васильсурска).

Ключевые слова: Васильгород, черемисы, Казанское ханство, русско-казанские войны, Василий III, Иван IV.

Васильгород (ныне Васильсурск) – первая крепость, основанная русскими на территории Казанского ханства. Возникновение этого форпоста было обусловлено острым московско-казанским противостоянием, резко усилившимся с началом правления на казанском престоле представителей крымской династии Гиреев.

Весной 1521 г. в Казанском ханстве вспыхнуло крупное восстание, направленное против московского протектората, плодами которого воспользовались сторонники сближения с Крымом. Вместо русского ставленника Шах-Али на престол был возведен брат крымского хана Мухаммед-Гирея – Сахиб-Гирей; в ходе восстания были ограблены и задержаны находившиеся в Казани русские купцы, а также убиты охранявшие хана Шах-Али и русского воеводу воины (Казанская…, 1954. С. 65; ПСРЛ. Т. 13. С. 37). В течение весны и лета 1521 г. казанские отряды совершили набеги на Унжу, Галич, Сухону, нижегородские, муромские и мещерские места (Кунцевич, 2021. С. 601–602; Нижегородский…, 1886. С. 31; ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 518). По сведениям С. Герберштейна, в июле – августе 1521 г. Сахиб-Гирей со своим войском присоединился к опустошительному походу Мухаммеда-Гирея на Москву (Герберштейн, 1988. С. 175). В 1522 г. татаро-марийские войска разорили Галицкие волости, Парфеньево, Южню, русские селения в Поветлужье (Ветлужский…, 2017. С. 203; Кунцевич, 2021. С. 602). Несмотря на начавшиеся в конце 1522 – начале 1523 гг. переговоры (Сборник…, 1877. С. 667), весной 1523 г. Сахиб-Гирей «в Казани много зла християнству навел и кровь пролия, яко воду, и посланника великого князя Василья Юрьевичя Поджегина уби» (ПСРЛ. Т. 13. С. 43).

События в Казани стали поводом для подготовки похода на Казань. Василий III, говоря словами Софийской II летописи, «сжалися ему о том, и пошед со своею братьею на второго своего мучителя, на царя Казаньского» (ПСРЛ. Т. 6. С. 264). «Первым мучителем» Василия III, очевидно, считался крымский хан, но в то время у московского великого князя не было достаточно сил, чтобы покорить Крымское ханство, за спиной которого к тому же стояла

Османская империя, поэтому он свои войска направил против более слабого неприятеля в лице казанского хана. К тому же великий князь Московский и всея Руси, носивший ещё и титул князя Болгарского, считал Казань своей вотчиной, а посмевших выступить против Москвы казанцев – «изменниками» (Сборник…, 1877. С. 617, 659). Внешнеполитическая обстановка накануне похода на Казань для Московского государства сложилась более чем благоприятная: в 1522 г. было заключено пятилетнее перемирие с Литвой, а Крым в начале 1523 г. был опустошён ногайскими войсками после безуспешной попытки крымского хана завоевать Астраханское ханство, причем на престол вместо убитого ногайцами Мухаммед-Гирея взошёл более миролюбивый Саадат-Гирей (Зимин, 1972. С. 250–252). Войска возглавил лично Василий III; перед выступлением в поход он даже составил новую духовную грамоту, где он прямо указал, что пишет её, «идучи на свое дело х Казани» (Духовные…, 1950. С. 415). Учитывая это, можно полагать, что в 1523 г. изначально планировалась операция с целью взятия Казани. 23 августа Василий III прибыл в Нижний Новгород, и здесь он принял решение отложить поход на Казань «для осени, поздно» (ПСРЛ. Т. 26. С. 312), т. е. из-за ранней осени и обещавшей быть ранней зимы (Илюшин, 2022. С. 145).

Возможно, дело было не только в погоде. Видимо, учитывая негативный опыт казанского похода 1506 г., закончившейся неудачей, в первую очередь, из-за серьезных проблем со снабжением войск (ближайший к Казани русский пункт снабжения находился в Нижнем Новгороде – на расстоянии в 405 км по Волге), московское руководство решило основать прямо на границе с ханством промежуточную базу для ведения дальнейших наступательных действий. «Под Казань» конные и судовые рати двинулись 27 августа. Василий III остался в Нижнем Новгороде, а номинальным руководителем операции был назначен его вассал касимовский хан Шах-Али. 1 сентября русские войска добрались до устья Суры и начали возводить там деревянную крепость «Василь град» (ПСРЛ. Т. 6. С. 264; ПСРЛ. Т. 8. С. 270; ПСРЛ. Т. 13. С. 43–44). Согласно Вологодско-Пермской летописи, непосредственную ответственность за строительство нового города возложили на князя Михаила Юрьевича Захарьина (ПСРЛ. Т. 26. С. 312), являвшегося, по словам С. Герберштейна, одним из главных советников Василия III (Герберштейн, 1988. С. 176). Основная часть войск была направлена «воевати и пленити Казанские места» (ПСРЛ. Т. 26. С. 312). По оценке Б. А. Илюшина, «почти все воеводы обеих ратей имели большой или очень большой опыт командования полками и высокий местнический статус», что «свидетельствует в пользу версии о первоначально иных планах, нежели только основание острога» (Илюшин, 2021. С. 202).

Судовая и конная рати, прежде всего, должны были прикрывать строительство крепости в устье Суры. Они своими действиями охватили обширную территорию на Горной

и Луговой стороне ханства вплоть до окрестностей Казани, «ходиша, воююще и жгуще врагов» (ПСРЛ. Т. 26. С. 312). Натиск русских войск был настолько мощным и решительным, что никакого серьезного сопротивления казанцы не смогли оказать. Правда, в ряде летописей говорится о сражении русских и казанских конных ратей на берегах Свияги на Отяковом (Итяковом) поле (Зимин, 1972. С. 253; ПСРЛ. Т. 34. С. 14). Однако Б. А. Илюшин вполне обоснованно подозревает ошибку в этих источниках, переносящих известное по многим летописям большое сражение 1524 года на Итяковом поле на год ранее (Илюшин, 2021. С. 207–208).

Воеводы не ограничились привычной тактикой опустошения вражеской территории. Ещё они «и Мордву, и Черемису Казаньскую за государя всеа Русии к шерти привели» (Тихомиров, 1979. С. 162), т. е. к Русскому государству была присоединена часть территории Казанского ханства. Учитывая то, что, согласно Русскому хронографу, воеводы «Казанские земли много плениша и до Цывили» (ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 519), к присяге великому князю Василию III в 1523 г. были приведены жители междуречья Суры и Цивиля – горные марийцы, мордва и, вероятно, чуваши. Также в летописях сообщается об уводе огромного черемисского полона (ПСРЛ. Т. 6. С. 264; ПСРЛ. Т. 8. С. 270; ПСРЛ. Т. 13. С. 44; ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 519; ПСРЛ. Т. 26. С. 312; ПСРЛ. Т. 31. С. 127; ПСРЛ. Т. 34. С. 14).

Согласно некоторым преданиям, русский город в устье Суры был основан на месте марийской крепости (резиденции марийского князя) Цепель (Акцорин, 2000. С. 56–57; Атласкин, 2012; Демидов, 1884. С. 13–14; Кудрявцев, 1877. С. 6–8, 24, 86–87; Морохин, 1997. С. 71). Однако ещё в начале XX в. Н. Н. Оглоблин отметил, что название «Цепели» ранее носил пустырь с полянами на гребне горы в черте Васильсурска, где виднелись остатки рвов и валов бывшего русского острога (Оглоблин, 1912. С. 49–50). Ранее, в 1797 г., это место посетил А. Н. Радищев, оставив в своём дневнике такую запись: «Поутру ходил с офицером на верх горы; там видны остатки древнего укрепления, рвы неглубокие и вал заросший, также где были бойницы» (Радищев, 1952. С. 299). Можно с уверенностью утверждать, что топоним Цепели имеет не марийское, а русское происхождение. Согласно толковому словарю В. И. Даля, диалектное (владимиро-суздальское) слово «цепе́ль» означает «косарь, большой нож» (Даль. С. 590). Кроме того, в XVI в. в Березопольском стане Нижегородского уезда существовала русская деревня Цепелево (Акты служилых…, 2002 С. 258). С другой стороны, в словаре личных марийских имён подобный антропоним отсутствует (Черных, 1995). Необходимо также учитывать, что марийское название Васильсурска – не Цепель (или иное созвучное слово), а Шурдӹнг (Устье Суры). Кроме того, предания о Цепелях были распространены только среди русских жителей Васильсурска. Следовательно, с названием «Цепели» связана начальная история непосредственно самого Васильгорода (Васильсурска).

Также в центральной части этого населенного пункта не обнаружено археологических памятников, относимых к марийской культуре (правда, на территории Цепелей, ныне полностью занятой частными домовладениями, археологические раскопки не проводились).

Вместе с тем рядом с Васильсурском и на его окраинах сконцентрировано большое количество древностей, среди которых выявлен и исследован ряд средневековых марийских объектов, существовавших не позднее основания Васильгорода: 1) Васильсурское V городище («Репище») X–XIII вв. (Никитина, 2002. С. 43–44, 200; Николаенко, 2004. С. 187–188); 2) Васильсурский II могильник X–XIII вв. (Ефремова, Пузаткина, 2012; Николаенко, 2004. С. 188–189); 3) Барковское городище («Чертово городище», «Орла нер») руб. I–II тыс. н. э. (Архипов, Никитина, 1993. С. 26, 95; Никитин, 2009. С. 28; Оглоблин, 1906. С. 4–8); 4) Барковское селище XIII–XV вв. (Ефремова, 2017); 5) Красноселищенское селище XIII–XIV вв. (Никитин, 2009. С. 47–48; Никитина, 2000; Никитина, 2002. С. 50–52, 206). Кроме того, близ Васильсурска расположены объекты сакрального значения, почитаемые горными марийцами – Анненское озеро (Ананйäр), Супротивный ключ, Тюлеев (Гремячев) ключ. При этом Супротивный ключ был посвящен главному богу Кого Йымы (Большому Богу) (после христианизации марийцев – Йымын-Äтя (Богу-Отцу)) и являлся центральным культовым местом для всего правобережного марийского населения (Акцорин, 2000. С. 55–58; Оглоблин, 1906. С. 11–16). Таким образом, предания об основании Васильгорода на месте марийского поселения всё же имеют под собой реальную почву.

Скорее всего, в ходе возведения русской крепости в устье Суры в целях обеспечения безопасности вся прилегающая местность была полностью очищена от марийских поселений. Это следует из того, что такая практика была своеобразной нормой в ходе строительства русских городов-крепостей на территории завоеванного впоследствии Казанского ханства. Например, при возведении Козьмодемьянска в 1583 г. «татаровя и черемиса для тесноты русских людей от города отведены житьем за десять верст». Впоследствии воеводская администрация строго следила за тем, чтобы марийцы не строили свои дома, нарушая установленную дистанцию (Айплатов, Иванов, 2000. С. 73); даже гораздо позднее, в 1859 г., ближайшее к Козьмодемьянску марийское поселение (околодок Верхние Шелаболки) располагалось практически на таком же расстоянии – в 9 верстах от уездного города (Списки…, 1866. С. 29). В том же 1859 г. ближайшая к Васильсурску марийская деревня Крайняя Шешмара (Шешмары, Дмитриево) отстояла на 14 верст (Списки…, 1863. С. 71). Это может означать, что в 1523 г. воеводы создали зону безопасности вокруг Васильгорода радиусом около 15 км.

Саму крепость в 1523 г. построили за короткое время, возможно, в те же сроки (четыре недели), что и возведенный в 1551 г. в похожих обстоятельствах Свияжск. Согласно

Вологодско-Пермской летописи, «божьею помощию царское слово и дело исполнено вскоре» (ПСРЛ. Т. 26. С. 312); в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского и Отрывке летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку также указано, что «по великого князя слову въскоре город древян поставили» (ПСРЛ. Т. 6. С. 281; ПСРЛ. Т. 43. С. 216). Почти по всем свидетельствам крепость была построена из дерева. И. Н. Берсень-Беклемишев даже уничижительно прозвал Васильгород «лукном» (Акты, 1836. С. 144), т. е. сравнил его с корзиной, лукошком. Лишь в одном случае крепость на Суре названа каменной. Итальянский аристократ Р. Барберини, побывавший с частным визитом в России в 1564 г., написал: «Далее верстах во ста сорока за Нижним находится другая река, которая вливается здесь в Волгу, а течет с юга, и называется Сура (Szura), при устье которой стоит каменная крепость, именуемая Васильев-Новгород (Basilonugorod)» (Сказания…, 1843. С. 44). Скорее всего, здесь в тексте Барберини допустил ошибку, поскольку в предшествующей части сочинения встречается точно такой же фрагмент, но без упоминания о каменном укреплении (Сказания…, 1843. С. 12). То, что крепость в устье Суры была деревянной, доказывается и тем фактом, что она сгорела и простояла сравнительно недолго. Еще в 1623 г. русский купец Ф.А. Котов сообщал, что город Василь «был высок, на горе, да сожен» (Хожение…, 1958. С. 28). Побывавший в 1636 г. в этих местах А. Олеарий свидетельствовал: «Васильгород – небольшой городок или местечко; он построен всецело из деревянных домов, без стены кругом» (Олеарий, 2003 С. 312).

Вместе с тем Васильгород не был совсем уж маленькой крепостью. По описаниям середины XIX в., укрепление имело форму неправильного прямоугольника размером 284×207 саженей (Кудрявцев, 1877. С. 84), т.е. его площадь составляла около 25 га. Однако это были очертания не первоначального крепостного сооружения, а более поздней постройки. Известно, что в 1556 г. была произведена перестройка и перепланировка крепости с уменьшением её первоначальных размеров: «Василь-город переставлен, а убавлено его снизу, на горе учинен» (ПСРЛ. Т. 13. С. 273). По всей видимости, это было вызвано затоплением прибрежной части города. В. Ф. Кудрявцев даже пришёл к заключению, что «следов старой крепости не сохранилось; не сохранилось даже самое место, где стояла эта крепость; место крепости, равно церквей и зданий, находится теперь в водах Волги» (Кудрявцев, 1877. С. 97); позднее эту версию развили В. И. Рагозин, Н. А. Демидов, Н. Н. Оглоблин (Рагозин, 1881. С. 189–196; Демидов, 1884. С. 20–21; Оглоблин, 1912. С. 46–51). Считается, что крепость была переставлена именно на то самое место, которое известно под названием «Цепели» (Демидов, 1884. С. 20–21; Кудрявцев, 1881. С. 24, 86; Оглоблин, 1912. С. 49–50).

Летописное сообщение 1556 г. об убавлении Васильгорода позволяет полагать, что старая крепость имела больший масштаб. В пользу этого говорит и то огромное значение,

которое московское руководство придавало в 1523 г. строительству форпоста в устье Суры.

Символически такое отношение к ней отразилось в том, что город назвали именем самого великого князя Василия III. Кроме того, в «Нижегородском летописце» сообщается, что в Васильгороде была возведена церковь «во имя Пресвятыя Богородицы честнаго Покрова, да два придела: Архистратига Михаила и Николая Чудотворца» (Нижегородский…, 1886. С. 32). Название этого храма глубоко символично, ибо Богородица считалась покровительницей походов русских войск «на Болгары» еще во времена князей владимиро-суздальских Андрея Юрьевича Боголюбского (1157–1174) и Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1176–1212) (ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 352–353, 364, 390). Соответственно, архистратиг (архангел) Михаил в православной церкви почитается как покровитель и споборник «воинствующей Церкви» (Иванов, 2001. С. 473), а святитель Николай Чудотворец считается покровителем ратного дела (Успенский, 1982. С. 29–30). Также в 1523 г. в Васильгороде был оставлен крупный гарнизон во главе с воеводами А. И. Стригиным, В. М Салтыковым, М. И. Бакевым, «а с ними многия люди» (ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 519). Естественно, многочисленный гарнизон не мог разместиться в маленькой крепости.

Московское руководство возлагало на новое укрепление большие надежды. Митрополит Даниил полагал, что Василий III «тем деи городом всю землю Казанскую возмет» (Акты…, 1836. С. 144). В «памяти» русскому послу в Литве Г. Д. Загрязскому предписывалось говорить, что Василий III «велел город поставити того деля, чтоб ему ближе из того города с Казанью свое дело делати, людем бы его ближе ходити х Казани» (Сборник…, 1877. С. 682). Павел Йовий в 1525 г. со слов московского посла в Риме Дмитрия Герасимова записал: «Сто пятьдесят миль выше Казани при впадении реки Суры царствующий ныне Василий основал город Сурцик с той целью, чтобы устроить в этом пустынном месте надежное и безопасное пристанище с гостиницами и лавками для купцов и путников, которые ставят в известность ближайших порубежных начальников о татарских делах и движениях этого беспокойного племени» (Россия…, 1997. С. 273). Важное оборонительное значение Васильгорода отмечено в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского и Отрывке летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку, где он значится как «от безбожных агарян затулие» (ПСРЛ. Т. 6. С. 281; ПСРЛ. Т. 43. С. 216).

Но были и негативные отзывы на возведение крепости на территории неприятеля. По словам митрополичьего дьяка Федора Жареного, дававшего в 1525 г. показания на следствии по делу Максима Грека, И. Н. Берсень-Беклемишев осуждал строительство Васильгорода на территории ханства: «Поставил на их стороне лукно, ино как ся с ними помирити? И поставити было город, ино было поставить на своей стороне, ино бе лзе миру быти» (Акты, 1836. С. 144).

Сигизмунд Герберштейн, возможно, с подачи ярославских князей, назвал Васильгород «источником многих бедствий» (Герберштейн, 1988. С. 33, 134).

В этих двух высказываниях имелось в виду дальнейшее обострение отношений между Москвой и Казанью из-за возведения русской крепости на территории ханства и присоединения к Русскому государству прилегающей территории – междуречья Суры и Цивиля. Одним из прямых следствий основания Васильгорода было нападение казанских войск на Галич 17 октября 1523 г.: «Приходили татарове под Галич, посады пожгли, а град Господь сохранил не врежен, и отъидоша» (ПСРЛ. Т. 6. С. 281–282; ПСРЛ. Т. 43. С. 216). Примерно в это же время, как полагает Б. А. Илюшин, черемисы действовали вблизи Мурома (Акты служилых…, 2008. С. 387; Илюшин, 2021. С. 214). Однако казанцы не смели атаковать непосредственно сам Васильгород, который, видимо, явно был им не по силам. Хан Сахиб-Гирей в конце 1523 г. в растерянности писал крымскому правителю Саадат-Гирею: «Нынеча княз великий московской поставил город на Суре на реке. А доставаючи подо мною моего юрта Казани. И ты б ко мне прислал пушек, и пищалей, и янычан, а не пришлеш ко мне пушек, и пищалей, и янычан, и мне противу московских воевод стояти не мочно» (Зайцев, 2004. С. 125).

Весной 1524 г. Сахиб-Гирей попытался заручиться поддержкой уже со стороны османского султана Сулеймана I Великолепного (1520–1566), объявив себя его вассалом. Абсолютное большинство исследователей истории международных отношений в Восточной Европе в первой половине XVI в., (А. Г. Бахтин, И. В. Зайцев, А. А. Зимин, А. Б. Кузнецов, Н. А. Смирнов, А. Л. Хорошкевич и др.), сошлось в твердом убеждении, что, по крайней мере, в 20-е гг. XVI в. Порта стремилась поддерживать мирные взаимоотношения с Русским государством. Провозглашение вассальной зависимости Казанского ханства от Османской империи являлось, можно сказать, пустословием. Как полагает И. В. Зайцев, идея объявления османского вассалитета Казани зародилась в Крыму среди желающих удержать Москву от вмешательства в казанские дела с помощью угроз ввязать в спор Османскую империю (Зайцев, 2004. С. 125). Василий III, зная, что османский султан занят войной с Венгерским королевством, проигнорировал этот демарш и направил в мае 1524 г. огромное войско на Казань. И всё же есть основания утверждать, что возведение русской крепости на казанском берегу Суры стало одним из триггеров, запустивших проникновение османского фактора в русско-казанские отношения.

Выходит, что строительство Васильгорода было неординарным шагом русского правительства, вызвавшим заметный внешнеполитический резонанс. Справедливую политико-правовую оценку этому действию дал швейцарский историк Андреас Каппелер. Он отметил, что, с одной стороны, его можно рассматривать как продолжение прежней традиции

расширять границы государства путём строительства крепостей на осваиваемой территории (например, ранее так появились в этом районе Нижний Новгород и Курмыш), с другой стороны, были нарушены традиционные правила «степной политики» (Steppenpolitik), т. е. вопреки господствовавшим на территории распавшейся империи Чингизидов негласным законам Василий III приступил к непосредственному присоединению территории бывшего золотоордынского улуса (Kappeler, 1982. S. 51).

Судя по приведённому выше тексту сочинения Павла Йовия, Василий III рассчитывал развивать в новом городе торговлю, создать из него «пристанище с гостиницами и лавками для купцов и путников» (Россия…, 1997. С. 273). Задуманное, по крайней мере, осуществить пытались. В пользу этого говорит, например, то, что в 26-м ящике описи Царского архива, составленной в 70-х гг. XVI в., хранились «списки обыскные о Сурском торге Ивашка Скрыпицына» (также в соседнем 27-м ящике лежали «списки – розпись людем по городу в Василегороде») (Описи…, 1960. С. 20). Очевидно, этот Сурский торг был учреждён в Васильгороде. В литературе встречаются предположения, что в 1525 г. Василий III попытался переместить международную ярмарку из Казани именно сюда (Демидов, 1884. С. 18; Каптерев, 1939. С. 112; Кудрявцев, 1877. С. 17–21; Марков, 1843. С. 9–10; Мельников, 1917. С. 6; и др.). Однако в источниках содержатся чёткие и недвусмысленные указания на то, что казанскую ярмарку перевели в Нижний Новгород (Герберштейн, 1988. С. 179; ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 520; Тихомиров, 1979. С. 164). Очевидно, Василий III не видел резона переносить большую ярмарку из одного опасного для русских купцов места (Казани) в другое (город на самой границе с ханством). К тому же находившийся в относительной безопасности Нижний Новгород и без того являлся крупным центром торговли (Фехнер, 1956. С. 45–46). Следовательно, действовавшая в Васильгороде ярмарка («Сурский торг») была небольшой, имела местное значение, а останавливавшиеся здесь торговцы для московского руководства нужны были, прежде всего, как поставщики разведывательной информации «о татарских делах и движениях этого беспокойного племени» (Россия…, 1997. С. 273).

В исторической литературе преобладает мнение, что Васильгород был основан как база для наступления на Казань (А. А. Зимин, Б. А. Илюшин, А. Каппелер, Ю. А. Кизилов, Я. Пеленски, И. И. Смирнов, С. М. Соловьев и др.), часть исследователей (Г. И. Перетяткович, М. Г. Худяков) предположила, что возведение этого города продиктовано исключительно задачами оборонительного характера, ряд учёных (С. Х. Алишев, А. Г. Бахтин, М. К. Любавский, Н. Н. Фирсов) пришёл к выводу, что крепость на Суре мог в равной мере выполнять как оборонительные, так и наступательные функции (Бахтин, 2022. С. 232–233; Илюшин, 2021. С. 211–212; Свечников, 2014. С. 129–130). Такой разброс взглядов вызван, скорее всего, тем, что Васильгород не оправдал тех надежд, которые изначально возлагало на

нее московское руководство. Эта крепость, прежде всего, должна была служить опорным пунктом для войск, решающих задачу взятия Казани. Состоявшийся уже в следующем 1524 г. крупномасштабный поход показал, что форпост в устье Суры построен слишком далеко от Казани (238 км по Волге), и рассчитывать на него бесполезно. В частности, нагруженная в Нижнем Новгороде припасами флотилия И. Ф. Палецкого, стала лёгкой добычей черемис, устроивших две засады где-то между Васильгородом и Казанью (Герберштейн, 1988. С. 177–178). Примечательно, что в источниках нет ни единого упоминания о Васильгороде в связи с походами на Казань в 1524 и 1530 гг. По словам П. В. Чеченкова, в Васильгород назначались воеводы невысокого статуса; лишь с 1546/47 г. в условиях нового наступления на Казань статус назначаемых в Васильгород военачальников стал повышаться. Однако и в этот период опорой наступательной политики Ивана IV оставался Нижний Новгород (Чеченков, 2013. С. 11–13). Впервые о Васильгороде как базе снабжения сообщается под 1549 г. в разрядных книгах. При этом (возможно, из-за слишком больших объемов припасов) «казанского запасу берегли» на в самой крепости, а «за городом» (Разрядная книга 1475–1598, 1966. С. 123–124; Разрядная книга 1475–1605, 1977. С. 356). Не исключено, что эти запасы хранились в складских помещениях Сурского торга. Зимой 1549/50 г. состоялся очередной поход русских войск на Казань, который вновь оказался безуспешным во многом из-за оторванности от баз. После этого похода, как известно, было принято решение основать крепость в непосредственной близости к Казани – Свияжск (ПСРЛ. Т. 13. С. 158–160). Так Васильгород утратил даже номинальный статус передового русского укрепления в казанском направлении.

Васильгород не проявил себя и в качестве оборонительного форпоста. Казанские войска обходили его стороной; в источниках нет ни единого упоминания нападения на него. Васильгорода нет и в приведенных в Никоновской летописи списке городов, опустошённых казанцами в 1535–1545 гг. (ПСРЛ. Т. 13. С. 129). Такая ситуация могла быть вызвана двумя причинами: 1) казанцы считали крепость неприступной, поэтому не пытались атаковать ее; 2) местное население (марийцы, мордва, чуваши, татары) видело для себя в Васильгороде больше пользы, чем вреда. Первый из указанных факторов можно не принимать во внимание, учитывая, что казанцы в то же время нападали на не менее или даже более крупные русские города-крепости – Нижний Новгород, Муром, Устюг, Галич и др. А вот на второй причине следует остановиться особо.

С первых лет своего существования Васильгород представлял собой далеко выдвинутый в сторону Казани анклав: от территории Русского государства с севера, запада и юга он был отделён Волгой и Сурой, а с востока подступали владения казанского хана. Даже в наши дни Васильсурск из-за особенностей географического положения называют «Нижегородским островом». Будучи запертыми со всех сторон, горожане во главе с воеводами

были вынуждены выстраивать гибкие взаимоотношения с соседями, прежде всего, горными марийцами.

С одной стороны, Василий III распорядился ту часть марийцев, которая представляла наибольшую опасность («по подозрению в преступной измене»), депортировать на запад, к литовской границе (Герберштейн, 1988. С. 164). Остальных, как было уже указано выше, привели к присяге великому князю. С другой стороны, принимались меры, направленные на завоевание лояльности местного населения.

Во взаимоотношениях между васильгородцами и горными марийцами большую роль играл учреждённый Василием III Сурский торг. Происходил он, возможно, в районе современного села (бывшей слободы) Хмелёвки близ Васильгорода. Известно, что в XVIII – начале XX вв. на ярмарку в Хмелёвке накануне и в День Усекновения главы Иоанна Крестителя («Постителя») (29 августа (11 сентября по нов. ст.)) прибывало много горных марийцев после паломнического посещения ими священного Супротивного ключа (этот ключ почитало и местное русское население) (Кудрявцев, 1877. С. 70; Оглоблин, 1906. С. 16). Также в самой Хмелёвке находилась церковь, которую в основном посещали крещёные марийцы, чтобы поставить две спирально перевитые между собой свечи к иконе мученика Христофора Ликийского, изображенного с конской головой (Кудрявцев, 1877. С. 92). Почитание этого зооморфного образа, очевидно, связано с древним марийским культом коня. Все эти синкретические элементы могли возникнуть вследствие русско-марийской конвергенции, одним из главных условий которой являются длительные мирные межэтнические взаимоотношения.

На Сурском торге активно взаимодействовали русские, марийцы, мордвины, чуваши, татары, иностранные купцы, укреплялись хозяйственно-экономические связи, осуществлялся культурный обмен и, что самое главное, происходил обмен информацией. Так русские узнавали о положении дел в Казанском ханстве, а казанцы – в Русском государстве.

Из Васильгорода велась пророссийская агитация, осуществлялся военный и политический зондаж (Чеченков, 2013. С. 9). Город в устье Суры стал притягательным центром если не для всех горных людей, то для её промосковской части. Не случайно именно горномарийский лужавуй (князь) Акпарс, чья территориальная сотня непосредственно примыкала к окрестностям этого русского форпоста (Иванов, 1995. С. 30–31), согласно преданиям, инициировал и организовал заключение союза горных марийцев с Иваном IV Грозным и вхождение в состав России.

Около Васильгорода несколько раз собирались сторонники сближения с Русским государством, чтобы поддержать те или иные действия Москвы. Ещё в 1531 г. казанские послы предлагали Василию III план переворота: они вместе с Шах-Али и освобожденными

казанскими пленными должны были добраться до Васильгорода, отправить оттуда грамоты в Казань, а также «к черемисе к горней и к луговой, к арским князем», чтобы поднять население ханства против хана Сафа-Гирея. Они уверяли великого князя, что «и только мы приедем в Василь-град и пошлем к ним грамоты, и те люди за нас станут». Правда, московское руководство стало действовать по более осторожному сценарию: 10 декабря 1531 г. Шах-Али вместе с казанскими послами были направлены в Нижний Новгород, а 20 декабря было дано указание отправить оттуда в Казань и «ко всей земле казанской» грамоты, написанные рукою бакши Ибрагима. В свою очередь, в Казани хотя и был совершён переворот весной 1532 г., но на освободившийся престол казанская знать пригласила не Шах-Али, а его 15-летнего брата Джан-Али (ПСРЛ. Т. 13. С. 55–57).

Зимой 1545/46 г. Сафа-Гирей был во второй раз свергнут, но на этот раз казанцы попросили направить к ним Шах-Али. В июне 1546 г. большая казанская делегация во главе с сеитом Беюрганом встретила Шах-Али в самом Васильгороде, «а берегом встречали царя с черемисою Исуп Аталыков, брат царю Шиг-Алею» (ПСРЛ. Т. 34. С. 27). Судя по приведённому отрывку, за крепостные стены Васильгорода могли попасть только представители казанской знати, а для местного горномарийского населения допуск был запрещён или строго ограничен. По крайней мере, известно, что во второй половине XVI – XVII вв. в Среднем Поволжье действовало правило, согласно которому представителям нерусского населения из соображения безопасности запрещалось въезжать в города без разрешения властей и оставаться там на ночь (Чернышев, 2020. С. 417).

В феврале 1547 г. состоялся поход «в казанские места» князя А. В. Горбатого «по челобитью горней черемисы и сотника Атачика с товарыщи, что оне похотели государю и великому князю служить и великого князя воевод встретить за Восилем городом и воеводами итить х Козани» (Разрядная книга 1475–1605, 1977. С. 330). Однако в походе не участвовал Шах-Али, как этого хотели горные марийцы. Те встретили воевод около Васильгорода, «и разведав то, что своево царя Шигалея нет, и оне поворотилися назад, а иную Черемису воеводу у себя оставили и к Москве привели» (ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 526). По всей видимости, воеводы не владели всей информацией о промосковских настроениях горных марийцев, проживавших близ Васильгорода: не доверяя им, не воспользовались их готовностью поддержать русские войска и даже депортировали часть местного населения (вероятно, в качестве заложников (аманатов)).

В целом во всех трёх рассмотренных случаях Васильгороду отводилась лишь пассивная роль приграничного поселения, контактной площадки, но не более того. Вместе с тем можно заметить, что этот русский город воспринимался казанцами в достаточно позитивном или же нейтральном ключе. Однако ни в коей мере не следует переоценивать степень добрососедских

отношений в это время между русскими и горными марийцами. Определенное напряжение в отношениях между ними всё же существовало. Об этом можно судить по марийским преданиям. Согласно одному из них, на рубеже казанских и русских земель – на Ӱарня кырык нер (Масленичной горе) в Красном Селище, что в 10 км от Васильгорода – горные марийцы устраивали масленичные игрища. Там юноши, прибывшие со всей горномарийской стороны, участвовали в 7-дневных физических состязаниях, проявляя свою силу, быстроту, меткость и другие качества, необходимые для воинов. За этими нарочито показательными выступлениями наблюдали русские из расположенной неподалеку заставы (Янтемир, 1927. С. 34–35).

Недавно Н. В. Белов в одном из своих статей опубликовал фрагмент нового источника – продолжения «Краткого Вологодско-Пермского летописца», где содержится уникальная информация о походе русских войск на Казань весной 1545 г. Как полагает автор статьи, данный текст был записан по рассказу непосредственного участника похода. В приведённом отрывке сообщается, что судовая рать князя С. И. Микулинского-Пункова отделилась от основной части войск, стоявших в Нижнем Новгороде, «утаився от всех воевод и всего войска», двинулась вниз по Волге. «И, недошед Василягорода Сурскаго, ухватиша языка татарскаго». От «языка» стало известно, что недавно хан Сафа-Гирей стоял «на Волге со всею силою татарскою, ждал воевод великого князя на брань». Ожидание, видимо, затянулось, и хан распорядился распустить своё войско, послав в целях разведки («отведывати: есть ли сила великого князя на Волге») из Казани «двора своего 30 стругов». Один из отправленных на этих стругах как раз и угодил в руки князя Микулинского в качестве «языка». Рать С. И. Микулинского-Пункова двинулась дальше и, встретив татарскую флотилию на 30 стругах, наголову ее разгромила. «И оттуду погребоша под Казань, и наехаша на Гостин остров, и ударишася на торговище, и много побиша их, и товар взяша» (Белов, 2023). В этом сообщении особый интерес вызывают два момента: 1) татарский «язык» (очевидно, это был воин из отборной ханской гвардии) смог попасть по Волге на русскую территорию, благополучно минуя Васильгород, важнейшей задачей которого был контроль волжского речного пути;

2) С. И. Микулинский-Пунков узнал о войсках хана, стоявших на Волге, только от татарского «языка», отсюда следует, что эта важная информация предварительно из Васильгорода в Нижний Новгород не поступала. Всё это показывает низкую эффективность Васильгорода как приграничного разведывательного пункта. Об этом пишет и Б. А. Илюшин, отмечая «безвестные» приходы татар к Мурому и Нижнему Новгороду (Илюшин, 2022. С. 185).

В дошедших до нас источниках известен только один случай, свидетельствующий о военно-разведывательной деятельности васильгородских воевод. Это их донесение от 20 декабря 1552 г. о том, что в районе устья Цивили «на Волге побили гонцов и гостей и боярьских людей з запасы луговые люди, да и горние с ними были» (ПСРЛ. Т. 13. С. 228). Считается, что с этого события началась Первая черемисская война 1552–1557 гг. (Бахтин, 2012. С. 333; Свечников, 2014. С. 232). Но вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что расследование данного происшествия поручили не василегородским воеводам, а свияжским (ПСРЛ. Т. 13. С. 228). Также мы не обнаруживаем каких-либо проявлений активности гарнизона Васильгорода в ходе подавления восстания горных людей весной–летом 1552 г. и в рамках Первой черемисской войны 1552–1557 гг., за исключением уже упомянутой выше перестройки города в 1556 г., в результате которой «убавлено его снизу» (ПСРЛ. Т. 13. С. 273).

Итак, мы видим не только отказ казанцев от агрессивных действий в отношении Васильгорода, но и исключительную пассивность васильгородцев в решении военных задач. Скорее всего, это было обусловлено опасением испортить отношения, сложившиеся между русскими горожанами и местным горномарийским населением. По большому счёту, строительство Васильгорода можно отнести к военно-стратегическим ошибкам московского руководства. Надежды на него как на опорный пункт наступления на Казань не оправдались, не стал он и надёжным оборонительным форпостом, васильгородская разведка оказалась неэффективной. Лишь отчасти Васильгород – благодаря Сурскому торгу – функционировал в качестве торговой фактории. Однако этот русский город выполнил важную миссию – способствовал формированию на территории Казанского ханства большой группы сочувствующих Русскому государству горных людей.

Список источников и литературы.

Айплатов Г. Н., Иванов А. Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья: По материалам Спасо-Юнгинского монастыря Козьмодемьянского уезда, 1625–1764 гг.: Исследование. Тексты документов. Йошкар-Ола, 2000. 463 с.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 3 / сост. А. В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2002. 680 с.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 4 / сост. А. В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2008. 632 с.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 1: 1294–1598. СПб.: В Типографии 2 отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. 548 с.

Акцорин В. А. Прошлое марийского народа в его эпосе. Саров: Альфа, 2000. 88 с.

Атласкин А. А. Кто разрушил Цепель? // Васильсурск. Лики провинции. 2012. № 6. С. 3–5.

Бахтин А. Г. Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012. 660 с.

Бахтин А. Г. Российское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2022. 528 с.

Белов Н. В. «Они же собрашася, и поидоша Волгою…»: Казанский поход Семена Микулинского глазами русского воина XVI века // Московский журнал. История государства Российского. 2023. № 2 (386). С. 67–79.

Ветлужский летописец / сост. Н. В. Морохин. Кострома, 2017. 296 с.

Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: Р – V. СПб.; М.: Изд-е книготорговца-типографа М. О. Вольфа, 1882. 704 с.

Демидов Н. А. Исторический очерк Василь-Сурского уезда Нижегородской губернии. Ниж. Новг.: Типография Ройского и Душина, 1884. 76 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV−XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.

Ефремова Д. Ю. Археологическое исследование древнемарийского Барковского селища (XIII–XV вв.): между Русью и Ордой // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй». Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 124–127.

Ефремова Д. Ю., Пузаткина Е. А. Опыт антропологического исследования захоронений на Васильсурском V городище (X–XIII вв.) // Филология и культура. Philology and culture. 2012. № 2 (28). С. 239–247.

Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.): очерки. М.: Рудомино, 2004. 215 с.

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М: Мысль, 1972. 452 с.

Иванов А. Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995. 368 с.

Иванов М. С. Архангел // Православная энциклопедия. Т. 3: Анфимий – Афанасий. М., 2001. 752 с.

Илюшин Б. А. Казанские войны Василия III: монография. Казань: Логос-Пресс, 2021. 428 с.

Илюшин Б. А. Меж Казанью и Москвой. Нижегородский край в эпоху казанских и черемисских войн. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2022. 350 с.

Казанская история / подгот. текста, вступит. статья и примеч. Г.Н. Моисеевой; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 196 с.

Каптерев Л. М. Нижегородское Поволжье X–XVI веков. Горький: ОГИЗ Горьк. обл. изд-во, 1939. 184 с.

Кудрявцев В. Ф. Историческое описание города Василя Нижегородской губернии. Нижний Новгород: Типография Нижегородского губернского правления, 1877. 101 с.

Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. М.: Книга по требованию, 2021. 696 с.

Марков А. Обозрение торговли на Нижегородской ярмарке с 1521 по 1843 год. М.: Изд. книгопродавца В. Алексеева, 1843. 120 с.

Мельников А. П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки: Столетие Нижегородской ярмарки (1817–1917). Нижний Новгород, 1917. XVI, 288 с.

Морохин Н. В. Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород: КиТиздат, 1997. 216 с.

Нижегородский летописец / работа А. С. Гацискаго. Нижний Новгород: Типография Губ. правления, 1886. XII, 144 с.

Никитин В. В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. 416 с.

Никитина Т. Б. Древнемарийское селище XIII–XIV вв. // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье: сборник статей. Йошкар-Ола, 2000. С. 51–59.

Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам): Монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Николаенко Т. Д. Археологическая карта России: Нижегородская область. Ч. 1. М.: Институт археологии РАН, 2004. 384 с.

Оглоблин Н. Н. Черемисские городища и мольбища около города Василя // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете: 1906 год. Кн. 4. Т. 219. М.: Типография штаба Московского военного округа, 1906. V. Смесь. С. 1–16.

Оглоблин Н. Н. Из Васильской старины // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сборник. Т. XII. Вып. II. Нижний Новгород: Типо-лит. «Нижегор. Печатн. Дело», 1912. С. 39–67.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.

Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / под ред. С. О. Шмидта. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 195 с.

ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. VIII с., 579 стлб.

ПСРЛ. Т. 6: Софийские летописи. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1853. 358 с.

ПСРЛ. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1859. VIII, 301 с.

ПСРЛ. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1: Хронограф редакции 1512 года. СПБ.: Типография М. А. Александрова, 1911. VII, 568 с.

ПСРЛ. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 414 с.

ПСРЛ. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 264 с.

ПСРЛ. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 304 с.

ПСРЛ. Т. 43: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Рагозин В. И. Волга. Т. 2: От Оки до Камы. СПб.: Типография К. К. Ретгера, 1881.

Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1952. 676 с.

Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, ввод. ст. и ред. В. И. Буганова. М.: Наука, 1966. 613 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2 / сост. Н. Г. Савич. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1977. С. 189–405.

Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / сост., авт. ввод. ст., примеч., указ. О. Ф. Кудрявцев. М.: Русский мир, 1997. 408 с.

Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 59: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 2: 1533–1560 гг. СПб.: Типография Ф. Елеонского, 1877. 700 с.

Свечников С. К. Присоединение Марийского края к Русскому государству: монография. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. 268 с.

Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках / перевел с рукописей В. А. Любич-Романович. СПб.: В типографии Штаба военно-учебных заведений, 1843. 101 с.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. XIV: Казанская губерния по сведениям 1859 года. СПб., 1866. LXXIX, 237 с.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. XXV: Нижегородская губерния по сведениям 1859 года. СПб., 1863. XXXIII, 186 с.

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. 384 с.

Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). Москва: Изд-во МГУ, 1982. 245 с.

Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 122 с.

Хожение купца Федота Котова в Персию / публ. Н.А. Кузнецовой. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 111 с.

Черных С Я. Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола: МарГУ, 1995. 626 с.

Чернышев Е. И. Народы Среднего Поволжья в XVI – начале XX века: избранные труды. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 548 с.

Чеченков П. В. Военная служба на Казанском рубеже в середине XVI в. // Марийский археографический вестник. 2013. № 23. С. 7–20.

Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Вып. 5: Юринский кантон. Краснококшайск: Издание У.М.С. Маробоно, 1927. 119 с.

Kappeler A. Ruβlands erste Nationalitäten: Das Zarenreih und Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Köln; Wien: Böhlau, 1982. 571 s.

DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2-3

Д. А. Козлов
НИИГН при Правительстве Республики Мордовия
demetriy87@gmail.com

ТРАДИЦИИ НОШЕНИЯ УКРАШЕНИЙ МОРДОВСКИМИ ЖЕНЩИНАМИ ТЕРЮШЕВСКОЙ ВОЛОСТИ В XVI–XVII ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК СТАРОСЕЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА

В статье на основе статистических материалов, полученных в процессе анализа инвентаря погребений женщин из мордовского терюханского Старосельского могильника (Нижегородская область), рассмотрены закономерности распределения украшений в позднем средневековье. Исследование проведено на основе методологии социальной археологии, в рамках которой уже имеются результаты по этому вопросу в золотоордынское время. Изучение материалов XVI–XVII вв. позволило определить традиционность обрядовой культуры мордвы-терюхан в вопросе сопровождения умерших женщин предметами украшения тела и костюма. Выявлены новые категории украшений, отсутствовавшие в предшествующее время. На сравнительном материале с мордвой-мокшей и марийцами, выявлены характерные для мордвы традиции, отсутствовавшие у родственных финно-угорских народов в эпоху Великого княжества Московского и Российского царства.

Ключевые слова: мордва-терюхане, мордва-мокша, марийцы (черемиса), браслет, перстень, сюльгама, Великое княжество Московское, Российское царство, Старосельский могильник.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, соглашение №22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья»

Изучение социального устройства и характеристик различных групп мордовского народа на археологическом материале представляется перспективным направлением научных исследований. Подобные исследования достаточно редки и являются синтезом данных археологии и антропологии, позволяющие выявить те или иные характеристики древних обществ, не явно присутствующие в археологических комплексах и выявляемые на основе методики социальной археологии.

Письменные источники XVI–XVII вв. содержат отрывочные сведения о социальном устройстве мордвы и позволяют только наметить различные социальные группы в вертикальном направлении (князья, мурзы, простолюдины), при этом оставляя остальные вопросы социологии эпохи позднего средневековья открытыми. Одним из таких вопросов, затронутых нами ранее по золотоордынскому времени (Козлов, 2024, в печати), является традиция ношения украшений различных категорий мордовскими женщинами, связанная с возрастом, и её отражение в археологическом материале погребальных комплексов. При разработке темы возникли вопросы и по комплексам XVI–XVII вв.

В отечественной науке первым подобным опытом является работа Л. М. Плетневой по материалам раскопок могильников развитого средневековья из Томского Приобья

(басандайская культура), где автор сделала попытку сопоставления инвентаря исследованных погребальных комплексов с полом и возрастом похороненных в них людей. Это позволило учёной выявить возрастные группы мужчин и женщин с различным наполнением инвентарем (Плетнева, 1997. С. 76–79). Данное направление получило ещё более детальное и целенаправленное развитие в работах Н. А. Берсеневой, проводившей подобные исследования на материалах саргатской культуры Западной Сибири (Берсенева, 2011) и памятниках эпохи бронзы Южного Урала (Берсенева, 2019). И. Г. Шапран и Л. А. Сенникова в работе, посвященной публикации материалов марийского Кадочниковского могильника, также делают попытку выявить традиции ношения украшений у женщин по возрасту – одному из аспектов социального устройства народа (Шапран, Сенникова, 2014. С. 33–34). По мордве такие попытки по материалам XVI–XVII вв. пока не предпринимались.

Особенностью социальной археологии является рассмотрение предметов из погребальных комплексов с точки зрения их взаимосвязи с самим человеком (интерпретационный подход). Соответственно это предполагает использование подобной информации из материалов раскопок – сопутствующего умершего человека инвентаря (археологических артефактов) и останков самого человека (антропологические характеристики). Отсутствие того или иного компонента предопределяет невозможность изучения материала в этом направлении. Наибольшую важность с точки зрения социальной археологии представляет пол и возраст человека, дающий возможность выявить особенности обряда или набора предметов, характерных для той или иной половозрастной группы и выделить на основе этого структуры иерархии (или их отсутствие).

Описанные выше условия, предполагают использование в таких исследованиях только материалов, где имеются подобные данные. К сожалению, это было редкостью в предшествующие периоды развития отечественной науки. На современном этапе для археологических раскопок характерна комплексность изучения и нужные материалы встречаются довольно часто. Одним из памятников, изученных на высоком современном уровне, позволяющем делать социально-археологические исследования, является Старосельский могильник мордвы-терюхан, охватывающий значительный хронологический диапазон, в том числе и XVI–XVIII вв.

Старосельский могильник находится в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области, на высоком правом берегу р. Озерка, в 1 км к ЮЮВ от с. Староселье, между оврагами. Экспедицией под руководством Е. В. Четвертакова в 2016–2019 гг. (антропологические определения К. Н. Втюриной), исследовано 41 погребение XIII–XVIII вв. (Четвертаков, 2016–2019). Данный памятник является одним из немногих погребальных памятников мордвы, исследованных научными раскопками в наше время, включая

антропологические характеристики похороненных там людей. Изученный в 2016 г. под руководством С. И. Андреева Бокинский могильник относится только к золотоордынскому времени и опубликован частично (Андреев, 2019). Левженский могильник, раскопанный экспедицией ООО «Фонд научного краеведения Липецкой области» совсем недавно – в 2022 г., находится на стадии изучения и материалы из него пока лишь озвучены и отрывочно опубликованы.

При изучении антропологических материалов из Старосельского могильника были выявлены останки 13 женщин, живших в XVI–XVII вв. Среди них: девочек – 8 (погребения 12, 15, 23, 25, 33, 34, 36, 39), молодая (20–25 лет) – 1 (п. 21), среднего возраста (30–40) – 3 (п.п. 14, 32, 38), пожилая (40–50) – 1 (п. 31). Выборка достаточно небольшая, поэтому результаты анализа безусловно необходимо сверить с другими памятниками и периодами. Распределение предметов убранства костюма и украшений представлены в Таблице 1.

Как видно из этих данных, подковообразные застёжки с завернутыми в цилиндрики концами (с продольными желобками и без них), имеются почти у всех женщин, независимо от возраста (кроме п. 12). Подковообразные застёжки с напаянными на расплющенные концы вставками из стекла (чёрного и бирюзового), встречаются у женщин с возраста 20 лет (п. 14) и старше. Исключением является п. 25, где подобная застёжка имеется у девочки 10–11 лет. Данный факт свидетельствует о том, что эти застёжки возможно являются возрастным маркером и ранее возраста невесты у терюханок встречались редко. По застёжкам подобные же наблюдения были сделаны Л. Н. Лукашовой по материалам Левженского могильника (Республика Мордовия) на более широкой выборке, и озвучены на XXX Межрегиональных краеведческих чтениях (Саранск, 27 ноября 2023 г.) в докладе «Комплекс головного убора из погребений грунтового могильника у с. Левжа в Рузаевском районе Республики Мордовия». По её подсчётам, обычные застёжки характерны для любого возраста (только такие встречаются у девочек), в то время как со вставками из стекла также только начиная с возраста невест. Совпадение результатов из разных памятников, на наш взгляд, говорит о том, что у мордвы в XVII в. (Левженский могильник датируется 2-й п. XVII – 1-й п. XVIII в.) это было обычным правилом независимо от региона проживания. В Старосельском могильнике часть женщин с такими застёжками жила и в XVI в., что позволяет также характеризовать и это время.

Серьги обнаружены у 5 женщин, как детского возраста (п.п. 25, 36, 39), так и у женщины среднего (п. 14) и пожилого возраста (п. 31). Это говорит о том, что в ношении данного украшения нет возрастных различий.

Монеты встречены в 7 погребениях, из которых 4 – детские (п.п. 12, 33, 34, 36), 3 взрослые (п.п. 14, 21, 38). Датируются они соответственно от Великого князя Московского

Ивана III до царя Алексея Михайловича (точнее 1480–1679 гг.), охватывая весь период, рассматриваемый в данной работе. Счётный жетон (пфенниг), встречен только у одной девочки в возрасте около года (п. 33), захороненной вместе с женщиной в возрасте 35–40 лет (возможно с матерью).

Бусы обнаружены также у 7 женщин, но распределяются иначе. Имеются только у 2-х девочек (п. 23 и п. 25), в возрасте 9–11 лет и у 5 женщин (п.п. 21, 31, 32, 38) разных возрастов. Во-первых, это говорит о том, что в это время бусы также, как и в золотоордынский период, начинали носить с детского возраста (Козлов, 2024, С. 142-160). Во-вторых, если сравнить детские костюмы Старосельского могильника, представленные в Таблице 1, то можно увидеть, что бусы есть не у всех. С чем это связано – пока не ясно. Раковины каури и бисер, являющиеся частями нагрудных украшений от ожерелий имеются также у женщин разных возрастов.

Браслеты, которые в золотоордынское время, как правило, являлись принадлежностью взрослых женщин, в Старосельском могильнике представлены у 5 женщин (п.п. 14, 21, 31, 32, 38) и специальный маленький – только у 1-й девочки (п. 33, возможно дочери женщины из п. 32). Относится это и к перстням, обнаруженным на местах ношения только у взрослых женщин (п.п. 14, 31, 32, 38), у одной девочки надетым на застёжку (п. 23).

«Венцы», состоящие из проволочных пронизок, соединенных нитями, и бус-подвесок на концах, обнаружены только в костюме у женщин из п.п. 31, 32, 38. Причем женщины из п. 31 и п. 38 были похоронены возле мужчин (видимо их мужей), образуя с ними парные комплексы (п. 30–31, п. 37–38).

Помимо самих украшений, стоит отметить и их скопления, которые по встречающимся фрагментам бересты и аналогиям из Сарлейского терюханского могильника (Горюнова, 1948. С. 14), можно соотнести с берестяными туесками. Они обнаружены возле головы только у взрослых женщин (п.п. 14, 21, 31, 38).

Жертвенная пища или жертвоприношение, в виде костей птицы (курицы), обнаружены в погребениях взрослых женщин (п.п. 31, 38) и девочки (п. 25). Данный аспект погребальной практики мордвы-терюхан, в том числе и по материалам Старосельского могильника, был рассмотрен в работе Е. Ю. Федоровой и Е. В. Четвертакова (Федорова, Четвертаков, 2019).

Керамические пряслица были у 2-х женщин (п. 21 и п. 38). Обе женщины, судя по нумизматическому материалу, жили в XVI в. и в более поздних погребениях пряслица не встречаются. Видимо, здесь мы можем видеть последний период их положения с покойницами.

Примеры комплексов украшений и предметов быта девочек (п. 39 и п. 36), молодой женщины (п. 21), женщины зрелого возраста (п. 38) и пожилой женщины (п. 31) из Старосельского могильника представлены на Рис.1-3.

Несмотря на отсутствие пока равноценных материалов по качеству, с определенной долей условности эти результаты можно сверить с материалами по мордве-мокше из Кельгининского могильника (Республика Мордовия). Несмотря на отсутствие антропологических определений, достаточно надежно выявляются детские погребения – по размеру могилы и скелета. Так, из 40 детских погребений, датируемых XVI–XVIII вв., детский маленький браслет обнаружен только в одном (п. 396), перстни в 2-х (п.п. 345, 372). При этом лопастные сюльгамы найдены у 30 девочек, бусы у 28, монеты у 17, серьги у 12, бубенцы у 10-х (Беляев, Вихляев, Зеленцова, 1998; Пронин, Вихляев, 2016). Нет ни одного случая обнаружения накосников – «пулакерь», железных подковок сапог, характерных для взрослых женщин мокшанок. В Кельгинино также обнаружено несколько застёжек со вставками из стекла, бусы, серьги, браслеты, монеты, множество перстней, «пулакерь» и др. – почти во всех погребениях женщин более старших возрастов. Соответственно общими для всех возрастов являются бусы, серьги, монеты, сюльгамы. Только у взрослых женщин встречаются накосники «пулакерь», сапоги, перстни, браслеты, застёжки со стеклянными вставками. Здесь мы видим совпадение с терюханками по браслетам и перстням, застёжкам со стеклянными вставками. Также к категории предметов взрослых женщин относятся накосники – аналог терюханского «венца».

Несколько иную картину демонстрируют материалы родственных мордве марийцев (черемисы), живших в бассейне р. Вятки – по данным раскопок Кадочниковского могильника XVI–XVIII вв. (Шапран, Сенникова, 2014). Среди погребений могильника выявлено по возрасту 19 женщин; браслеты имеются только у взрослых женщин (7), у маленьких девочек отсутствуют серьги, но перстни появляются уже у девочек-подростков 12–15 лет. Кроме маленьких девочек у остальных женщин присутствуют застёжки – иного облика чем у мордовок. Вообще отсутствуют стеклянные бусы, единично имеется бисер и ожерелья из него. Эти факты свидетельствуют, что между мордвой и марийцами в это время были как сходства (в ношении браслетов), так и различия (в ношении перстней, застёжек), позволяющие говорить об отличительных особенностях этих народов друг от друга в плане традиций и напротив, позволяющие выявить собственно мордовские особенности.

Данные этнографии марийцев по XIX–XX вв. вполне соотносятся с мордвой. Как указано в этнографическом исследовании А. Ю. Заднепровской, единственными украшениями марийских девочек были ожерелья из бус и бисера, в то время как девочки до 15 лет носили уже застёжки с ожерельями, бусами, раковинами каури. У невест костюм был наиболее

насыщен как вышивкой, так и украшениями – появляются накосники, головные повязки, ажурные цепочки с наспинными подвесками для лент. Ещё более многообразно выглядели и замужние женщины 20–30 лет. Повседневно носили перстни, застёжки одежды. Женщины после 40–45 лет даже на праздники носили ограниченное количество украшений – височные и шейные, застёжки-сюльгамы (Заднепровская, 1982. С. 129). При этом наименьшее количество украшений носили девочки и женщины старческого возраста. Например, по застёжкам соотношения были следующими: девочки – 1–2, девушки – 3–4, женщины – 3–5, старухи – 1–3 (Шапран, Сенникова, 2014. С. 34).

В мордовской этнографии данные закономерности имеют такое же направление и самым нарядным был костюм невесты и молодой жены. При этом у мордовок возраст совершеннолетия определяется в 16 лет (Корнишина, 2012. С. 294–318). Известно, что различались как сами костюмы и входившие в их состав элементы, не только между народами (в данном случае марийцами и мордвой), так это было и внутри этих народов между субэтносами и этнографическими группами (между мокшей, эрзей и терюханами, каратаями у мордвы). Материалы этнографии XIX–XX вв. не так красноречивы; тогда различия между народами начали сглаживаться благодаря формированию общероссийского рынка и росту промышленности, в отличии от более раннего времени – XVI–XVII вв., что очевидно по материалам археологии приведенным выше.

Различия между девушками и замужними женщинами среди мордовок также были замечены П. С. Палласом, наблюдавшим их при своём путешествии в районе р. Пьяны в 1768 г. (Паллас, 1773. С. 83). В работе, посвященной традиции ношения украшений мордовскими женщинами в золотоордынский период, нам удалось проиллюстрировать это явление на фотографии одной мокшанской семьи из Пензенской губернии (пос. Загибалиха, 1927 г.), где присутствуют женщины разных возрастов (мать и дочери) и видно, насколько сильны были отличия в связи с возрастом. Браслеты как важный атрибут невесты нашли отражение в старинной мордовской сказке про Дуболго Пичай (Козлов, 2024, С. 157).

Материалы женских комплексов XVI–XVII вв. Старосельского могильника подтверждают выявленную ранее на материале золотоордынского времени традицию возрастных различий у мордвы в ношении тех или иных категорий украшений. Как и в предшествующую эпоху атрибутами невесты (с 16 лет), являлись перстни и браслеты. В эпоху Великого княжества Московского и Российского царства сюда добавились застёжки со стеклянными вставками на концах.

По золотоордынскому времени на основе датированных монетами материалов нам удалось выявить хронологические особенности в бытовании некоторых предметов убранства женского костюма и украшений в рамках 1-й половины XIV в. Это обусловлено тем, что

определение нижнего порога бытования, выявленного в связи с возрастом получения некоторых украшений – браслетов и перстней, позволяет при определении возраста умершей женщины, вполне аргументировано датировать эти предметы в пределах десятилетий. Не являются исключением из этого и материалы XVI–XVII вв., несмотря на то, что ходившие в то время монеты, не так часто подвергались перечеканке, как в эпоху Золотой Орды.

Хорошим примером этого является комплекс п. 38 Старосельского могильника, женщины среднего возраста (35–40 лет) (Рис.2), похороненной возле мужчины (п. 37, возможно её муж). У обоих умерших имеется датирующий материал, это монета великого князя Ивана III (1480–1505 гг.) и монета великого князя Ивана IV (1535–1547 гг.). При этом первая монета обрезана, что свидетельствует о том, что попала к мужчине из п.37 до денежной реформы 1535–1538 гг., предпринятой при опекуне малолетнего Ивана IV, его матерью Еленой Глинской (Мельникова, 1989. С. 14–18). Вторая монета соответственно начала чеканиться в её ходе, заменяя старые (в том числе и Ивана III). Эти факты позволяют предположить, что умерли супруги незадолго после начала денежной реформы (отсюда нахождение монеты старого и нового образца), явно после 1535 г., но до 1547 г. – это 1530–1540-е гг. Получаем период жизни женщины в пределах: 1535(40) г. – 35(40 лет) = 1495–1500-е гг. Зная, что мордовки получали перстни и браслеты в возрасте не ранее 15 лет, можно вычислить и время их появления у этой женщины: 1495(1500) + 15 = 1510–1515 гг., т.е. в целом первые десятилетия XVI в. (1500–1510-е гг.). Этим временем можно датировать и имеющиеся у неё витые из проволоки с перевитью застёжки со стеклянными вставками на концах (Рис.2.1, 6). Датировка браслетов из комплекса п.38 вполне согласуется с другими датированными материалами. Точно такие же двускатные браслеты как в п. 38 (Рис. 4.А), с аналогичным орнаментом, обнаружены в мордовском женском погребении на Рождественском городище в Нижнем Прикамье, где найдена монета XV в. вместе с подковообразными застёжками из витой проволоки (Руденко, 2001. С. 198, Рис. 39, *9–13*. С. 198) (Рис. 4.Б).

Приведенный пример показывает, что описанные выше традиции позволяют уточнить время бытования тех или иных вещей и имеют прикладное практическое значение. Стоит отметить, что комплекс п. 37–38 Старосельского могильника пока является первым среди мордовских погребений, позволяющим выделить древности 1-й четверти XVI в., что в свою очередь является хорошим фундаментом для изучения древностей предшествующего времени – XV в. (наиболее слабо изученный период в мордовских древностях) и последующего – XVI в.

Использование методологии социальной археологии в исследовании различных аспектов жизни мордовского народа, позволяет получать как достоверную статистическую информацию, так и выявлять процессы, характерные для жизни народа и его традиции в

различные эпохи. В данной работе сделана попытка выявить традиции ношения украшений мордовскими женщинами из этнографической группы терюхан, основанная на статистической обработке материалов раскопок Старосельского могильника, с привлечением данных других памятников и сопоставлением с предшествующим временем. Выявленные возрастные особенности ношения украшений позволяют уточнить время их производства и использования. На примере одного из комплексов этого памятника выявлены предметы начала XVI в. Безусловно, выводы, сделанные на столь небольшом материале, требуют уточнения, а тематика социальной археологии и хронологии мордовских древностей XVI–XVIII вв. дальнейшей разработки.

Автор выражает благодарность Е. В. Четвертакову за возможность использования материалов раскопок Старосельского терюханского могильника.

Список источников и литературы.

Андреев С. И. Бокинский могильник средневековой мордвы // Российская археология. М. РАН. 2020. Вып.2. С.151–166.

Беляев Я. В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В. Кельгининский могильник: Раскопки 1990-х гг.Саранск. Тип. «Красн. Окт.», 1998. 168 с.

Берсенева Н. А. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н.э. (по материалам погребальных памятников). Том 1. / диссерт. на соиск. уч.ст. д. н. Екатеринбург. 2019. 838 с.

Берсенева Н. А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН. 2011. 204 с.

Вихляев В. И., Пронин А. С. Средневековая мокша. Первые века вместе с Древней Русью. Материалы раскопок Кельгининского могильника 1999–2001 гг.: Монография; под общ. ред. Ю. А. Зеленеева. Саранск. Изд-во Мордов. ун-та. 2016. 356 с.

Горюнова Е. И. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Вып.1. Саранск, Мордов. гос. изд-во. 1948. 259 с.

Заднепровская А. Ю. Марийские украшения XIX – начала XX века как этнографический источник // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР / Сб. МАЭ. Т.XXXVIII. Л. 1982. С.122–134.

Козлов Д. А. «Возрастные особенности ношения украшений мордовскими женщинами в золотоордынский период (По материалам Барбашинского могильника)» // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовии. Саранск. 2024. Вып.2. С.142-160.

Корнишина Г. А. Традиционно-обрядовая культура мордвы // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа / Изд. 3-е. Саранск: Мордов. кн. изд-во. 2012. С.294–318

Лукашова Л. Н. «Комплекс головного убора из погребений грунтового могильника у с. Левжа в Рузаевском районе Республики Мордовия» // XXX «Краеведческие чтения», посвященные 105-летию с момента основания Мордовского объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина. Саранск, 27 ноября 2023 г.

Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 г.). М.: Изд-во «Финансы и статистика». 1989. 318 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. Том 1. СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1773. 785 с.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.

Руденко К. А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань: РИЦ «Школа», 2001. 220 с.

Федорова Е. Ю., Четвертаков Е. В. Жертвоприношение домашней птицы в обрядах мордвы-терюхан / Богатство финно-угорских народов: материалы VI Международного финно-угорского студенческого форума (г. Йошкар-Ола, 15–16 мая 2019 г.) / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2019. Вып. 6. С.192–195.

Четвертаков Е. В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2017 году // 2018. 129 с.

Четвертаков Е. В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2018 году // 2019.132 с.

Четвертаков Е. В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2019 году // 2020.140 с.

Четвертаков Е. В. Отчёт об археологической разведке на территории Дальнеконстантиновского и Краснобаковского районов Нижегородской области в 2016 году. 2017. 152 с.

Шапран И. Г., Сенникова Л. А. Вятские марийцы в XVI–XVIII вв. (по материалам Кадочниковского могильника). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2014. Т.28. 248 с.

Таблица 1. Распределение предметов убранства костюма и украшений. Старосельский терюханский могильник.

Раскопки Е.В. Четвертакова, 2017-19 гг.																	
№ погребения	Возраст	категория украшений и предметов быта															
		серьга	Застёжка подкововидная	Застёжка подкововидная со стеклянными вставками	монета	счётный жетон	бусы	раковины каури	бисер	бусы-подвески от «венца»	браслет	перстень	булавка	пряслице	пуговица	жертвенная пища	тусок с украшениями и предметами быта
12	9-11				+												
14	30-35	+	+	+	+		+				+	+					+
15	2-3		+														
21	20-25		+	+	+		+	+			+			+			+
23*	9-11		+				+	+	+			+*					
25	10-11	+	+	+			+										
31**	40-50	+	+	+			+	+	+	+**	+	+				+	+
32***	35-40		+				+	+	+	+	+	+					
33	1		+		+	+		+			+						
34	1		+		+												
36	11-13	+	+		+										+		
38****	35-40		+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+		+	+
39	5-6	+	+														
Всего: 13. Девочек - 8, Молодая - 1, Среднего возраста – 3, Пожилая - 1																	
Примечания: *перстень был надет на застёжку, **п.31 является парным с мужским п.30, от украшения накосника сохранились пронизи, ***п.32 и 33 является совместными и обнаружены в одной могиле, ****п.38 является парным с мужским п.37																	

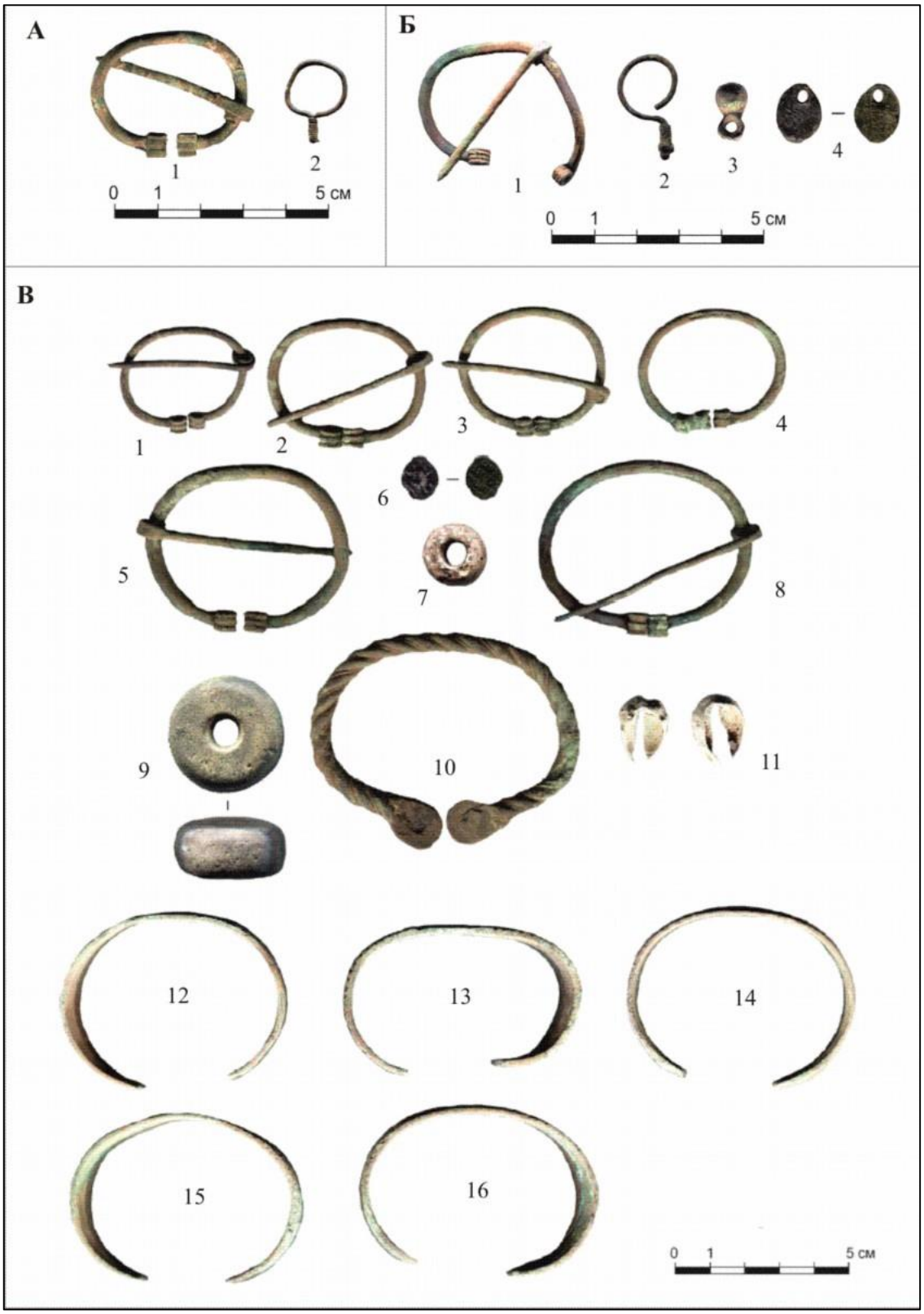

Рис. 1. Комплексы погребений (по Е. В. Четвертакову, 2018–2019 гг.).

А - п. 39: 1 – застёжка, 2 – серьга; Б – п. 36: 1 – застёжка, 2 – серьга, 3 – пуговка, 4 – монета (царь Михаил Федорович, 1613–1625 гг.); В – п. 21: 1–5, 8 – застёжки; 6 – монета (царь Иван Васильевич IV, 1547–1584 гг.), 7 – бусина; 9 – пряслице; 10 – застёжка со стеклянными вставками (отсут.); 11 – раковины каури; 12–16 – браслеты. А1,2; Б1–3; В1–5, 12–16 – сплавы на основе меди; Б4, В6 – серебро; 7 – стекло; 9 – глина; 10 – сплав на основе меди, стекло (отсут.).

Рис. 2. Комплекс п.38 (по Е. В. Четвертакову, 2019 г.):
1, 2, 6 – застёжки со стеклянными вставками; 3–5, 7–14 – застёжки; 15–17 – перстни; 18, 19 – булавки; 20 – монета (царь Иван Васильевич IV, 1547–1584 гг.); 21–23 – бусы; 24–37 – раковины каури; 38–138 – бисер; 140 – пряслице; 141–146 – браслеты. 1, 2, 6, 15–17, 141–146 – сплав на основе меди; 3–5, 7–14, 18, 19 – сплав на основе меди, стекло; 20 – серебро; 21–23, 38–139 – стекло; 140 – глина.

Рис.3. Комплекс п. 31 (по Е. В. Четвертакову, 2019 год):
1-5 – перстни; 6, 7, 16, 17 – браслеты; 10–15 – застёжки; 8, 9 – застёжки со стеклянными вставками; 18–33, 74–82 – бусы; 34-72 – пронизки; 73 – серьга; 83–663 – бисер. 1–7, 10–17, 34–73 – сплав на основе меди; 8, 9 – сплав на основе меди, стекло; 18–33, 74–663 – стекло.

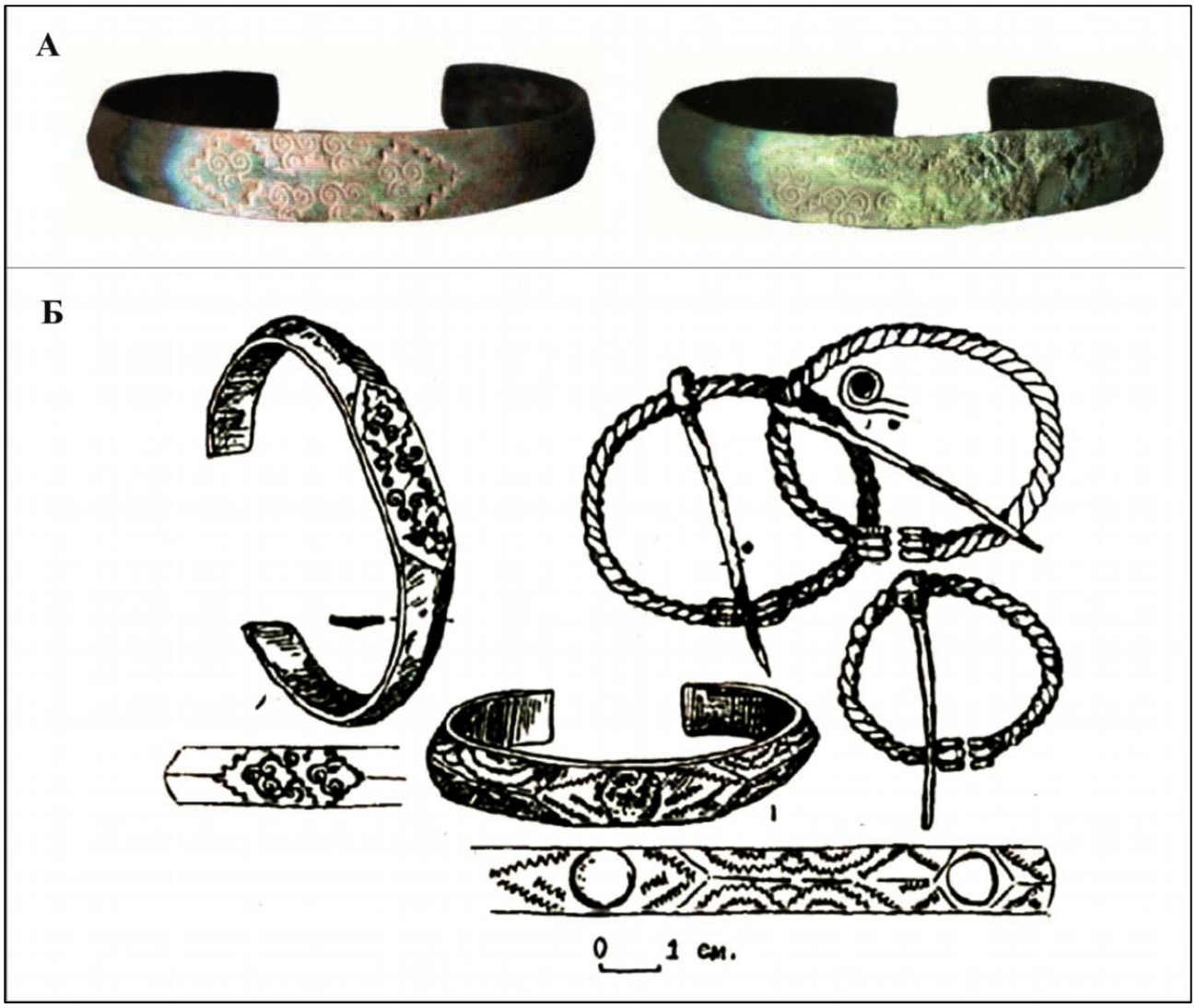

Рис.4. А - браслеты из п. 38 Старосельского могильника (по Е. В. Четвертакову, 2019); Б - аналогии им в женском погребении на Рождественском городище (по К. А. Руденко, 2001).

DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2-4

Б. А. Илюшин
младший научный сотрудник ЛГИ НГУ, к.и.н.
arunta-desert@yandex.ru

НИЖЕГОРОДСКАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ XV – НАЧАЛА XVI вв. НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НА ТЕМУ «СТАРОГО» И «НОВОГО» НИЖНЕГО НОВГОРОДА И СТРОИТЕЛЬСТВА КАМЕННОГО КРЕМЛЯ

В статье высказываются некоторые замечания по вопросу фортификации Нижнего Новгорода в XV–XVI веков, доводы в поддержку теории о нахождении Нижнего Новгорода в течение XV века в ином месте, не на территории великокняжеского города.

Ключевые слова: фортификация, Нижний Новгород, XV век, XVI век, казанские войны.

Прежде всего, надо напомнить, что после тройного татарского разорения в 1377, 1378 и 1408 гг. (Никоновская летопись, С. 28, 42; Рогожский летописец, Ст. 118–119, 133–134; Тверская летопись, Ст. 482–484) нижегородский кремль утратил оборонительные функции. В течение же последующих десятилетий не было ни одного случая, когда в Нижнем кто-то пытался отсидеться от военной опасности. Так, в 1409 г. город захватили речные разбойники – ушкуйники. Выступивший в 1425 г. против малолетнего племянника Василия Васильевича Юрий Звенигородский от московских ратей ушёл в Нижний, но оттуда затем отступил далее на восток – за Суру [Московский летописный… С. 246]. В 1444 г. Нижний Новгород был на несколько месяцев занят ордой Улуг-Мухаммеда, причём нет никаких сведений о бое за город. Татары просто пришли туда.

Незадолго до захвата Нижнего татарами молодой великий князь московский Василий II и его бояре занимались восстановлением укреплений Владимира и Нижнего Новгорода. Это предполагается из содержания жалованной грамоты великого князя архимандриту Владимирского Рождественского монастыря, в которой оговаривалось освобождение монастырских крестьян из Суздальского уезда от трудовой повинности: «тем людем всем манастырским не надобе никоторыи дела, ни пошлины, ни Володимеря города рубити, ни Новагорода Нижнего» [Жалованная данная и тарханная грамота… С. 119]. По версии П. В. Чеченкова, это было крупномасштабное строительство, раз на него сгоняли людей из далёкой Суздальщины, не ограничиваясь нижегородцами [Чеченков, 2002. С. 115]. Но тут нужно заметить, что по археологическим данным видно значительное запустение окрестностей Нижнего в XV в. из-за татарских набегов [Грибов, 2017. С. 71]. Так что людей из Суздальского уезда направляли не из-за большого объёма работ, а из-за нехватки рабочих рук под Нижним. Более того, тут не сообщается о том, на каком месте проводились строительные работы.

В то же время в письменных источниках ясно говорится о наличии двух городов (укреплений) в Нижнем Новгороде – Старого и Меньшого (Нового). Несомненно, что под первым понимался старый великокняжеский кремль (по летописным известиям 1469 г. это чётко видно). Под вторым же часть историков до сих пор понимает некое укрепление вблизи старого кремля (допускается, что именно об их возведении шла речь в вышеприведённой грамоте [Чеченков, 2002. С. 115; Восемь столетий нижегородской истории. С. 118. Прим. 80]). При этом достаточно давно существует теория о функционировании единственного нижегородского укрепления в течение XV в. не на месте первого, деревянного, и позднего, каменного кремля, а на значительном удалении от него, а также о запустении старого Нижнего Новгорода в этот период. Помимо определённых сообщений и странностей в письменных источниках, эта теория подтверждается археологическими данными. Как показали раскопки, по крайней мере во второй-третьей третях XV в. на территории города великокняжеского периода не обнаружено следов массового проживания и хозяйственной деятельности людей (в частности, данные по Верхнему посаду, кремлю, склонам Почаинского оврага). Археологически же совершенно чётко прослеживается функционирование приблизительно с середины XV в. на холме к югу от совр. метромоста небольшого поселения, явно несельского (там были найдены предметы вооружения, писала, немало монет и престижных вещей, нехарактерных для сельского поселения), которое, однако, не соотносится ни с одним известным по письменным материалам. Это так называемый Городок, который Николай Николаевич Грибов соотносит с Нижним Новгородом Меньшим.

Тут же добавим, что идея ставить укрепление на новом месте, да ещё гораздо меньших размеров, чем великокняжеский кремль, может объясняться скудностью государевой казны и малолюдством Нижегородского уезда: гораздо проще было собрать людей и поставить острог на пустом холме, чем нагонять куда больше работников, дабы они сперва расчистили от завалов, пожарищ и зарослей старый город. С 1444 г. в Нижнем Новгороде Старом несколько месяцев стоял с ордой хан-казак Улуг-Мухаммед. В течение этого времени воеводы великого князя с воинами сидели в Нижнем Новгороде Меньшом [Никоновская летопись, Т. 12. С. 64; Софийская Вторая летопись. Ст. 104–106].

Именно с постоем татар может быть связано запустение большей части Нижнего Новгорода, возможно, даже всего города, включая нижний посад (в отсутствие археологических материалов оттуда нельзя говорить точно о его состоянии во второй половине XV в.). Видимо, именно татары оставили мусор, обнаруженный при раскопках остатков первого каменного Михайло-Архангельского собора.

Летом 1445 г. 3,5-тысячная татарская рать под командованием сыновей хана выступила из Нижнего против великого князя. Василий II с войском также двинулся на татар, и в Юрьеве-

Польском к нему присоединились нижегородское воеводы Фёдор Долголдов и Юшка Драница, которые, переев хлебный запас, не могли уже терпеть голод и истомление от татар, и ночью покинули город, предав его огню [Никоновская летопись, Т. 12. С. 64]. Отход русских ратников из Меньшого города, по нашему мнению, явно противоречит точке зрения, что обороняемое ими укрепление располагалось в непосредственной близости от старого кремля, где засел Улуг-Мухаммед. С ханом было 3–4 тыс. казаков (возможно, с семьями), а после выступления его сыновей — минимум несколько сотен, так что так просто сбежать у них из-под носа, да ещё спалив укрепление, было нельзя. А вот уйти из Городка в районе современного метромоста, у которого разве что время от времени сновали татарские разъезды, было куда проще.

После Суздальской битвы Улу-Мухаммед увёл свою орду в Курмыш, а позже – в Казань [Никоновская летопись. Т. 12. С. 64–65; Софийская Вторая летопись. Ст. 106; Зимин, 1991. С. 104–107]. Разорённая нижегородская округа уже не могла прокормить татар. Из Курмыша они отпустили полонённого великого князя. Характерно, что посол Дмитрия Шемяки, отправившийся к хану, местом посадки на судно выбрал не Нижний, а Муром [Никоновская летопись, Т. 12. С. 66]; видимо, функции порта Нижний выполнять уже не мог. Как пишет Н. Н. Грибов, функции городского центра перешли к Городку на горе у метромоста. «Это небольшое по размерам укреплённое поселение выполняло роль военно-административного центра Нижегородской земли. В пользу такого предположения свидетельствует стационарный характер проживания местных насельников, определяемый по усадебному характеру застройки, высокой концентрации разнообразного инвентаря, бытовой керамики, кухонных отходов. В рамках предложенной версии находит естественное объяснение загадочное отсутствие единовременных Городку культурных отложений и следов жилых построек в черте старой нижегородской крепости…» [Грибов, 2018. С. 266]. Наличие на востоке сильного (в первые десятилетия своего существования) Казанского ханства повысило военно-стратегическое значение Нижнего Новгорода. Тем не менее, когда приблизительно после двух сравнительно спокойных десятилетий случилась московско-казанская война (1467–1469 гг.) место старого города всё ещё оставалось в запустении. Это чётко видно по сообщению письменных источников. Обращу тут внимание на наиболее показательный в этом отношении эпизод 1469 г. Русская судовая рать перед походом на Казань останавливается в Нижнем Новгороде, куда участники её прибывали по Оке и Волге. Когда позже судовая рать отплыла от Нижнего, ратники сделали остановку для посещения церкви Николы на Бечеве, что на старом нижегородском торгу в районе Скобы. Как написано в летописи, они вышли из судов на Оке у Нижнего Новгорода Старого. Иными словами, находившиеся до этого в Нижнем Новгороде ратники проплыли по Оке и вышли у Нижнего Новгорода Старого, однозначно

локализуемого на месте города великокняжеского периода. Такое могло быть только в том случае, если от первоначальной стоянки им пришлось плыть значительное расстояние – хотя бы несколько километров. Например, от современного метромоста. Именно там находится единственный подходящий под определение военного, административного и ремесленного центра археологический памятник (точнее, видимо, его остатки – гора наверняка за века неоднократно осыпалась, сокращая площадь памятника).

Старый же город по мнению Н. Н. Грибова утратил функцию постоянного поселения, но был посещаем как культовый центр [Грибов, 2018. С. 205, 239]. Восстановление города на старом месте Н. Н. Грибов относит к концу XV – началу XVI в. Тогда же начала формироваться местная корпорация служилых людей. Этому могло способствовать установление великокняжеского контроля над Казанским ханством в 1487 г. Однако, в 1505 г. т.к. протектора закончился арестом московского посла ханом Мухамед-Эмином и походом казанцев к Нижнему Новгороду.

Характерно, что даже в это время Нижний Новгород не считался важнейшей крепостью на восточной окраине Московского государства. Это видно по отправке дополнительных русских ратей не туда, а в Муром после получения известий о походе татар [Разрядная книга. С. 87; Илюшин, 2018. С. 32–34.]. Это подчёркивали и Н.Н. Грибов, и П.В. Чеченков [Грибов, 2018. С. 255].

Татары могли атаковать именно Нижний Новгород по нескольким причинам. Муром расположен на левом берегу Оки, т.е. менее доступен, чем Нижний Новгород, и, вероятно, был лучше укреплён в то время. Технически переправа через Оку в районе Мурома была возможна, но вряд ли удобные для неё места не охранялись, а в случае переправы через реку казанцы рисковали быть отрезанными от пути к отступлению при подходе значительных русских сил. До второй половины 30-х гг. XVI в. казанцы только раза два переходили Оку – видимо, из-за опасения оказаться в ловушке. Однако, можно усомниться в том, что в намерения Мухаммед-Эмина входило вторжение вглубь Руси. Поход именно на Нижний мог быть результатом тонкого стратегического расчёта. Во-первых, это важный транзитный порт на Оке и Волге, через который проходят не только товары, но и русские войска. Во-вторых, именно через этот город русские власти предписывали ездить на Русь и обратно казанским купцам [Посольская книга. С. 27], контролируя, тем самым, их торговую деятельность среди русских людей и мордвы. В-третьих, Нижний стоит на правом берегу Оки, большей частью нерусском, он ещё слабо укреплён и когда-то захватывался Улу-Мухаммедом. Исходя их этого, можно предположить, что целью казанцев был именно захват или разрушение города, важного как для контроля над волжской торговлей, так и для русской наступательной стратегии в отношении ханства.

Осада Нижнего Новгорода много раз рассматривалась историками. Казанцы ушли на третий день. В более позднем публицистическом произведении «Казанский летописец» это объясняется тем, что предводитель их союзников-ногаев был убит выстрелом из пищали возле некоей церкви [Казанский летописец. С. 24]. Рассуждения об осаде города, достоверности сведений «Казанского летописца» и недостоверности более поздних краеведческих легенд типа убиения ногайского мурзы Федей Литвичем возле церкви Ильи Пророка на Ильиной горе исходят из того, что осаде подверглась крепость на месте нынешнего каменного кремля. Добавим, что на достаточно известной картине «Подвиг Феди Литвича» изображён этот момент, но деревянный кремль ошибочно имеет стены, спускающиеся с горы.

Однако, это можно поставить под сомнение. Никаких достоверных сведений о крепости, которую осаждали татары, нет. Только если принять как достоверное сообщение «Казанского летописца» о наличии там большого количества пленных литвинов; можно далее допустить, что уже велись восстановительные работы на месте старого кремля (для чего полон и использовали). Но это может быть всего лишь легенда. Судя по археологическим данным, после 1505 г. запустел и Городок – Нижний Новгород Новый, или Меньшой. В его поздних слоях зафиксированы следы сильного пожара, обнаружены наконечники стрел (в т. ч. имевшие хождение в Казанском ханстве) и человеческие останки [Грибов, 2018. С. 147–149, 267, 277]. Хотя находки в Городке свидетельствуют о его запустении после погрома, можно допустить, что татары осаждали именно его, но взять не смогли (как и в 1445 г.) и ушли. Городок был заброшен, и Василий III новое укрепление в устье Оки указал строить на месте старого города.

В 1506 г. последовал ответный поход московских войск на Казань, окончившийся катастрофой [Илюшин, 2021. С. 137–145]. Это было одно из крупнейших поражений великокняжеского войска за многие предшествующие и последующие десятилетия. Однако, после этого начались переговоры, и война закончилась. Не надеясь на прочный мир с Казанью, московские власти самым серьёзным образом укрепили стратегически значимый, но уязвимый пункт на восточной границе – Нижний Новгород.

В историографии по какой-то причине существуют разные точки зрения о начале строительства каменного кремля в Нижнем Новгороде. По одной – это случилось в 1500 г. (на основе двух поздних нарративов), по другой – в 1509 г. Причём реставратор кремля С. Л. Агафонов отдавал предпочтение первой. Краевед Н. Ф. Филатов критиковал раннюю дату, но его доводы раскритиковал Б. М. Пудалов, посчитавший 1500 г. закладкой, а 1509 г. – неким новым этапом строительства [Чеченков, Крепостные сооружения]. И это притом, что официальное летописание XVI в. (Никоновская, Львовская, Воскресенская и др. летописи) прямо говорит о начале строительства весной 1508 г.: «Тоя же весны велел князь великий заложити град камен Новъгород Нижней; а мастер Петр Фрянчушко Фрязин» [Летописный

свод 1518 г. С. 342; Никоновская летопись, Т. 13. С. 8]. Упоминание же строительства в 1500 г. также может базироваться на реальных сведениях, но относящихся к восстановлению старого древо-земляного кремля.

Новый кремль действительно был совершенно неприступен для казанского войска. С учётом скромных военных возможностей ханства [Илюшин, 2021. С. 52–74] и неумения казанцев брать крепости возведение такого дорогого укрепления выглядит чрезмерной мерой. Если не учитывать сильный эффект от поражения 1506 г. По нашему мнению, именно разгром русского войска под Казанью (и, быть может, память о захвате Нижнего Улуг-Мухаммедом) привели к выделению Василием III огромных ресурсов на строительство одной из мощнейших крепостей Великого княжества Московского, и именно в 1508 г., а не в 1500 г.

В завершение статьи хочется высказать мысль о правомочности возведения в Нижнем Новгороде памятника Василию III и итальянскому архитектору кремля Пьетро Франческо – создателям главного историко-архитектурного памятника города.

Список источников и литературы

Восемь столетий нижегородской истории. Т. 1 (XII–XIX века) / Отв. ред. П.В. Чеченков. Нижний Новгород: Научно-исследовательский центр НГТУ, 2021. 608 с.

Грибов Н. Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города // отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН; 2018. 592 с.

Грибов Н. Н. Сопредельные земли Гороховецкой волости на правобережье Оки: основные вехи средневекового освоения // Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв.: история и археология. Материалы научной конференции. М., 2017. С. 63–72.

Жалованная данная и тарханная грамота в. кн. Вас. Васильевича Владимир. Рождественского м-ря архим. Иову на с. Веское, в Суздал. у. [ок. 1430-х] // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М.: Наука, 1964. №87. С. 119.

Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 288 с.

Илюшин Б. А. «Война лета 7014»: Московско-казанский конфликт 1505–1507 гг. Нижний Новгород: Стимул-СТ, 2018. 128 с.

Илюшин Б. А. Казанские войны Василия III: монография. Казань: Издательский дом «Логос», 2021. 428 с.

Казанский летописец (История о Казанском царстве) // ПСРЛ. Т. 19. Под ред. Г.З. Кунцевича. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. 530 с.

Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. 28. М.-Л., 1963. 411 с.

Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 464 с.

Никоновская летопись (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью) // ПСРЛ. Т. 11. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1897. 254 с.

Никоновская летопись (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью) // ПСРЛ. Т. 12. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 267 с.

Никоновская летопись (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью) // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1904. 302 с.

Посольская книга по связям России с Ногайской ордой. 1489–1508 гг. М., 1984. 87 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1 / ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1977. 188 с.

Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 1–186.

Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. / подг. текста С.Н. Кистерева и Л.А. Тимошиной, предисл. Б.М. Клосса. М., 2001. 446 с.

Чеченков П. В. Нижегородский кремль XIV–XV веков // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI в.: Материалы второй областной научно-практической конференции 5–6 декабря 2001 г. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области, 2002. С. 111–118.

Чеченков П. В. Крепостные сооружения Нижнего Новгорода XIV — начала XVI века в летописании и историографической традиции [Электронный ресурс] <http://opentextnn.ru/space/nn/kremlin/chechenkov-p-v-krepostnye-sooruzhenija-nizhnego-novgoroda-xiv-nachala-xvi-veka-v-letopisanii-i-istoriograficheskoj-tradicii/>

Юрченков В. А. Начертание мордовской истории. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. 612 с.

Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Козьмодемьянский кантон. Краснококшайск: Издание У. М. С. Маробоно, 1926. 113 с.

DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2-5

П. А. Миляев
отдел славяно-финской археологии
Институт истории материальной культуры РАН
milyaev.paul@yandex.ru

О РЕДКИХ НАХОДКАХ ДЕТАЛЕЙ РУЧНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ XVI ВЕКА С ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ. ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК СВИЯЖСКА И НИЖНЕГО НОВГОРОДА.

В данной публикации впервые подробно рассматриваются редкие для территории Поволжья детали ручного огнестрельного оружия XVI в., обнаруженные в Свияжске и Нижнем Новгороде. Они относятся к трутовым (фитильно-трутовым) ружейным замкам, которые устанавливались на ручные и затинные пищали. Некоторые находки могут быть связаны с импортным или трофейным вооружением. В статье проводится сравнительный анализ деталей из Поволжья с аналогичными изделиями из других регионов России и Европы, а также уточняется хронология бытования ружейных замков с боковым спуском-кнопкой в армии Московского государства.

Ключевые слова: Свияжск, Нижний Новгород, XVI в, ручное огнестрельное оружие, стрелецкое войско, пищаль, ружейный замок.

Шестнадцатое столетие в Московском государстве характеризуется бурным развитием военного дела, вооружения, фортификации, тактики и стратегии войск. Отличительной особенностью и важнейшим фактором, повлиявшим на характер боевых действий в это время, является широкое внедрение и начало массового применения русской армией ручного огнестрельного оружия, значение которого на полях сражений в течение указанного столетия неуклонно росло. Появляются и крупные подразделения пехотинцев, вооруженных «огненным боем» – сначала пищальники, набиравшиеся только на время военных кампаний, а с середины XVI в. постоянное стрелецкое войско (Кирпичников, 1976. С. 92–94; Маковская, 1992. С. 13, 22; Пахомов, 2002; Пахомов, 2007; Пенской, 2010. С. 304–308; Пенской, 2019. С. 66–107). Московское государство также охотно принимало на службу и пленных иноземных солдат, имевших опыт обращения с ручным огнестрельным оружием, например, выходцев из Великого княжества Литовского («желныри», «дрябы»), часть которых находилась в городах Поволжья – Нижнем Новгороде и Свияжске в перв. пол. – сер. XVI в. (Пенской, 2019. С. 63–64; Ситдиков, Старков, 2022. С. 374). Изучался и принимался во внимание иностранный опыт, использовались привозные образцы вооружения, активно приглашались мастера-оружейники и разворачивалось широкомасштабное военное производство.

Однако, ранний этап массового применения ручного огнестрельного оружия в Московском государстве изучен явно недостаточно. В частности, это касается его хронологии, региональных особенностей, времени бытования и генезиса различных образцов вооружения,

специфики их использования. Данная ситуация обусловлена крайне ограниченным количеством сохранившихся до наших дней подлинных экземпляров огнестрельного оружия кон. XV–XVI вв., немногочисленностью письменных сведений и изобразительных источников. Важнейшей задачей в свете указанной проблематики является расширение источниковой базы с широким привлечением материалов археологических исследований, имеющих точную локализацию и датировку, а также надежный контекст. Необходимо собирать и изучать обнаруженные в ходе раскопок детали ручного огнестрельного оружия кон. XV–XVI вв. из разных регионов России для их дальнейшего сравнения, сопоставления и создания, в дальнейшем, целостной картины для территории всего Московского государства.

Крупный и важный регион Центральной России – Поволжье, в отношении ручного огнестрельного оружия XVI–XVII вв. практически не изучен, специальные публикации по данной теме отсутствуют. Сведения из письменных источников, преимущественно XVII столетия, приведены в ряде работ, однако, они разрознены и зачастую лишены подробностей (Нижний Новгород…, 1961. С. 94, 97–98; Филатов, 2001; Балыкина, 2016. С. 35–36. Федоров, 2016. С. 518–519 и др.). Археологические находки, относящиеся к ручному огнестрельному оружию раннего периода его массового использования, долгое время не выделялись в коллекциях предметов из раскопок поволжских городов и крепостей. Только недавно был обнаружен и атрибутирован ряд деталей трутовых (фитильно-трутовых) ружейных замков XVI в. из Свияжска и Нижнего Новгорода. Эти редкие и важные находки позволяют подробно охарактеризовать некоторые образцы огнестрельного вооружения, применявшиеся на территории Поволжья в эпоху Ивана Грозного и несколько более позднее время. Появление и начало массового внедрения новых ударно-кремневых замков отражает находка в слое вт. пол. XVI в. ружейного кремня, происходящая из Свияжска. В слоях раннего Нового времени обоих городов обнаружены многочисленные свинцовые боеприпасы, для отливки которых использовались металлические щипцы-пулелейки, а также специальные каменные формы для отливки пуль.

Детали ружейных замков из Свияжска и Нижнего Новгорода, представленные в данной публикации, являются частями трутовых (фитильно-трутовых) механизмов воспламенения заряда, имевших широкое распространение по всей Европе в кон. XV–XVI в. и состоявших примерно из семи деталей (Thierbach, 1886. S. 12, bl. 2, *fig. 23–25*; Мышковский, 1959. С. 228–229, рис. 2–3; Мышковский, 1965. С. 189, рис. 1; Маковская, 1992. С. 22, 31, рис. 5, 41) (Рис. 1, *1–2*). В наиболее простых вариантах все составные части замка крепились непосредственно к деревянной ложе огнестрельного оружия при помощи гвоздей. Для этого применялись также и ружейные винты, зафиксированные как на археологических находках на территории России, так и на сохранившихся экземплярах ручных пищалей (Денисова, Портнов, Денисов, 1953.

Таб. XXII, *136*; Ефимов, 2015. С. 585; Миляев, 2018. С. 229–230, рис. 2, *6–7*). Однако, вероятнее всего, на территории Московского царства они стали широко использоваться ближе к концу XVI в. Замочная доска в таких ружейных замках не являлась несущей основой конструкции, она была небольшая, прямоугольных или трапециевидных очертаний. Характерным элементом интересующих нас механизмов воспламенения заряда является курок-серпентин S-видной формы, двуплечий, снабженный на верхнем конце короткой трубкой (Рис. 2, *2*). Боевая пружина отдельная, довольно узкая, в основании часто имеет округлую или овальную площадку с отверстием и загнутым под прямым углом заостренным шипом, который вбивался в ложу и служил дополнительной точкой крепления. Она воздействовала на нижний рычаг курка в направлении снизу-вверх. Спусковая пластинчатая пружина с округлой кнопкой на конце имела в средней части прямоугольный перпендикулярный выступ – шептало, удерживавший серпентин во взведенном состоянии. Данная деталь монтировалась на ложе в специальном вырезанном фигурном углублении, и при нажатии сбоку утапливалась в него, при этом высвободившийся курок падал на пороховую полку, находившуюся на правой стороне ружейного ствола (Durdik, Mudra, Šáda, 1977. S. 193, fig. 1; Мышковский, 1959. Рис. 3; Маковская, 1992. Рис. 5) (Рис. 1, *1, 4*). Поджигание заряда осуществлялось при помощи тлеющего трута или фитиля, зажатого в трубке на конце серпентина (Thierbach, 1886. S. 12; Hoff, 1969. S. 18; Бехайм, 1995. С. 321; Квасневич, 2007. С. 52)[1]. После каждого выстрела механизм надо было взводить заново[2]. В своем классическом виде ружейный замок с боковым спуском-кнопкой оформился в последней трети XV в. и широко распространился по территории всей Европы в течение первых десятилетий XVI столетия (Thierbach, 1886. S. 12–13; Hoff, 1969. S. 14–15, abb. 13; Müller, 1979. S. 22). В начале XVI в. появились более совершенные варианты этих механизмов, основой которых была длинная узкая замочная доска, при этом S-видный серпентин и боевая пружина крепились на ее внешней стороне, а спусковая с кнопкой на внутренней. (Durdik, Mudra, Šáda, 1977. S. 193, fig. 2) (Рис. 1, *3*). Позже, во второй половине XVI в., в таких конструкциях стало применяться отдельное подвижное шептало и спуск-стержень, как на кремневых системах воспламенения заряда, при этом, курок часто имел короткий, резко изогнутый вверх хвостовик. На территории Европы самые простые

[1] По этой причине в европейской литературе такие ружейные замки именуются «трутовыми» (нем. Schwammschloss, англ. Tinder-lock) или «фитильно-трутовыми» (нем. Luntenschwammschloss) (Hoff, 1969. S. 18*; Durdik, Mudra, Šáda*, 1977. S. 23, fig. 9; Müller, 1979. S. 22; Бехайм, 1995. С. 321 и др.). В отечественных публикациях данные механизмы воспламенения заряда определяются исключительно как «фитильные» (Мышковский, 1959. С. 228–230; Маковская, 1992. С.22).

[2] Все фитильные и фитильно-трутовые ружейные замки в том числе и с боковым спуском-кнопкой, основанные на механике однократного действия, когда после выстрела курок не возвращался в исходное положение, а его каждый раз было необходимо взводить, в Европе называются также «ударно-фитильными замками» (нем. Luntenschnappschloss, англ. Snapping Matchlock) (Thierbach, 1886. S. 12; Hoff, 1969. S. 14–15, 18, 30–31).

трутовые (фитильно-трутовые) ружейные замки, у которых все детали крепились по отдельности к деревянной ложе, стали терять популярность уже в 1530–1540-х гг., а после сер. XVI в. спуск при помощи пружины с боковой кнопкой вообще перестал практиковаться, уступив место подвижному шепталу со стержнем (Hoff, 1969. S. 31) (Рис. 2, *1–2, 6*). Однако, на территории Московского царства подобные довольно архаичные механизмы воспламенения заряда использовались вплоть до начала XVII в., включая Смутное время (Миляев, 2018. С. 231–232). Они устанавливались на ручные пищали (ручницы) – аналоги европейских аркебуз, которые были характерным и наиболее массовым ручным огнестрельным оружием пехоты эпохи Ивана IV Грозного, а также на тяжелые затинные пищали (крепостные ружья) (Рис. 2, *3–4*). Стоит отметить, что на территории России деталей подобных ружейных замков, датированных временем до 1550-х гг. на данный момент не обнаружено. По всей видимости, их массовое распространение начинается ближе к середине XVI в., а в первой половине столетия на территории Московского государства подобные механизмы были еще редкостью.

В свете указанного выше контекста, находки довольно ранних деталей фитильно-трутовых замков ручных пищалей из Свияжска и Нижнего Новгорода имеют важное значение. Самыми выразительными из них являются два S-видных курка-серпентина. Один из них был обнаружен во время археологических исследований 2014 г. на раскопе «Татарская слободка» в Свияжске (Ситдиков, Старков, 2022. С. 375, 390, кат. 3.4.1.88). Размеры находки составляют 92 × 33 × 4 мм, верхний рычаг детали имеет плавный изгиб, а его конец расплющен и свернут в трубку длиной около 12 мм, диаметром 9 мм, края которой не сомкнуты (Рис. 3, *1*). Хвостовик изделия немного приподнят, а на его нижней плоскости имеется вытянутая овальная западина – явный след от конца боевой пружины, которая упиралась в эту точку при взведенном курке. Центральная часть детали представляет собой выступающую вверх площадку с отверстием диаметром 5 мм и фигурным зубчатым завершением в виде «короны». С внешней стороны находка орнаментирована несколькими парными вертикальными линиями. Предмет обнаружен в слое, датированном второй половиной XVI в. вне каких-либо построек и комплексов.

Второй S-видный серпентин, происходящий из Нижнего Новгорода, был найден при раскопках ООО «Костромская археологическая экспедиция» в 2016 г. на ул. Октябрьская дд. 11А, 13. Его параметры составляют 106 × 44 × 5 мм, верхний плавно изогнутый рычаг оканчивается трубкой длиной 12 мм и диаметром 11 мм, края которой не сомкнуты (Долгополов, 2016б. Рис. 1348–1349) (Рис. 3, *2–3*). Хвостовик изделия прямой, короткий. В центре данного курка также располагается площадка с отверстием диаметром 5 мм и фигурно оформленным верхним краем с тремя выступами. Особенностью этой находки является

довольно выразительный орнамент: ее центральная часть украшена вертикальными параллельными линиями, а верхний рычаг декорирован рядом чуть изогнутых насечек, поставленных наискосок и образующих эффект плетеного шнура (Рис. 3, *3*). Деталь обнаружена в нижних слоях заполнения ямы, которая, скорее всего, являлась подпольной частью наземной постройки и датируется второй половиной XVI – началом XVII вв. (Долгополов, 2016а. С. 102, 191).

Можно определенно сказать, что S-видные курки из важных военных центров Поволжья – городов Свияжска и Нижнего Новгорода аналогичны друг другу, имеют схожие параметры, а их общими особенностями являются фигурные центральные площадки с зубчиками по верхнему краю и орнаментация, по датировкам эти детали также синхронны. Судя по небольшим размерам, они были установлены на ручных пищалях (ручницах).

На территории России пока имеется всего лишь один S-видный курок, полностью такой же по оформлению как описанные выше детали из поволжских городов. Он был обнаружен в 2021 г. на поле битвы у с. Судбищи (Орловская обл.), произошедшей в 1555 г. . Это чуть более крупное изделие размерами 126 × 35 × 5 мм, с трубкой длиной 8 мм и диаметром 9 мм на конце верхнего рычага (Рис. 3, 5). Хвостовик детали завершается площадкой, отогнутой под прямым углом, надавливая пальцем на которую взводили курок, поворачивая его вокруг оси, причем в эту же точку снизу упирался конец боевой пружины. Подобные элементы неоднократно встречены на серпентинах трутовых (фитильно-трутовых) замков, обнаруженных в других регионах России (Миляев, 2018. С. 225, 227–228, рис. 3, 6, 8). Яркой особенностью находки с поля Судбищенской битвы является расположенная в центре выступающая площадка с отверстием диаметром 6 мм. Ее верхняя часть фигурно оформлена в виде «короны» с тремя приостренными выступами.

S-видные курки из Свияжска, Нижнего Новгорода, а также с поля битвы у с. Судбищи 1555 г. однотипны и относятся к группе наиболее ранних деталей трутовых (фитильно-трутовых) ружейных замков с территории Московского царства. Они небольшие, тонкие, можно сказать, изящные, выполнены качественно с вниманием к отделке и декору (Рис. 3, *1–3, 5*). Больше аналогий в России им нет, остальные подобные изделия принадлежат к другим типам, их центральные площадки не имеют подобных зубчатых завершений и, чаще всего, лишены орнамента (Миляев, 2018. С. 225–229, рис. 3, *3–10*; Адамов, 2021. С. 54, рис. 1, *7*; Миляев, 2022. Рис. 2, *1–5*)[3]. Такие курки, как описанные выше находки с территории Поволжья и из Судбищ, в целом не характерны для Московского царства и крайне малочисленны.

[3] На данный момент собраны сведения о более чем двадцати S-видных курков, происходящих с территории России, среди которых только три указанных в данной публикации экземпляра имеют зубчатое оформление верхней части центральной площадки.

Напротив, в Европе сохранилось довольно много аркебуз и крепостных ружей, снабженных именно такими деталями, у которых верхний край центральной площадки оформлен в виде «короны». Подобные экземпляры имеются в немецких государственных и частных собраниях, причем, самые ранние из них могут датироваться рубежом XV–XVI вв. (Thierbach, 1886. S. 13, bl. 2, fig. 23, 25; http://www.vikingsword.com/vb/showthread.php?t=7806&goto=nextnewest) (Рис. 1, *4*; 2, *1, 1а*). Образцы ручного огнестрельного оружия вт. четв. XVI в. с курками, у которых верхняя часть центральной площадки украшена зубчиками, известны в Румынии и Чехии. Такие аркебузы и крепостные ружья хранятся в музеях Брукенталь, г. Сибиу (Трансильвания, Румыния) и г. Пльзень (Чехия) (Миляев, 2021. С. 271, рис. 4, 8; http://www.vikingsword.com/vb/showthread.php?t=11652&highlight=zapadoceske) (Рис. 2, *2, 2а, 6*). Многие из них также имеют немецкое происхождение и были изготовлены в Нюрнберге. Еще один аналогичный по оформлению небольшой серпентин размерами 82 × 34 мм был найден среди развалин замка Калих в Чехии (https://www.husitstvi.cz/forum/download/file.php?id=1989&mode=view) (Рис. 3, *4*). Таким образом, S-видные курки, у которых верх центральной площадки был украшен зубчиками, являются характерными деталями ручного огнестрельного оружия с трутовыми (фитильно-трутовыми) замками, произведенного на территории германских земель. Данная продукция немецких мастеров, благодаря поставкам, была распространена и в странах Центральной Европы. Можно предположить, что ранние курки из Нижнего Новгорода, Свияжска и с поля битвы у с. Судбищи 1555 г. относятся к привозному импортному или трофейному ручному огнестрельному оружию. Абсолютно уверенным здесь быть нельзя, поскольку русские ремесленники полностью копировали европейские трутовые (фитильно-трутовые) ружейные замки и могли по иноземным образцам изготовить такие детали. Однако, малочисленность описанных выше находок свидетельствует, все же, в пользу первой версии, тем более, что известны факты закупки Московским государством огнестрельного оружия в нач. XVI в. за рубежом, в первую очередь в Германии и Дании (Пенской, 2010. С. 300; Пенской, 2019. С. 194–195). Позже, долговременная Ливонская война явно стала источником трофейного огнестрельного оружия, в том числе, аркебуз, которые использовались в войсках Московского государства. Вполне возможно, что находки таких редких курков европейского происхождения могут быть связаны с находившимися в Нижнем Новгороде и Свияжске «желнырями» и «дрябами» – солдатами из Великого княжества Литовского, которых приняли на русскую службу (Пенской, 2019. С. 63–64; Ситдиков, Старков, 2022. С. 374).

Нечастыми для территории России находками являются замочные доски от механизмов воспламенения заряда с боковым спуском-кнопкой, также обнаруженные при раскопках в Свияжске и Нижнем Новгороде. Причем обе детали относятся к комплексам и объектам,

связанным с постройками, располагавшимися на дворах горожан. Замочная доска из Нижнего Новгорода была найдена в ходе работ ООО «Костромская археологическая экспедиция» 2016 г. на ул. Октябрьская дд. 11А, 13 и происходит из той же ямы – вероятно, подпольной части наземной постройки, где был обнаружен описанный ранее S-видный курок с фигурной центральной площадкой. Обе находки залегали в нижних слоях заполнения этого объекта на близких нивелировочных отметках и являются синхронными (Долгополов, 2016а. С. 102, 191; Долгополов, 2016б. Рис. 1342–1343). Таким образом, замочная доска из Нижнего Новгорода также датируется вт. пол. XVI – нач. XVII вв. Деталь представляет собой железную пластину трапециевидных очертаний размерами 76 × 37 мм толщиной около 1–1,5 мм, в которых имелось два сквозных отверстия (Рис. 3, *6*). Одно из них круглое, через которое проходила ось S-видного курка – гвоздь или ружейный винт; другое, расположенное ниже, прямоугольное, для горизонтально выступающего шептала. Непосредственно под вторым отверстием на кромке детали есть небольшой вырез для пластинчатой Г-образной скобы, которая ограничивала ход серпентина вниз, предотвращая тем самым излишние нагрузки на боевую пружину, которые могли привести к ее повреждению. На широкой стороне изделия имеется узкий, обломанный на конце прямоугольный выступ, частично закрывавший паз, в котором располагалась спусковая пружина с кнопкой. Неизвестно, принадлежали ли S-видный курок и замочная доска из Нижнего Новгорода, найденные в подпольной части наземного сооружения, к одной ручной пищали, однако, это вполне возможно.

Аналогичная деталь от трутового (фитильно-трутового) механизма воспламенения заряда, найденная при раскопках в Свияжске, сохранилась целиком, с минимальными утратами. Она имеет вытянутые очертания основной трапециевидной части, а прямоугольный выступ на ее широкой стороне более крупный (Рис. 4, *1*). Размеры замочной доски составляют 115 × 36 мм, толщина 1–1,5 мм, количество, форма, места расположения отверстий для курка и шептала, вырез для Г-образной ограничительной скобы также идентичны находке из Нижнего Новгорода. Прямоугольный выступ на широкой стороне свияжской детали, закрывавший частично паз и расположенную в нем спусковую пружину с кнопкой, имеет длину 32 мм и ширину 24 мм. Данная замочная доска была обнаружена на раскопе «Татарская слободка» в 2012 г. и находилась в заполнении сооружения №4 – подквадратного в плане сруба хозяйственного назначения размерами 4,1 × 4,3 м. Вместе с ней внутри остатков постройки выявлены изделия из дерева, лыка, кожи, а также фрагмент рыболовного грузила. Стратиграфически данный комплекс относится к периоду кон. XVII – нач. XVIII вв. Вероятнее всего, демонтированная с ручного огнестрельного оружия замочная доска сохранялась в хозяйственной постройке как железный лом.

В качестве аналогии описанным выше деталям из Нижнего Новгорода и Свияжска можно привести находку, обнаруженную при исследовании пограничной крепости Сокол (памятник расположен на территории Республики Беларусь), основанной Иваном IV во время Ливонской войны (Клімаў, 2019. Мал. 4, *18*) (Рис. 4, *2*). Схожие замочные доски с таким же количеством и расположением отверстий имеются на ручных пищалях XVI в., хранящихся в ВИМАИВ и ВС (Санкт-Петербург) (Мышковский, 1959. Рис. 2; Маковская, 1992. Рис. 41, 44–46) (Рис. 2, *3, 3а, 4*). Множество подобных деталей известно на европейских аркебузах и крепостных ружьях, произведенных до сер. XVI в., причем нередко они изготовлены из листа медного сплава (Thierbach, 1886. Bl. 2, fig. 25; Hoff, 1969. Abb. 13; Durdik, Mudra, Šáda, 1977. Fig. 9; Миляев, 2021. Рис. 4, 8) (Рис. 1, *1, 4*; 2, *1, 1а, 2, 2а, 6*). Такие замочные доски не были несущей основой механизма с кнопочным спуском, а являлись скорее усиливающими накладками, поскольку курок, боевая и спусковая пружины крепились не к ним, а непосредственно к деревянной ложе огнестрельного оружия.

Из Свияжска происходят еще две детали трутовых (фитильно-трутовых) ружейных замков XVI в. Одна из них, обнаруженная в ходе раскопок на ул. Троицкой, представляет собой фрагмент боевой пружины, основание которой оформлено в виде овальной площадки с круглым отверстием для гвоздя или ружейного винта. Размеры находки составляют 110 × 19 мм, на одной ее стороне сохранился обломок пластинчатой рабочей части, прямоугольный в поперечном сечении, а на противоположном чуть вытянутом конце находился загнутый под прямым углом заостренный шип, который не сохранился (Рис. 4, *3*). Диаметр отверстия в площадке составляет около 4 мм. Эта деталь была обнаружена в слоях Нового времени, приблизительно, кон. XVIII в., куда попала, видимо, в результате перекопов или перемещения грунта. Как выглядела эта деталь изначально можно судить по аналогичной целой находке, происходящей из раскопок Старицкого городища в Тверской области. Общая длина этой боевой пружины – 155 мм, ширина, как и у свияжской детали – 19 мм, рабочая часть довольно узкая, ее конец плавно изогнут вверх (Хворостова, 1987б. С. 15, 35, *№130,* 76, *№130*) (Рис. 4, *5*). В основании изделия находится овальная площадка, на краю которой сохранился перпендикулярно отогнутый шип, отверстие для крепежа, видимо, скрыто коррозией. Описанная находка была обнаружена в заполнении крупной подпрямоугольной ямы – углубленной подпольной части наземной постройки, вместе с ней на близких нивелировочных отметках залегали вещи вт. пол. XVI – нач. XVII вв. (Хворостова, 1987а. С. 34) Данный временной отрезок полностью совпадает с датировками боевых пружин от трутовых (фитильно-трутовых) ружейных замков, найденных в других регионах России. К этому же периоду, вероятнее всего, относится и фрагмент детали из Свияжска. Подобные боевые пружины с простыми овальными площадками в основании установлены на ручные и затинные

пищали XVI в., хранящиеся в фондах ВИМАИВ и ВС (Санкт-Петербург) (Мышковский, 1959. Рис. 1, 2, *6*; Маковская, 1992. Рис. 44, 46) (Рис. 2, *3, 3а*). Заостренные, отогнутые под прямым углом шипы на концах таких изделий вбивались в деревянные ложи огнестрельного оружия, а дополнительная фиксация производилась через отверстия гвоздями или ружейными винтами.

В Свияжске также была найдена спусковая пружина от трутового (фитильно-трутового) ружейного замка. Деталь длиной 131 мм представляет собой пластину прямоугольного сечения, на одной стороне которой имеется ступенчатый уступ, завершающийся округлой площадкой – кнопкой диаметром 25 мм (Рис. 3, *7*). Противоположный конец изделия заострен и вбивался в торец фигурного паза, вырезанного в ложе огнестрельного оружия, фиксируя в нем спусковую пружину. В 32 мм от уступа расположен перпендикулярный прямоугольный выступ – шептало, который удерживал S-видный курок во взведенном состоянии, блокируя его нижний рычаг. Кнопка свияжской спусковой пружины рельефная, в ее центре имеется полусферический выступ. Данная деталь была обнаружена на раскопе «Татарская слободка» в 2012 г. и происходит из культурных напластований, датированных кон. XVII в. Залегание находки в столь поздних слоях можно объяснить тем, что когда в кон. XVI в. трутовые (фитильно-трутовые) замки на ручных пищалях стали заменять на ударно-кремневые, то старые механизмы разбирались и использовались в качестве кузнечного сырья, перековывались на другие изделия. Данный процесс продолжался и в перв. четв. XVII в., при этом, демонтированные детали могли храниться довольно длительное время и выпадать в культурные напластования указанного столетия. Также это можно объяснить тем, что трутовые (фитильно-трутовые) ружейные замки устанавливались на затинные пищали, которые были довольно архаичным видом огнестрельного оружия и могли служить более ста лет практически без серьезных конструктивных изменений. В арсеналах крепостей они хранились до петровского времени, а потом также большинство из них было разобрано и утилизировано. Таким образом, детали трутовых (фитильно-трутовых) ружейных замков могли оказаться в слоях кон. XVII – XVIII вв. Некоторые экземпляры затинных пищалей с подобными механизмами воспламенения заряда находятся в собрании ВИМАИВ и ВС (Санкт-Петербург) (Маковская, 1992. С. 40–41, рис. 99). Конечно, в случае обнаружения таких находок в поздних напластованиях нельзя исключать перекопы и перемещения грунта при хозяйственных или строительных работах.

В целом, спусковые пружины с рельефными крупными кнопками, аналогичные свияжской, наиболее часто встречаются в ходе археологических раскопок, подобные детали известны в Москве, Белгороде, Туле, крепости Сокол, Тобольске, а также в других городах и крепостях Московского царства (Никитин, 1951. Рис. 89; Клімаў, 2019. Мал. 4, *19*; Балюнов,

2024. Рис. 1, *2*) (Рис. 3, *8–9*). Они также преобладают и на сохранившихся экземплярах ручного огнестрельного оружия XVI – нач. XVII вв. из фондов ГИМ (Москва) и ВИМАИВ и ВС (Санкт-Петербург) (Денисова, Портнов, Денисов, 1953. Таб. XXII, *136*, XXV, 152; Мышковский, 1959. Рис. 2, *5*, 3а; Маковская, 1992. Рис. 41, 44, 46) (Рис. 2, *3, 3а*). Имеются они и на многочисленных экземплярах европейских аркебуз и крепостных ружей конца XV–XVI в. (Schön, 1858. Fig. 5; Thierbach, 1886. Bl. 2, fig. 24–25; Hoff, 1969. Abb. 13; Durdik, Mudra, Šáda, 1977. Fig. 9; Strzyż, Dzieńkowski, Gołub, 2016. Fig. 12, *2*) (Рис. 1, *4*; 2, *1, 1а, 2, 2а*).

Итак, единичные, но очень выразительные находки, представленные в данной публикации, указывают на то, что стрелецкие гарнизоны Нижнего Новгорода и Свияжска второй половины XVI века были вооружены пищалями, снабженными трутовыми (фитильно-трутовыми) ружейными замками с боковым спуском-кнопкой. В указанный период они являлись стандартным вооружением пехоты Московского царства и широко использовались защитниками других городов крепостей, таких как Москва, Тула, Белгород Великий Новгород, Псков, Ивангород, Орешек, есть подобные находки и на территории Сибири (Миляев, 2018. Рис. 3, *3–7, 9–10*; Адамов, 2021. С. 54, рис. 1, *7*; Миляев, 2022. Рис. 2, *1–5*). Полностью аналогичные изделия встречены также при раскопках на сопредельных с Россией территориях, входивших в состав Ливонского ордена и Великого княжества Литовского (Алексеев, 1995. С. 165, рис. 9, *2*; Barišņikovs, 2017. L. 136, 138, 141; Brūzis, 2020. L. 179, att. XVI, *5*, *7–10*). По данным письменных источников вт. пол. XVI в. стрельцы в Свияжске были вооружены именно ручницами – т.е. ручными пищалями (Список с писцовой и межевой книги…, 1909. С. 10). Теперь, благодаря раскопкам в городе, в том числе на месте музея «Татарская слободка», мы можем точно знать, как именно выглядели образцы этого ручного огнестрельного оружия, и какие типы деталей использовались в их замках. Очевидно, что аналогичным было вооружение и стрельцов более крупного гарнизона Нижнего Новгорода. Отличительной особенностью данных ручных пищалей – аналогов европейских аркебуз, был довольно короткий ствол и, вопреки расхожему мнению, подсошка для стрельбы из них не требовалось (Мышковский, 1959. С. 230–231; Маковская, 1992. С. 30–31) (Рис. 2, *3–4*). Интересно, что, судя по типу курков, защитники этих поволжских городов могли использовать импортное или трофейное ручное огнестрельное оружие. Более того, в отличие от стран Западной Европы, где аркебузы с кнопочными замками стали терять популярность уже к сер. XVI в., а позже перестали использоваться в действующей армии, пик их применения в Московском царстве приходится именно на вторую половину XVI столетия (Миляев, 2018. С. 231–232; Миляев, 2021. С. 269). Связанно это с созданием стрелецкого войска и увеличением количества пехоты в русской армии. Отработанная конструкция ручниц позволяла выпускать их в большом количестве, кроме того они были очень ремонтопригодны, неприхотливы и относительно

несложны в использовании. Трутовые (фитильно-трутовые) кнопочные механизмы воспламенения заряда, скопированные с иноземных покупных или трофейных образцов, воспроизводились русскими мастерами-оружейниками довольно продолжительное время. Пищали с этими замками применялись еще в боях Смутного времени, кроме того, даже такое устаревшее оружие все еще вполне подходило для несения гарнизонной службы в крепостях. Позже они вовсе вышли из употребления, на территории Московского царства, будучи замененными на ударно-кремневые (Рис. 2, *5*). Необходимо учитывать также и затинные пищали, которые часто снабжались трутовыми (фитильно-трутовыми) воспламенительными механизмами с боковым спуском-кнопкой. Известно, что в перв. четв XVII в. гарнизон Нижнего Новгорода располагал более чем 50 экземплярами данного огнестрельного оружия, явно, они имелись у защитников города и ранее, по крайней мере, во вт. пол. XVI столетия (Писцовая и переписная книги XVII века…, 1896. Стб. 14). О наличии затинных пищалей на вооружении Свияжска в ранний период сведений в письменных источниках нет.

Упомянутый выше процесс смены трутовых (фитильно-трутовых) ружейных замков на ударно-кремневые, внедрение которых на территории Московского царства началось в посл. четв. XVI в., отражает находка ружейного кремня из Свияжска. Предмет размерами 37 × 33 мм был обнаружен на раскопе «Татарская слободка» в культурных напластованиях второй половины указанного столетия (Ситдиков, Старков, 2022. С. 380, кат. 3.4.1.28). Он имеет четкие трапециевидные очертания, невысокий абрис, края по периметру оформлены мелкой ретушью (Рис. 4, *4*). К сожалению, определить тип ружейного замка в данном случае невозможно, однако, весьма вероятно, что он мог быть русского типа. Наиболее территориально близкая находка подобного механизма, более позднего, относящегося к XVII в. (не ранее 1620-х гг.), была обнаружена при раскопках в торговых рядах г. Костромы (Лазарев, Горохова, Дедик, 2022. С. 20–21, рис. 21).

Специальных публикаций по боеприпасам XVI–XVII вв. из городов Поволжья на данный момент нет, однако, некоторые сведения о них можно почерпнуть, рассмотрев свинцовые пули из раскопа «Татарская слободка» в Свияжске. В свете тематики данной публикации, следует обратиться к снарядам, найденным в слоях вт. пол. XVI столетия, которые сейчас находятся в экспозиции Музея археологического дерева, возведенного после проведения археологических работ (Ситдиков, Старков, 2022. С. 380–389). К указанному периоду относится 15 свинцовых пуль, составляющие довольно однородную по своим параметрам группу изделий (Рис. 4, *9–23*). Подавляющее число находок, а именно 13 экземпляров (86,6 %), было отлито в металлических щипцах – пулелейках или специальных формах (каменных, глиняных), все они имеют сферические очертания, в том числе и поврежденные боеприпасы, которые изначально являлись таковыми (Рис. 4, *11–23*). Все эти

пули относятся к группе 1 варианту 2 по типологии О. В. Двуреченского, то есть они прошли вторичную обработку, заключавшуюся в обрезке литника (Двуреченский, 2005. С. 266, рис. 1, вариант 2). При отливке данных боеприпасов не было смещения половинок пулелейки или формы, подобных следов не наблюдается. По размерам снаряды также довольно схожи: четыре экземпляра диаметром 12 мм (Рис. 4, *13, 16,18, 21*), по три изделия – 11 мм (Рис. 4, *12, 14, 22*) и 13 мм (Рис. 4, *17, 19, 20*), два – 10 мм (Рис. 4, *11, 15*) и единственная поврежденная пуля могла быть чуть больше – около 14 мм (Рис. 4, *23*). Такой диапазон параметров подтверждает, что стволы ручных пищалей XVI в. имели небольшой калибр, в основном от 9 до 13 мм, реже 14–16 мм (Мышковский, 1959. С. 230–231; Мышковский, 1961. Таб. 1–2; Двуреченский, 2005. С. 272; Чубинский, 2015. С. 616). На трех пулях (20 %) имеется след от прохождения по каналу ствола при выстреле – поясок по периметру боеприпаса (Рис. 4, *11, 12, 17*). Четыре снаряда (26,6%) оказались деформированными (сплющенными) в результате попадания в твердую поверхность (Рис. 4, *14, 21–23*). Кроме того, на всех находках имеются царапины, выбоины и небольшие каверны, которые могут быть связаны с качеством литья, неровной внутренней поверхностью формы и с повреждениями, полученными во время нахождения в культурных напластованиях. И лишь два боеприпаса из всей выборки (13,3 %) были изготовлены механическим способом без применения температурного режима. Они были нарублены из свинцового прута и являются снарядами группы 3 по типологии О. В. Двуреченского, известные как «секанцы» или «жеребей». Одна такая пуля размерами 17 × 8 мм простой цилиндрической формы принадлежит к варианту 1, вторая параметрами 13 × 9 мм имеет следы обкатки на твердой поверхности и относится к варианту 2 (Двуреченский, 2005. С. 270, рис. 3, группа 3) (Рис. 4, *9–10*). Существует версия, что изделия не прошедшие вторичную обработку (вариант1) могут являться не боеприпасами, а заготовками для дальнейшей отливки сферических пуль (Адамов, Балюнов, 2020. С. 74, 77). Несомненно, что снаряды для стрельбы из ручного огнестрельного оружия из городов Поволжья требуют специального дальнейшего подробного изучения и сравнения с аналогичным материалом из других регионов России.

Как выглядели некоторые приспособления для изготовления боеприпасов могут дать представление находки из Свияжска. На раскопе «Татарская слободка в культурных напластованиях сер. XVII в. были найдены две створки специальных форм для отливки свинцовых пуль (Ситдиков, Старков, 2022. С. 379). Они представляют собой прямоугольные бруски темного сланца (лидита) размерами 65 × 29 × 19 мм и 60 × 32 × 17 мм на широкой плоскости которых имеется полусферическая выемка с литниковым каналом, литейная чаша которого расположена сверху, у торца изделия (Рис. 4, *7–8*). На обеих находках по углам есть небольшие отверстия для соединения половинок форм, на одном экземпляре в них

сохранились короткие металлические штифты (Рис. 4, 7). Подобные приспособления для литья пуль использовали и ранее, в XVI столетии, о чем свидетельствуют аналогичные изделия этого времени, обнаруженные в Туле и на городище Искер в Сибири (Варенов, 1997. С. 185–186, рис.1; Адамов, 2021. С. 57, рис. 1, 4–5) (Рис. 4, 6). Несомненно, что воины гарнизонов Нижнего Новгорода и Свияжска использовали для отливки пуль в XVI–XVII в. и металлические пулелейки в виде щипцов, которые были широко распространены по всему Московскому царству. Такие находки были обнаружены во многих русских городах и крепостях (Кутасов, 2011. С. 402, рис. 5, 3; Ульянова, 2008. С. 208, рис. 11, 1, 2; Двуреченский, 2018. Рис. 14, 91–92, 95 и др.).

Описанные в публикации находки свидетельствуют, что ручное огнестрельное оружие гарнизонов Нижнего Новгорода и Свияжска в второй половине XVI столетия полностью соответствовало образцам, принятым во всем русском войске. Оно являлось стандартным для пехоты Московского царства того времени с характерными техническими параметрами и особенностями конструкции. Однако, обращают на себя внимание редкие, выделяющиеся по оформлению детали, которые могли быть связаны с импортным или трофейным вооружением, вероятнее всего, германского производства. Примечательно также их локальное нахождение в близких городах Поволжья, где были размещены солдаты из Великого княжества Литовского, принятые на русскую службу. Конечно, для полноты картины необходимо продолжить сбор и публикацию находок, относящихся к «огненному бою» не только XVI, но и XVII в. Стоит надеяться, что материалы будущих раскопок и дальнейшие работы в музейных фондах прольют свет на историю использования ручного огнестрельного оружия в Поволжском регионе.

Список источников и литературы

Адамов А. А. Огнестрельное оружие и оружейный прибор русского воинства в 1582–1585 гг. (по материалам с городища Искер) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (52). Сетевое издание. Гл. ред. д.и.н. А.Н. Багашев. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021. С. 50–61.

Адамов А. А., Балюнов И. В. Ручное огнестрельное оружие русских воинов в Сибири конца XVI–XVII века (по археологическим материалам города Тобольска) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19, №3: Археология и этнография. Новосибирск, 2020. С. 70–86.

Алексеев Л. В. Древний Мстиславль в свете археологии // Гістарычна-археалагічны зборнік. №6. Мінск: Інстытут гісторыі АН Беларусі, 1995. С. 118–182.

Балыкина М. И. Нижегородский служилый "город" как часть военно-служилой системы государства в XVI–XVII веках // История: факты и символы: рецензируемый научно-

теоретический и прикладной журнал. Выпуск №7 (2). Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2016. С. 31–41.

Балюнов И. В. Арсенал ручного огнестрельного оружия города Тобольска в конце XVI–XVII в. (по материалам археологических и письменных источников) // Археологические вести. Вып. 42. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 165–173.

Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 1995. 576 с.

Варенов А. Б. Каменная орнаментированная пулелейка из Тульского кремля // Российская археология. №4. М.: Наука, 1997. С. 185–188.

Двуреченский О. В. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII в. // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2005. С. 264–295.

Двуреченский О. В. Тушинский лагерь (Публикация коллекции В.А. Политковского из собрания ГИМ). М.: ИА РАН, 2018. 196 с.

Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М.: Госкультпросветиздат, 1953. 224 с.

Долгополов С. В. Научный отчет о выполненных археологических раскопках в г. Нижнем Новгороде по ул. Октябрьская, 11А, 13 в 2016 г. (в шести книгах). Книга 1 (текстовая часть, приложения А–Д). Кострома 2017. Архив ИА РАН, Р-1, д. №55554. 2016а.

Долгополов С. В. Научный отчет о выполненных археологических раскопках в г. Нижнем Новгороде по ул. Октябрьская, 11А, 13 в 2016 г. (в шести книгах). Книга 5 (иллюстративный блок, приложение Ж, 1097–1722). Кострома 2017. Архив ИА РАН, Р-1, д. №55558. 2016б.

Ефимов С. В. Европейская охота и охотничье оружие от Средневековья до конца XVIII века. СПб.: «Атлант», 2015. 800 с.

Квасневич В. Лексикон старинного огнестрельного оружия. СПБ., Атлант, 2007. 264 с.

Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 104 с.

Клімаў М. В. Вызначэнне дакладнага месцазнаходжання фартэцыі Сокал (па выніках археалагічных прац 2016 г.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Зборнік навуковых артыкулаў. Вып. 30. Даследаванне беларускіх старажытнасцей. Мінск: «Беларуская навука», 2019. С. 191–206.

Кутасов П. А. Пулелейка из археологических раскопок на территории Зарядья в Москве // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 400–404.

Лазарев А. С., Горохова А. В., Дедик А. В. Археологические раскопки в торговых рядах г. Костромы в 2017–2018 гг. Под ред. А. С. Лазарева. Кострома: «Линия График Клстрома», 2022. 39 с.

Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII в. Определитель. М.: Военное издательство, 1992. 200 с.

Миляев П. А. Находки деталей ручного огнестрельного вооружения второй половины XV – XVI в. из Старой Ладоги и крепости Орешек в свете восточно – и западноевропейских аналогий // Археологические вести. Вып. 24. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 218–238.

Миляев П. А. Новые данные о ручном огнестрельном оружии XVI в. на русско-литовском пограничье // Записки ИИМК РАН. Вып. 25. СПБ: ИИМК РАН, 2021. С. 260–275.

Миляев П. А. Предметы вооружения и военного снаряжения XVI–XVIII вв. из раскопок на территории Нового Торга в Пскове (по материалам работ 2004–2013 гг.) // Археология и

история Пскова и Псковской земли. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 37. Материалы 67-го заседания. М.–Псков: ИА РАН, 2022. С. 155–192.

Мышковский Е. В. Соловецкая ручница // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. IV. Л.: Изд-е Артиллерийского исторического музея, 1959. С. 227–233.

Мышковский Е. В. Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV–XVI вв. // Советская археология. № 1. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 225–235.

Мышковский Е. В. Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // СА. 1965. № 4. М.: Наука, 1965. С. 186–198.

Нижний Новгород в XVII веке. Сборник документов и материалов к истории Нижнего Новгорода и его округи. Составитель Н. И. Привалова. Горький: Горьковское книжное из-во, 1961. 463 с.

Никитин А. В. Рисунки и чертежи к отчету о раскопках 1951 г. в Белгороде. Архив ИА РАН, Р.1, д. №780. 1951.

Пахомов И. Пищальники Василия III // Цейхгауз. Российский военно-исторический журнал. № 20 (№4/2002). М.: ООО «Издательский центр «Экспринт», 2002. С. 6–9.

Пахомов И. Пищальники Василия III. Участие в боевых действиях // Цейхгауз. Российский военно-исторический журнал. № 24 (2007). М.: Издательство «Цейхгауз», 2007. С. 2–4.

Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 448 с.

Пенской В. В. «Янычары» Ивана Грозного: стрелецкое войско во 2-й половине XVI – начале XVII в. М.: Эксмо; Яуза, 2019. 320 с.

Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. СПб: Археографическая комиссия, 1896. 73 с., 463 стб.

Ситдиков А. Г., Старков А. С. Музей археологического дерева «Татарская слободка». Казань: Мастер-Граф, 2022. 500 с.

Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.). Издание Церковного и Историко-археологического Общества Казанской Епархии. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1909. 143 с.

Ульянова Т. Н. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2008. С. 195–221.

Федоров О. В. Доспех типа казаганд в русском поместном войске начала XVII века // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 518-536. Электронный ресурс: http://www.milhist.info/2016/06/29/fedorov. Дата обращения: 23.04.2024.

Филатов Н. Ф. Личное боевое оружие посадских Нижнего Новгорода в XVII веке // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сб. науч. и метод. тр. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001. С. 180–185.

Хворостова Е. Л. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях древнего Старицкого городища Калининской области 1987 году Том 1. Пояснительная записка. Архив ИА РАН, Ф-1, Р-1, д. №12193. 78 л. 1987а.

Хворостова Е. Л. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях древнего Старицкого городища Калининской области 1987 году Том 3. Индивидуальные находки. Архив ИА РАН, Ф-1, Р-1, д. №12193б. 79 л. 1987б.

Чубинский А. Н. О времени изготовления стволов, замков и лож «троицких пищалей» из собрания Оружейной палаты // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы к международной научной конференции, Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. С. 613–622.

Barišņikovs K. Liecības par ugunsieroču izmantošanu Cēsu pilī 15.–16. gadsimtā // Cēsu pils raksti I: arheoloģija, arhitektūra, vesture. Cēsīs: Cēsu pils saglabāšanas fonds, 2017. L. 129–141.

Bertók G, Haramza M, Németh B. Lövedékek egy «Mohácsi» csatatérröl // Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia. Vol. 17: Eke mentén, csata nyomában. A mohácsi csata kutatásának legújabb eredményei. New studies and insights on the battle of Mohács 1526. Budapest: Pauker Nyomdaipari Kft, 2020. O. 121–141.

Brūzis R. Ieroči Cēsu pils arheoloģiskajā materiālā // Cēsu pils raksti III: arheoloģija, arhitektūra, vesture. Cēsis: Cēsu pils saglabāšanas fonds, 2020. L. 167–201.

Durdik J, Mudra M, Šáda M. Alte Handfeuerwaffen. Praha: Artia, 1977. 247 c.

Hoff A. Feuerwaffen. T. I. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann, 1969a. 421 s.

Müller H. Gewehre, Pistolen, Revolver. Hand-und Faustfeuerwaffen vom 14. bis 19. Jahrhundert. Leipzig: Union Druckerei (VOB), 1979. 231 s.

Schön J. Geschichte der Handfeuerwaffen. Eine Darstellung des Entwicklungsganges von ihrem Entstehen bis auf die Neuzeit. Dresden: Kuntze, 1858. 214 s.Jahrhundert. Leipzig: Union Druckerei (VOB), 1979. 231 s.

Strzyż P, Dzieńkowski T, Gołub S. Hakownice z ratusza w Chełmie. Przyczynek do znajomości środkowoeuropejskiej ręcznej broni palnej w XVI stuleciu // Acta Archaeologica Lodziensia. Nr. 62. Łódz: Łódzkie Towarzystwo Naukowe, 2016. S. 99–108.

Thierbach M. Die geschichtliche Entwickelung der Handfeuerwaffen, bearbeitet nach den in den deutschen Sammlungen noch vorhandenen Originalen. Dresden: Verlag von Carl Höckner, 1886. 198 s.

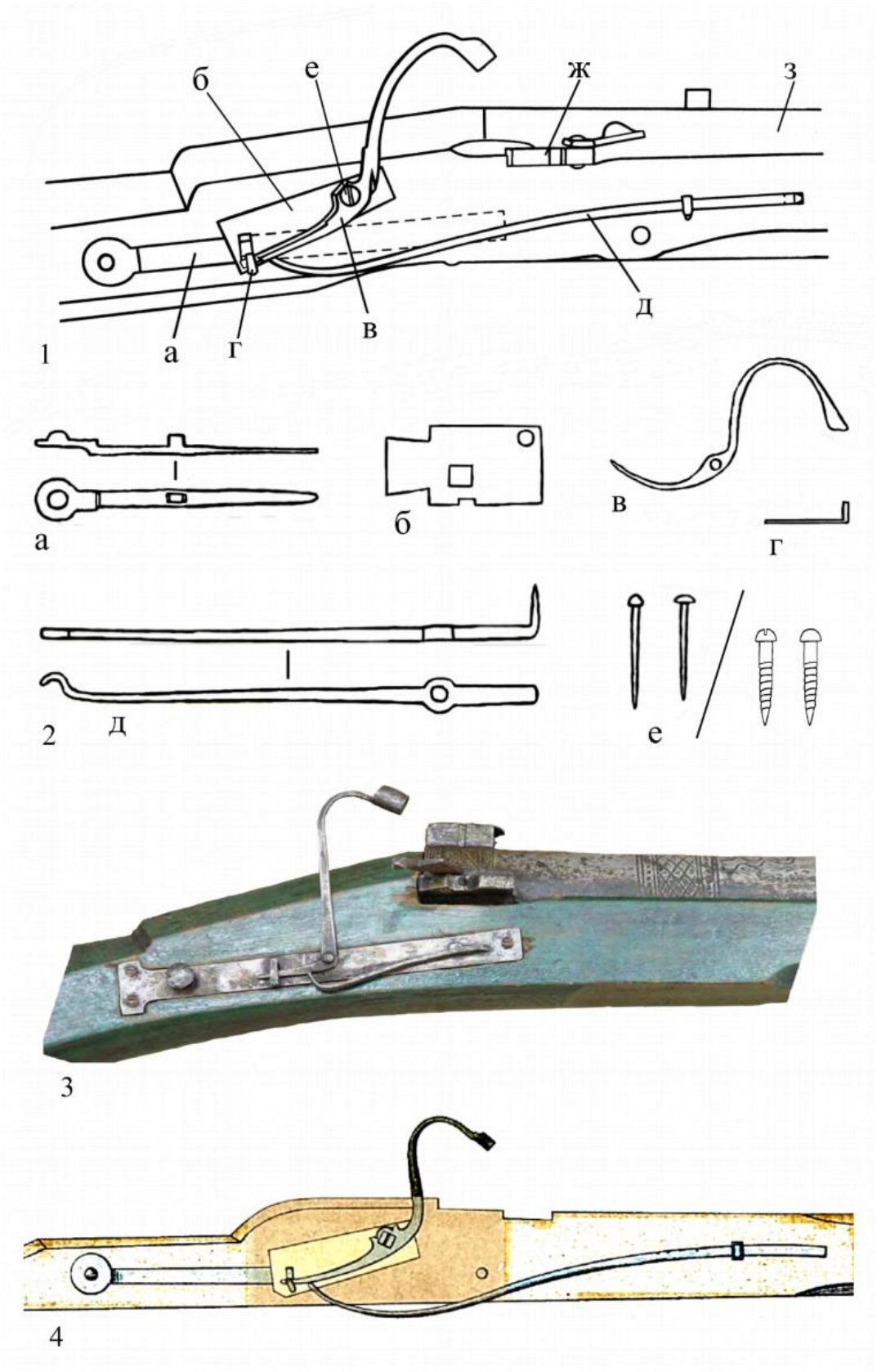

Рис. 1. 1 – схема трутового (фитильно-трутового) ружейного замка с боковым спуском - кнопкой (По: Durdik, Mudra, Šáda, 1977); 2 – состав механизма и его детали. а–спусковая пружина с кнопкой, б–замочная доска, в–курок, г–скоба – ограничитель взвода курка, д–боевая пружина, е–гвозди/ружейные винты, ж–пороховая полка с крышкой, з–ствол; 3 – замок крепостного ружья. Германия, 1530–1540 – е гг. (По: Bertók, Haramza, Németh, 2020); 4 – замок крепостного ружья. Германия, г. Фрайберг, нач. XVI в. (По: Thierbach, 1886).

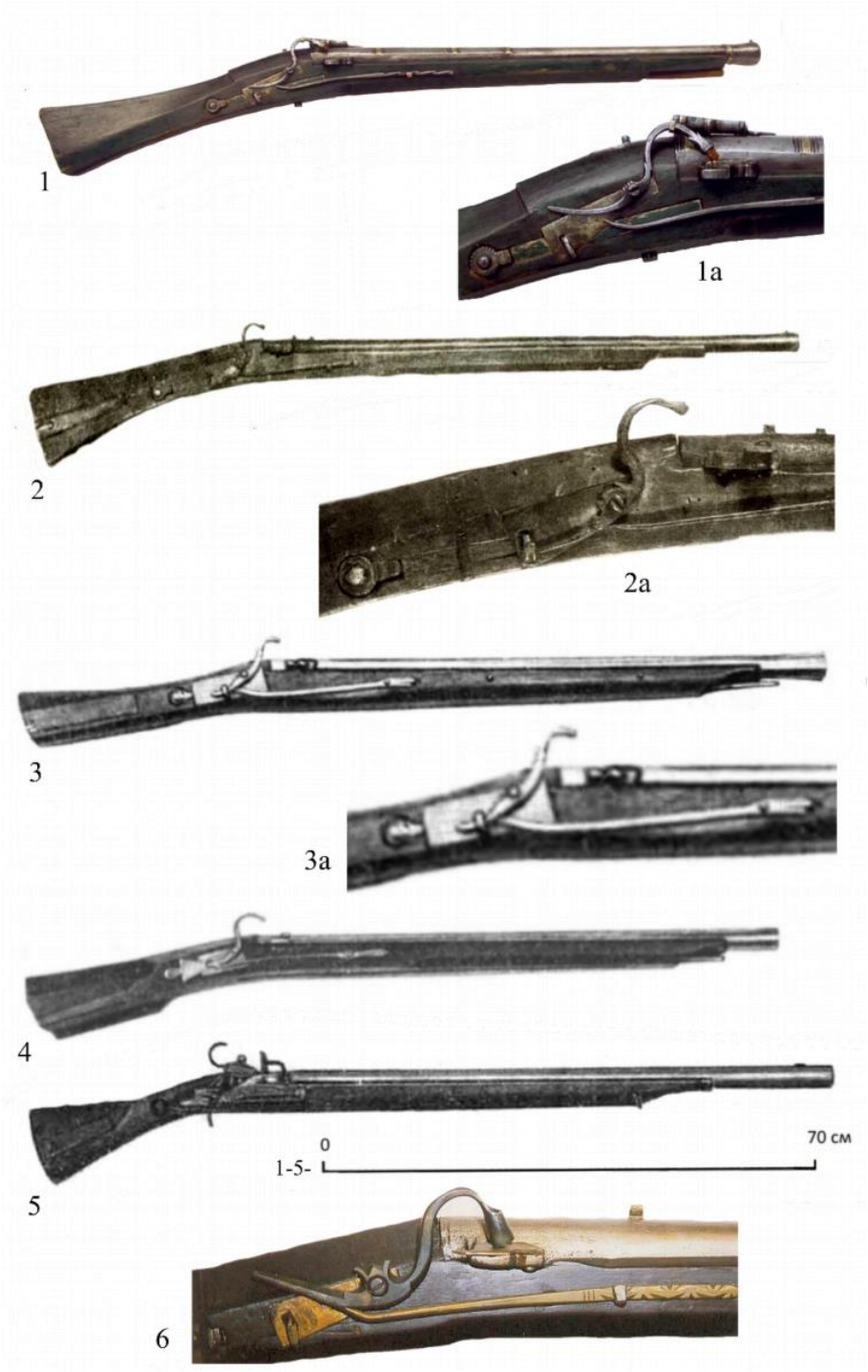

Рис. 2. 1 – аркебуза, Южная Германия, Нюрнберг или Аугсбург, 1520-е гг., частная коллекция (По: http://www.vikingsword.com/vb/showthread.php?t=7806&goto=nextnewest); 2 – аркебуза, Румыния, г. Сибиу, музей Брукенталь, германское производство, 1520-е гг. (http://www.vikingsword.com/vb/showthread.php?t=7503&highlight=landsknecht+harquebus); 3–4 – ручные пищали (ручницы), Московское государство, оружейная палата Соловецкого монастыря, XVI в., ВИМАИВ и ВС (г. Санкт-Петербург); 5 – ручная пищаль с ударно-кремневым замком русского типа, переделана из кнопочной, Московское государство, перв. четв. XVII в. ВИМАИВ и ВС (г. Санкт-Петербург); 6 – трутовый (фитильно-трутовый) ружейный замок на крепостном ружье, Чехия, Западночешский музей, г. Пльзень (http://www.vikingsword.com/vb/showthread.php?t=11652&highlight=zapadoceske).

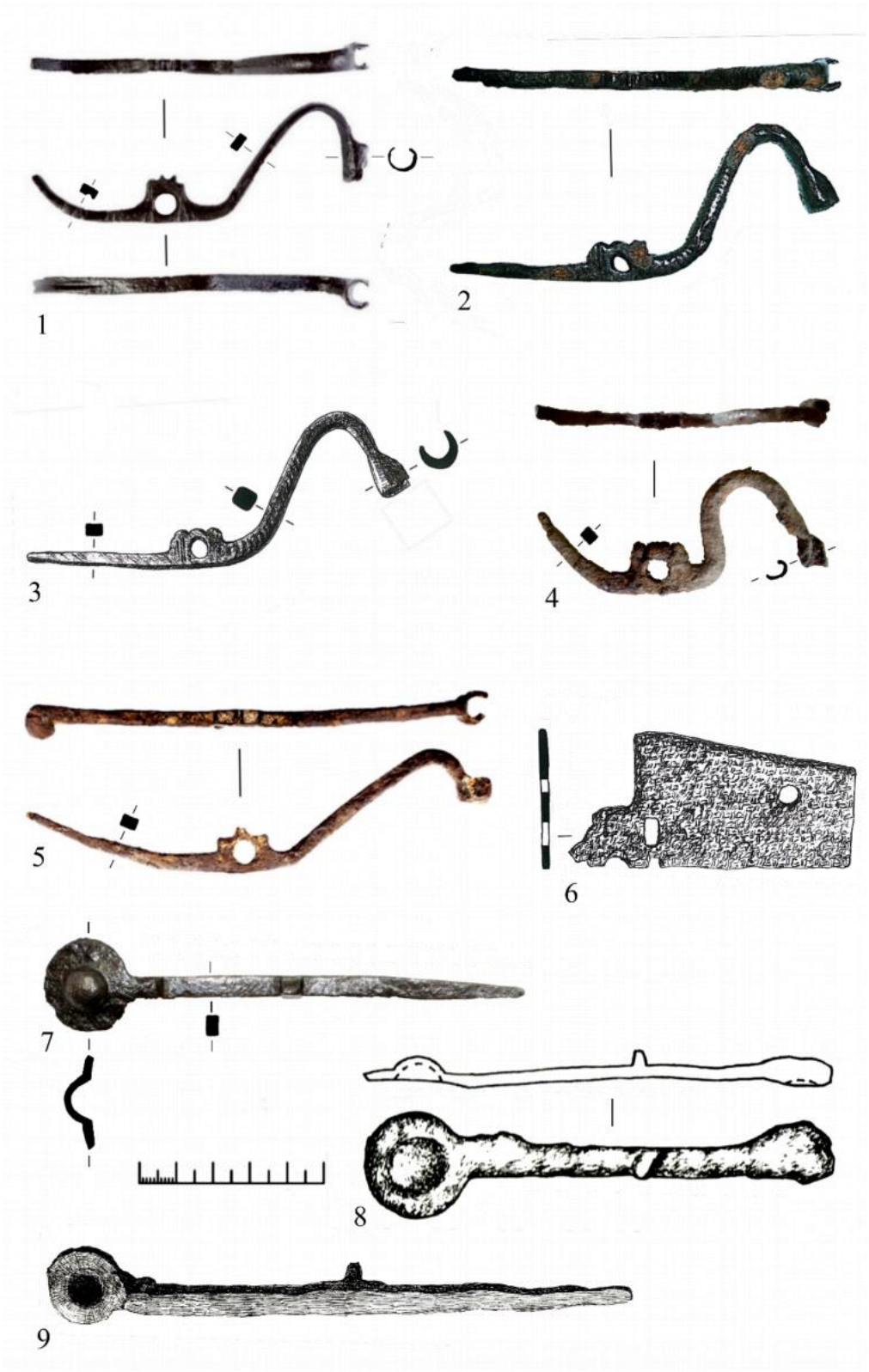

Рис. 3. S-видные курки от трутовых (фитильно-трутовых) ружейных замков с боковым спуском-кнопкой: 1 – Свияжск (По: Ситдиков, Старков, 2022); 2–3 – Нижний Новгород (По: Долгополов, 2016б); 4 – замок Калих, Чехия (По: https://www.husitstvi.cz/forum/download/file.php?id=1989&mode=view); 5 – поле сражения 1555г. у с. Судбищи, Орловская обл.; 6 – замочная доска от воспламенительного механизма с боковым спуском-кнопкой (По: Долгополов, 2016б); спусковые пружины с кнопками: 7 – Свияжск; 8 – крепость Сокол, респ. Беларусь (По: Клімаў, 2019); 9 – Белгород (По: Никитин, 1951). Все – железо.

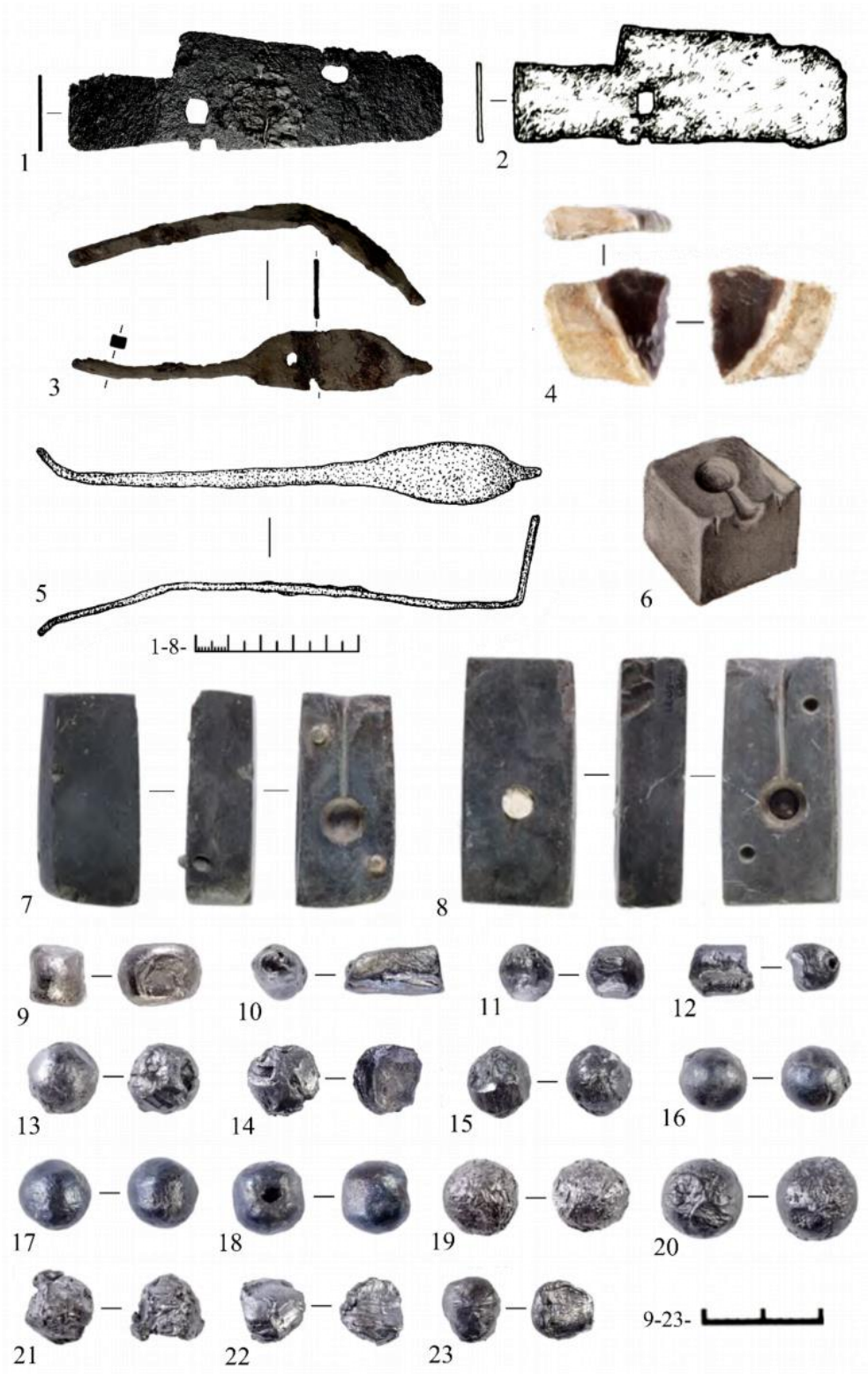

Рис. 4. 1–2 – замочные доски от трутовых (фитильно-трутовых) ружейных замков с боковым спуском-кнопкой. 1– Свияжск; 2 – крепость Сокол, респ. Беларусь (По: Клімаў, 2019); 3 – фрагмент боевой пружины от механизма воспламенения заряда с кнопочным спуском, Свияжск; 4 – ружейный кремень, Свияжск; 5 – боевая пружина от трутового (фитильно-трутового) замка с боковым спуском-кнопкой, Старица (Тверская обл.) (По: Хворостова, 1987б); 6 – половина формы для отливки пуль. Городище Искер (По: Адамов, 2021); 7–8 – половины форм для отливки пуль, Свияжск; 9–23 – пули от ручного огнестрельного оружия, Свияжск (4, 9–23 по: Ситдиков, Старков, 2022). 1–3, 5 – железо; 4 – кремень, 6–камень; 7–8 – темный сланец (лидит); 9–23 –свинец.

DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2-6

М. А. Несин
ученый секретарь МОО «Историческое сознание», к.и.н
petergof-history@yandex.ru

К ИСТОРИИ ВЗЯТИЯ КАЗАНИ В 1487 ГОДУ: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОДА

В данной работе комплексно рассмотрены сведения источников о хронологии и организации русского похода на Казань 1487 г. Уточняются даты выступления и прибытия под Казань великокняжеских войск, а также пленения великокняжескими воеводами казанского хана Алегама и его доставки в Москву. Автор показывает, что великий московский князь Иван III не рассчитывал на серьезное сопротивление со стороны казанской конницы и отправил брать Казань преимущественно пешее войско без осадной артиллерии. Сравнительно небольшая русская конница была отогнана за р. Каму татарским князем Аль-Гази. Однако, Иван III прислал в подкрепление своим воеводам два конных отряда. Казанцы упорно обороняли город и о наличии в Казани промосковской партии говорить не приходится. Также в работе рассмотрены сведения источников о пленных, ссыльных и казненных казанцах. Уточняются количество жен и сестер пленного казанского хана Алегама, время отправки в ссылку членов ханской семьи, месторасположение Карголома и время постройки в нем деревянной крепости, в которой были заточены мать, два брата и одна сестра Алегама.

Ключевые слова: Иван III, казанский хан Алегам, Казанское ханство, Дмитрий Васильевич Шеин, князь Даниил Дмитриевич Холмский, князь Семен Иванович Ряполовский Молодой, казанский хан Мухаммед-Эмин, татарский князь Аль-Гази, Великое княжество Московское.

Во второй половине 1486 г. бывший казанский хан Алегам по согласию с казанцами вернулся из Ногайской орды и согнал с казанского престола московского ставленника, своего младшего сводного брата Мухаммед-Эмина. Тот примчался к великому московскому князю Ивану III и просил у него войска «на брата своего» и великий князь «порек», то есть, устно обещал «ему дати» (См. напр.: Илюшин, 2019. С. 41; Несин, 2024). По сведениям Устюжского летописного свода начала XVI в. (далее – УЛС), Мухаммед-Эмин в обмен на военную помощь со стороны Ивана III назвал его своим отцом (ПСРЛ, 1982. С. 50, 96), то есть, признал себя его вассалом, что подтверждается посольскими документами 1489 г., в коих Иван III официально называл Мухаммед-Эмина братом и сыном (Сб. РИО, 1884. С. 83–85), формально самостоятельным, но вассальным правителем. Весной 1487 г. Иван III организовал военный поход на Казань для восстановления Мухаммед-Эмина на престоле. Были набраны судовые и конные войска (о чем помимо привлекаемых исследователями разрядных записей, Ермолинской летописи и УЛС начала XVI в. (ПСРЛ, 1910а. С. 162; ПСРЛ, 1982. С. 50, 96; РК, 1966. С. 20–21[4]) сообщается в Вологодско-Пермском летописце конца XV в. или рубежа XV–

[4] В разрядной книге (далее – РК) 1475–1605 гг. эта запись имеет заголовок «взятье Козанское при великом князе Иване Васильевиче всеа Руси», более характерный для летописных повестей, чем для разрядов. В данной РК есть

XVI вв. (Клосс, 1976. С. 270), опубликованном Б. М. Клоссом еще в 1976 г., но до сих пор не использованном историками при изучении этой кампании.

Великокняжеские войска были отправлены на Казань в апреле. Уваровская и Софийская II (далее – СII) летописи, в которых, по мнению исследователей, сохранился текст летописного свода 1518 г., сообщают об отправке Иваном III на Казань большого войска с казанским царевичем «о Велице дни» (ПСРЛ, 1963. С. 318; ПСРЛ, 2001. Стб. 322–323). Стоит отметить, что оборот «о Велице дни» означал не строго «на Пасху», а «около Пасхи». В Стоглаве «о Велице дни» упомянуты радуница и «въюнец» (Стоглав, 1890. С. 192–193). Хотя, как известно, вьюнишник исполняли уже на пасхальной неделе и в первое воскресенье после Пасхи, а радуница и вовсе традиционно приходится на вторник второй недели после Пасхи.

Согласно наиболее обстоятельным сведениям московского великокняжеского летописания[5], Иван III «отпустил» в поход на Казань своих воевод, князей Даниила Дмитриевича Холмского, Александра Васильевича Оболенского, Семена Ивановича Ряполовского, Семена Романовича [Ярославского] 11 апреля в Великий четверг, а 24 апреля во вторник на второй неделе после Пасхи — «царя казанского Мухаммед-Амина»; 18 мая, в четверг на пятой неделе после Пасхи воеводы великого князя с войском («силою») прибыли под Казань и 9 июля взяли город (ПСРЛ, 1859. С. 217; ПСРЛ, 1901. С. 218; Иосафовская летопись, 1957. С. 126; ПСРЛ, 1959. С. 278; ПСРЛ, 1962. С. 287–288, 359; ПСРЛ, 1963. С. 153; ПСРЛ, 2000. С. 526; ПСРЛ, 2000 а. С. 205; ПСРЛ, 2004. С. 331[6]; ПСРЛ, 2007. С. 271–272).

добавочные сведения об этом походе, типичные для великокняжеского летописания: о пленении Алегама, о посажении на царство Мухаммед-Эмина по приказу Ивана III, об отправке с сеунчем князя Ф. Хрипуна (РК, 1977. С. 26–27). Упоминания сеунчей тоже не характерны для разрядов. Мы допускаем (Несин, 2024), что эти подробности взяты из Воскресенской летописи (далее – Вск) служившей источником для записи РК 1475–1605 гг. о походе на Казань 1478 г. (Несин 2022, С. 44; Несин, 2022а. С. 117).

[5] В Московском летописном своде конца XV в. (далее – МЛС) рассказ об этой кампании сохранился в неполном виде – утерян один лист с сообщением о посажении на казанский трон по воле Иван III хана Мухаммед-Эмина и об участи захваченных в Казани пленников. В более полном виде текст великокняжеского летописания с небольшими разночтениями представлен, например, в таких летописных памятниках, как сокращенные летописные своды 1493 и 1495 гг., Типографская (далее – Тип), Прилуцкая, Вологодско-Пермская (далее – ВП), Симеоновская, Иосафовская, Новгородская по списку П. П. Дубровского (далее – НЛД), Вск и Никоновская (далее – Ник) летописи (ПСРЛ, 1859. С. 217; ПСРЛ, 1901. С. 218–219; Иосафовская летопись, 1957. С. 126; ПСРЛ, 1959. С. 278; ПСРЛ, 1962.С. 287–288, 359; ПСРЛ, 1963. С. 153; ПСРЛ, 2000. С. 526–527; ПСРЛ, 2000. С. 205; ПСРЛ, 2007. С. 271–272). Нетрудно заметить, что текст в источниках приведен почти дословно, с немногими расхождениями. В Тип и близкой к ней Прилуцкой летописи второй и третий воеводы (князья А. В. Оболенский и С. И. Ряполовский) переставлены местами, в сокращенном летописном своде 1495 г., Тип, Прилуцкой, Симеоновской и ВП летописях опущено упоминание принесенной 20 июля гонцом в Москву вести о пленении казанского хана Алегама русскими воеводами, наконец, в сокращенном летописном своде 1495 г., ВП, НЛД, Вск и Ник летописях сообщается о ссылке не сестры, а сестер Алегама.

[6] По словам Д. А. Котлярова, в МЛС и Симеоновской летописи вместо 11 апреля упомянуто 1 (Котляров, 2005. С. 141; Котляров, 2010. С. 24). Однако, в последней, как и во всех прочих летописных памятниках, содержащих текст данного известия великокняжеского летописания, указано 11 число (ПСРЛ, 2007. С. 271). Надо отметить, что в МЛС допущена простая описка: числа «1» и «11» на Руси обозначались буквами: «а» и «аі» и переписчик пропустил букву «і», означавшую десяток, ошибочно указав, таким образом, 1 число вместо 11.

Между тем, в действительности 11 апреля приходилось в 1487 г. на Великую среду, а не на Великий четверг, а 18 мая — не на четверг, а на пятницу. Большинство исследователей в соответствии с указанными великокняжеским хронистом календарными датами относят выступление великокняжеских воевод и начала осады Казани к 11 апреля и 18 мая. Однако Н. С. Борисов датировал эти события в соответствии с привязанными к Пасхе днями недели, и, таким образом, великокняжеские войска отправились в поход в Великий четверг 12 апреля, а пришли под Казань в четверг на пятой недели после Пасхи 17 мая (Борисов, 2000. С. 409–410), ровно через 5 недель. Полагаем, что Борисов прав: летописи вели духовные лица, которые отдавали приоритет церковным праздникам и соответственно непосредственно привязанным к ним дням недели (нам даже приходилось сталкиваться с тем, что русские летописцы, давая верную привязку к церковному празднику, при этом путали даже название месяца (Несин, 2019а. С. 88)). Так или иначе, поскольку с неделями летописец не ошибся, эта запись, скорее всего, была сделана по свежим следам (едва ли ее составили задним числом на основе разрядных или посольских записей – в них обычно к дням неделям вкупе с церковными праздниками нет привязок). Таким образом, скорее всего, выступление великокняжеских войск следует отнести к Великому четвергу 12 апреля, а прибытие под Казань – к четвергу на пятой неделе после Пасхи 17 мая. Поход к Казани занял 35 дней.

Правда, все упомянутые в великокняжеском летописании четверо воевод – князья Даниил Дмитриевич Холмский, Александр Васильевич Оболенский, Семен Иванович Ряполовский, Семен Романович [Ярославский], согласно разрядной росписи, находились в судовой рати, возглавляя ее полки – Большой, Правой руки, Передовой и Левой руки (РК, 1966. С. 20–21). Поэтому не ясно, касались ли упомянутые великокняжеским хронистом даты выступления и прибытия под Казань всех войск, или, как полагал К. В. Базилевич – только судовой рати (Базилевич, 1952. С. 203). По мнению Ю. Г. Алексеева, которое поддержал Б. А. Илюшин, конница пришла к Казани одновременно с судовой ратью (Алексеев, 2007. С. 359; Алексеев, 2009. С. 289; Илюшин, 2021. С. 41). Стоит отметить, что источники прямо не сообщают об этом. В то же время, УЛС начала XVI в. намекает на одновременное прибытие «под Казань» конной и судовой «силы великого князя», сразившейся с выступившем навстречу из города ханским войском (ПСРЛ, 1982. С. 50, 96). Учитывая опыт организации летне-осеннего казанского похода 1469 г., в котором удалось добиться оперативного взаимодействия конного и судовых войск, одновременное движение конницы и пехоты к Казани в 1487 г. вполне правдоподобно. Таким образом, скорее всего конные и судовые силы к Казани одновременно выступили к Казани 12 апреля в Великий четверг и вместе прибыли под Казань в четверг на пятой неделе после Пасхи 17 мая.

Что касается Мухаммед-Эмина, то его, возможно, предполагалось оберегать от участия в боевых действиях. Он должен был выжить, чтобы после взятия города сесть «на царство». А в 1487 г. он был еще малолетним, на что явно намекают употребленные по отношению к нему Иваном III в мартовском послании к его матери выражения: «добра его смотрили» / «добра его смотрити» (Сб. РИО, 1884. С. 59), то есть, «хорошо присматривали» / «хорошо присматривать», не обычные даже применительно к юному протеже (Несин, 2024). Согласно вышеуказанным сведения великокняжеского летописание конца XV в. он был отправлен Иваном III к Казани уже через 12 дней после выступления великокняжеских войск, во вторник второй недели после Пасхи, 24 апреля. Вполне достаточный срок, чтобы прибыть в подготовленный великокняжескими войсками лагерь, или ретироваться в случае их разгрома под Казанью. Не ясно, на чем Мухаммед-Эмин отбыл к Казани – на коне, или на корабле (Илюшин, 2019. С. 42). Скорее всего, при нем находился сын боярский Дмитрий Васильевич Шеин, после взятия Казани назначенный в ней при нем наместником (ПСРЛ, 1863. Стб. 500)[7], при том, не упомянутый ни в одном источнике как воевода. Вероятно, в 1487 г. положение Д. В. Шеина в походе на Казань было таким же, как в 1477 г. у приставов служилого касимовского царевича Данияра, князей П. Н. Оболенского и И. И. Звенца под В. Новгородом (ПСРЛ, 2004. С. 316), тоже не фигурировавших в качестве воевод в тексте походного дневника Ивана III, выявленном Ю. Г. Алексеевым (Алексеев, 2001. С. 163; Алексеев, 2006; Алексеев, 2009. С. 184–208) в составе великокняжеского летописания.

О том, что происходило под Казанью с 17 мая по 9 июля между приходом великокняжеских сил и взятием города, источники в основном не сообщают. О боевых действиях под Казанью сообщает лишь УЛС начала XVI в. (ПСРЛ, 1982. С. 50, 96) и прозрачно намекает Вологодско-Пермский летописец конца XV в. или рубежа XV–XVI вв., отмечая, что великокняжеские воеводы «одолѣша Казань» (Клосс, 1976. С. 270): слово «одолѣша» обычно фигурирует в летописях в контексте боевых столкновений. А большая часть источников пишет в духе «пришел, и даже не увидел, а сразу взял» (ПСРЛ, 1863. Стб. 500; ПСРЛ, 1910а. С. 162; ПЛ, 1955. С. 67[8]; ПСРЛ, 1965а. С. 137). Может быть, поэтому в

[7] При этом, Тверская летопись величает Д. В. Шеина боярином, однако, в официальных разрядных записях он даже в 7003 (1495) г. фигурирует в числе детей боярских (РК, 1966. С. 25).

[8] В Псковской II летописи этот поход с участием некого подчиненного Ивану III татарского «царевича», окончившийся взятием Казани, ошибочно датирован 6993 г. Поэтому по мнению одних авторов (Вельяминов-Зернов, 1863. С. 168, 176. Примеч. 62; Аксанов, 2016. С. 95) речь идет о взятии Казани в 6995 г. (1487) г. великокняжескими войсками, по мнению других – о первом воцарение Мухаммед-Эмина в Казани около 1485 г. (Бахтин, 2001. С. 185; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 299). Поскольку псковский хронист, сообщая о взятии города, не упомянул о возведении в нем на трон того «царевича», речь шла не о раздутом масштабе переворота 6993 (1484/85) г. когда сопровождавшим Мухаммед-Эмина великокняжеским воеводам не пришлось брать Казань, а о настоящем взятии города русскими войсками 6995 (1487) г. (Несин, 2024). Помимо великокняжеских московских воевод с «множеством вои», псковский хронист отмечает участие в походе «множества тотар» царевича (ПЛ, 1955. С. 67). Что это – отражение реального факта участия в данной кампании служилых татар

«Казанской истории» XVI в. приведен фантастический рассказ о «великом» (большом, крупном – М. Н.) русско-татарском сражении на Свияге, после которого казанцы побежали в город и не успели в нем запереться («града затворити и осадити не успеша») а русские вошли в город (БЛДР, 2010. С. 278, 280). Конечно, сведения великокняжеского летописания о более чем 50-дневном промежутке между приходом русских войск к Казани и взятии города, с указанием точных дат выглядят более обстоятельно. Да и другие летописи не упоминают об изначально открытом для русских войск городе, наоборот, его все-таки пришлось «взять»[9]. Хотя о 52-х (или, вернее, 53-х дневной осаде, если считать днем прибытия под Казань не 18, а четверг пятой недели после Пасхи 17 мая – М. Н.) источники не сообщают. В то время как осада великокняжескими войсками Великого Новгорода в 1477/78 гг., длившаяся меньше 50 дней, в источниках обычно выглядит как осада, а не просто как взятие города. Это наводит на мысль, что вероятно осады как таковой, тем более, 7,5-недельной, не было. Кстати, по любопытному наблюдению Ю. Г. Алексеева, русские войска в этот раз не перекрывали казанцам воду (Алексеев, 2007. С. 361; Алексеев, 2009. С. 290). Скорее, стояли неподалеку и ждали, когда казанцы капитулируют и согласятся посадить на престол вместо Алегама его младшего сводного брата – Мухаммед-Эмина.

Надо иметь в виду, что отношения Алегама с казанской знатью в 1487 г. были напряженными. Согласно летописному своду 1518 г., правивший в Казани царевич меншицин сын (Алегам, сын хана Обрема от младшей жены Фатимы – М. Н.)[10], вероломно заманил казанских князей / людей[11] на пир, задумав их там «перетерять» (погубить), те бежали из города, а потом просили Ивана III снова отпустить к ним царевича Темирева внука (ПСРЛ,

---

вроде касимовских татар служилого царя Нур-Девлета? Или домысел псковского летописца, приписавшего к «царевичу» множество татар по аналогии с множеством воинов московских воевод?

[9] Согласно хронике венецианского сенатора Д. Малипьеро, 3 сентября 1488 г. два посла русского короля сообщили [венецианским властям] о том, что их король одержал победу над 120000-ой татарской конницей (Malipiero, 1843. S. 310). Исследователи обычно не сомневаются, что речь идет о недавнем взятии Казани великокняжескими войсками. В то же время, стоит иметь в виду, что Малипьеро не уточнил, о каких именно татарах шла речь, при этом не упомянул о взятии русским государем татарской столицы (а умолчание о нем, если оно имело отношение к той кампании, было бы странным при том, что вышеуказанная численность татарской конницы является сильно приукрашенной даже для Крымского ханства (Шейхумеров, 2019. С. 69–74), претендовавшего на роль правопреемника Золотой Орды). Поэтому у нас нет полной уверенности, что в своей лапидарной записи, не являющейся исчерпывающим документальным протоколом речей русского посольства, Д. Малипьеро не отметил упоминание московских послов об успехах войск Ивана III в войнах с Ордой 1470-х гг., когда летом 1472 г. великокняжеские войска не дали ордынцам удержаться на левой, московской, стороне р. Оки, а в октябре 1480 г. – помешали форсировать р. Угру.

[10] В историографии тождество этого «царевича» с Алегамом не вызвало сомнений. Только Д. А. Котляров почему-то назвал его Мухаммед-Эмином (Котляров, 2005. С. 140–141; Котляров, 2010. С. 23–24), хотя Мухаммед-Эмин, внук бия Тимира, упомянут здесь как «Темирев внук» (Вельяминов-Зернов, 1863. С. 167. Примеч. 62). Также трудно согласиться с А. В. Аксановым, что хронист не знал имен «царевичей» (Аксанов, 2016. С. 91), помня, чей внук по женской линии один и кто мать другого (Несин, 2024). Наверное, книжник относился к ним свысока, титулуя их лишь «царевичами», в том числе правившего в Казани меншицина сына

[11] В своде 1518 г. это слово пропущено: в Уваровской летописи значатся некие «казанстии» (ПСРЛ, 1963. С. 318), а другие хронисты по-своему пытались это исправить, превращая их то в казанцев (ПСРЛ, 1910. С. 252; ПСРЛ, 2001. Стб. 322), то в казанских князей (ПСРЛ, 2000а. С. 236).

1963. С. 318; ПСРЛ, 2001. Стб. 322), то есть, Мухаммед-Эмина, внука ногайского бия Темиря по материнской линии. В данных летописях этот сюжет помещен в длинной погодной записи за 6993 г., объединяющей события разных лет включая взятие Казани войсками Ивана III, имевшее место в 6995 (1487) г. (ПСРЛ, 1963. С. 318; ПСРЛ, 2001. Стб. 322–323)[12]. В этой связи по мнению одних исследователей этот конфликт Алегама с казанской знатью произошел около 1485 г. (Бахтин, 2001. С. 185; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 299; Илюшин, 2019. С. 32), а по мнению других историков он непосредственно предшествовал «Казанскому взятию» русскими войсками 1487 г. (Соловьев, 1851. С. 1418; Вельяминов-Зернов, 1863. С. 162–167. Примеч. 62; Алексеев, 2007. С. 254; Алексеев, 2009. С. 284; Аксанов, 2016. С. 91). Мнение последних нам представляется более верным, поскольку с данными летописным сюжетом перекликаются независимый рассказ австрийского посланника в Московию в первой трети XVI в. С. Герберштена о вероломстве на казанском пиру с участием хана Алегама, перед попаданием последнего в московский плен. Разве что, по версии Герберштейна, жертвой коварства, наоборот, стал сам Алегам: некие советники Ивана III, приставленные следить за ним (видимо великокняжеские атташе, наподобие русских послов в Крыму, постоянно находившиеся при ханском дворе и доносившие Ивану III о принимаемых там решениях)[13], напоили его на пиру и вывезли из города прямо в московский плен (Герберштейн, 1988. С. 170). Другое дело, что такая хитрость русских вельмож была актуальна лишь в случае неустойчивого положения Алегама в Казани. Таким образом, оба источника независимо друг от друга передают какие-то реальные слухи о шатком положении Алегама на казанском троне. А с учетом сведений С. Герберштейна о попадании Алегама после пира в московский плен, можно их предположительно отнести близко ко времени к русскому походу на Казань 1487 г., в результате которого Алегам был арестован великокняжескими воеводами.

Надо отметить, что Иван III действительно рассчитывал взять город без больших затруднений. В отличие от походов на Казань 1482 г. и XVI в. великий московский князь в

---

[12] В Львовской летописи, доведенной до 1530-х гг., рассказ о «царевичах» ошибочно помещен под 6997 (1488/89) г. а повесть «о взтьѣ казанскомъ…» – под 6998 (1490) г. (ПСРЛ, 1910. С. 252. Примеч. 1, 5). В Толстовском списке Тип XVII ст. о царевичах сообщается под 6993 г., а повесть о взятии Казани ошибочно отнесена к 6996 (1488) г. (ПСРЛ, 2000а. С. 236). При этом, согласно этому позднему источнику, меншицин сын шел за казанскими князьями с ногайцами, а другого царевича «согна с Казани», тот бежал, и рыбаки перевезли его через Волгу (там же). Вероятно, здесь искаженно передан рассказ «Казанской истории» XVI в. о свергнутом в 1521 г. Шах-Али, шедшем «в поле чисте нага, яко роженна» с московскими рыбаками (Несин, 2024).

[13] М. Г. Худяков почему-то счел их «казанцами» «русской партии» (Худяков, 1991. С. 46), а А. Г. Бахтин утверждает, что согласно С. Герберштейну, Алегам был выдан русским воеводам своими приближенными (Бахтин 2001, С. 181; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 299). Тезис Худякова о «русской» партии», правда не выдавшей хана русским, но вынудившей его капитулировать, в качестве аксиомы без ссылки на предшественника повторил Н. С. Борисов (Борисов, 2000. С. 410). Но Герберштейн явно писал не о ханских приближенных из казанской среды, а о «советниках» «московита», «приставленных им» к хану «чтобы следить за его намерениями». В. В. Вельяминов-Зернов резонно охарактеризовал их как великокняжеских советников, «которыхъ Иванъ держалъ въ Казани, чтобы наблюдать за дѣйствіями хана» (Вельяминов-Зернов, 1863. С. 169).

этот раз не отправил под Казань осадную артиллерию. Кроме того, согласно разрядной росписи, основную часть войска в этом походе, составляла судовая рать. Именно в ней было деление на 4 полка: Большой (в котором находились главные военачальники, стоявшие во главе всех участвовавших в кампании войск – князья Даниил Дмитриевич Холмский и Иосиф Андреевич Дорогобужский), Передовой, Правой и Левой рук. А «конная рать», во главе с двумя воеводами – братьями князьями Федором Хрипуном и Василием Мнихом Семеновичами Стародубскими [Ряполовскими] по прибытии к Казани должна была влиться в состав Передового полка судовой рати, возглавляемого князем Семеном Ивановичем Ряполовским [Хрипуном / Молодым, но, вероятнее всего, Молодым][14]: «В судех: В Большом полку князь Данило Дмитреевич Холмской да князь Осиф Ондреевич Дорогобужской. В Передовом полку Семен Иванович Ряполовской. В Правой руке князь Олександр Васильевич Оболенской да Иван Борисович [Бороздин][15], да князь Ондреев (удельного углицкого князя Андрея Большого – М. Н.) воевода князь Василей Никитич Оболенской. В Левой руке князь Семен Раманович Ярославской да князь Борисов Васильевича [Волоцкого] воевода князь Василей Иванович [Лущиха][16] Хованской. А в конной рати князь Федор Хрипун да брат ево князь Василей Мних Семеновичи Стародубские. А, пришед под Казань, велел им князь великий быти в Передовом полку со князем Семеном Ряполовским» (РК, 1966. С. 20–21). Таким образом, конница носила откровенно вспомогательный характер по отношению к прибывшей на судах пехоте (сойдя на берег, судовая рать, разумеется, стала пешей). Это обстоятельство не укрылось от внимания некоторых хронистов: летописный свод 1518 г.

---

[14] В XV в. в Великом княжестве Московском жили два полные тезки, князья Семены Ивановичи Ряполовские, дядя и племянник по мужской линии. Дядя по прозвищу Хрипун являлся отцом Федора Хрипуна с Василием Мнихом, а племянник Молодой, соответственно, приходился Федору и Василию двоюродным братом. Хрипуна и Молодого в источниках бывает не различить (Зимин, 1988. С. 40; Несин, 2022. С. 42, 44–45; Несин, 2022а. С. 115, 118–119; Несин, 2023. С. 97). Не ясно, кто из двух тезок князей С. И. Ряполовских в 1487 г. участвовал в походе на Казань – Хрипун (Борисов, 2001. С. 410; Волков, 2001. С. 17; Волков, 2018. С. 32) или Молодой (Зимин, 1982. С. 171; Зимин, 1988. С. 41; Алексеев, 2007. С. 357; Алексеев, 2009. С. 287). Сведения о военной службе Хрипуна не дают основания утверждать, что в большом военном походе он бы занял место среди воевод главного, Большого полка. Однако, в данном случае можно осторожно предположить, что в Передовом полку фигурирует именно Молодой: прибывшие в его распоряжение князья Федор Хрипун и Василий Мних обозначены в разрядах как братья, а об их родстве с ним не упоминается, что было бы странным, если бы речь шла об их отце. А вот двоюродный брат с большей вероятностью, чем родной отец, мог быть не указан как родственник родных братьев.

[15] В РК 1475–1605 гг. – Бороздин тверитин (тверич) (РК, 1977. С. 27). С этим можно согласиться – другой его двойной тезка, Иван Борисович Тучко Морозов, после своего ареста 1485 г. не фигурирует в источниках. По мнению А. А. Зимина И. Б. Бороздин участвовал в походах на Казань 1485 и 1487 г. (Зимин, 1988. С. 261), а Ю. Г. Алексеев отметил его участие только в одном казанском походе 1480-х гг. – 1487 г. (Алексеев, 2011. С. 218). Выводы Ю. Г. Алексеева стоит признать верными. В привлеченных А. А. Зиминым источниках (Зимин, 1988. С. 278. Примеч. 55) участие Бороздина в походе на Казань 1485 г. не упомянуто. По данным разрядов, в казанском походе 6993 (1484/1485) г. участвовали иные воеводы (Несин, 2024).

[16] В РК 1475–1605 гг. он ошибочно указан как князь Василий Иванович Лущиха Хованский Ушак (РК, 1971. С. 28). Очевидно, князь Василий Иванович Хованский Лущиха был спутан составителем этой поздней частной РК с его братом – князем Иваном Ивановичем Хованским Ушаком, впервые упомянутым в разрядах в 7008 (1500) г. в качестве второго воеводы полка Правой руки в походе на Дорогобуж (РК, 1966. С. 30; РК, 1971. С. 60).

характеризует русское войско именно как судовое, а коней, якобы, просто гнали по берегу (ПСРЛ, 1963. С. 318; ПСРЛ, 2001. Стб. 323). Не исключено, что это намеренное преувеличение. Но такая характеристика возникла явно не на пустом месте. Очевидно, Иван III не рассчитывал на долгое и серьезное сопротивление казанцев и на тяжелые бои русских войск с казанской конницей и делал упор на пехоту, отведя конным отрядам при ней второстепенную роль. Скорее всего, поход русского войска (которое, по независимым сведениям Псковской II, Ермолинской летописей, летописного свода 1518 г., было большим – / «множество» / «многое множество» / «многая сила» (ПСРЛ, 1910а. С. 162; ПЛ, 1955. С. 67; ПСРЛ, 1963. С. 218; ПСРЛ, 2001. Стб. 323)), должен был, по замыслу Ивана III, в значительной мере носить демонстративный характер.

Другое дело, что казанцы оказали упорное сопротивление великокняжеским войскам. О том, что происходило под Казанью между прибытием под Казань русских войск 17 мая и взятием города 9 июля, сообщает УЛС начала XVI в. Устюжане не участвовали в походе. Вероятно, устюжский летописец опирался на рассказ иногороднего участника кампании, или великокняжеского гонца Микулы Ивановича Ангелова, приехавшего в августе на Усть-Вымь к пермскому епископу [Филофею] с вестью о взятии Казани (ПСРЛ, 1959. С. 278–279). Согласно 1-ой редакции УЛС, сохранившейся в единственном списке, списке Мациевича, «Князь великии Иван Васильевич послал рать на казанского царя Алехама, а воеводы были князь Данило Холмскои да князь Семен Ряполовскои. И пришла сила великого князя под Казань, конная и судовая. И царь казанский с своею силою с московскими людьми побився, в город побеже. А воеводы город Казань обсели (сели вокруг / осадили (Срезневский, 1902. Стб. 200, 568; СРЯ, 1987. С. 166)) и острог около города обвели. И князь тотарскии имянем Ольгаза силе великого князя много дурна учинил и прогна за Каму в поле (открытое пространство – М. Н.)[17]. И по вся дни тотарове, из города выхотя, бились. И прииде на царя и на тотар изнеможение, и царь сам выеде из города неволею, и в руки воеводам великого князя впаде. А город взяли, и матерь цареву, и его царицу, и князей тотарских и княгинь поймали июля в 9 день, на память Пагкратия Тавромениискаго» (ПСРЛ, 1982. С. 50).

Скорее всего, именно этот упомянутый устюжским хронистом бой русского конного и судового войска с ханским воинством под Казанью потом в «Казанской истории» второй половины XVI в. превратился в великое сражение на р. Свияге, тоже окончившееся бегством ханского войска в город. Стоит учесть, что русские рати в 1524 г. разбили казанцев в бою на

[17] Слово «поле» в древнерусских источниках употреблялось в разных значениях: открытое безлесное пространство, или степь (См. Напр.: СРЯ, 1990. С. 204–205). Последнее значение в данном случае исключено, поскольку Кама протекает в лесной зоне. Устюжане, ходившие в 1460-е гг. на Казань Камой, об этом знали. О наличии в старину в западном Закамье открытых пространств свидетельствует комоним «Камские поляны».

Свияге, в 1545 и 1547 гг. грабили на Свияге казанские земли, а в 1551 г. в устье этой реки поставили крепость Свияжск. Неудивительно, что книжник второй половины XVI в. считал Свиягу знаковым местом в дальних окрестностях Казани, подходящим для решающей битвы.

Устюжский хронист не уточняет, сколько времени бился с московскими воинами казанский хан Алегам, почему бежал в город (из-за численного превосходства великокняжеского войска (Илюшин, 2019. С. 42) или потому что поздно узнал о его приближении и не успел развернуть свои войска под городом в боевой порядок?)[18] и сколько дней потом сидел в осаде. Строго говоря, не вполне ясно, что именно по версии летописца произошло 9 июля – русские войска взяли город и / или пленили членов ханской семьи и казанских князей и княгинь? Остается разве что предположить, что и то, и другое – навряд ли для севернорусского летописца аресты ханской родни и казанской знати были настолько важнее взятия Казани, чтобы их стоило отдельно датировать строго до дня, да еще с привязкой к церковному празднику, не датировав взятие города. Но тем не менее.

Интересно указание источника на то, что воеводы «обсели город» и обвели «около» него острог. Оно несколько расходится с нижеследующим указанием летописца, что татарский князь Аль-Гази прогнал русское войско в «поле» (куда-то на открытое пространство) за Каму. Тут можно домысливать, что острог был не сплошным, или настолько хлипким, что не представлял для неприятеля никакого препятствия, или русские войска часто покидали его. Но также стоит учесть, что устюжане не участвовали в этом походе и про острог знали понаслышке. И какое-нибудь ограждение вокруг русского обоза и русских шатров могли принять за острог вокруг татарской крепости. Кстати, по мнению Н. С. Борисова и О. В. Комарова острог представлял собой именно ограждение вокруг русского лагеря, а не контрвалационную линию вокруг осажденного города (Борисов, 2000. С. 410; Комаров, 2020. С. 200). Другое дело, что наречие «около» в древнерусском языке означало не «рядом», как в современном русском языке, а «вокруг» (Срезневский, 1902. Стб. 645; СРЯ, 1987. С. 332) – отсюда «окольный город», «окольный путь», «околица» – изгородь вокруг деревни. К тому же

[18] Стоит отметить, что источники не сообщают о том, когда Алегам узнал о приближении русских войск. По мнению А. Г. Бахтина и Б. Л. Хамидуллина, город заранее окружили острогом и к нему стянули союзные ногайские войска во главе с князем Аль-Гази (Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 299). Однако, УЛС начала XVI в., упомянувший о возведение острога вокруг города, как известно, приписывает сооружение острога отнюдь не казанцам, а прибывшим под Казань русским «воеводам» (ПСРЛ, 1982. С. 50, 96). А встречающееся в историографии мнение о наличии в отряде Аль-Гази ногайского контингента (Салиева, 2004. С. 47; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 229) не находит подтверждения в источниках (Алишев, 1995. С. 41; Несин, 2024). Наоборот, с большим основанием можно полагать, что в 1487 г. ногайские войска не участвовали в обороне Казани от русских войск. Примечательно, что, отвечая в 1489–1490 гг. отказом ногайским послам на просьбу отпустить к ним из заточения Алегама, Иван III называл его своими недругом, упоминал об участие «людей» ногайского бия Ямгурчи и бежавших в Ногайскую орду «Алегамовых людей царевых» в набеге на территории Руси и Казанского ханства, однако при этом не уличал ногайцев в оказании военной помощи самому Алегаму против своих, великокняжеских, войск (Сб. РИО, 1884. С. 83–84, 95–97).

в списке Мациевича указано, что «острог около города обвели», из чего, как отметил В. А. Волков, «ясно, что «острогом» была обведена именно татарская крепость» (Волков, 2018. С. 167. Примеч. 44)[19]. Другое дело, что поскольку устюжане не участвовали в данной кампании, сведения устюжского хрониста о расположении острога вокруг города не носили документальный характер. Вероятно, что устюжский хронист исходил из реалий летне-осеннего русского похода на Казань 1469 г. с участием устюжан, когда конная и судовая великокняжеская «сила» пришла под Казань, билась с вышедшим навстречу из города татарами, после того, как те бежали в город, стала «около» (вокруг) города и соорудила острог (ПСРЛ, 1982. С. 47, 92) / Русь стала под городом, окружив их [татар] как сильный лес (ПСРЛ, 1910а. С. 159), в нетипичном для древнерусского летописания сравнения русского войска с лесом[20] также можно видеть намек на окружение татарской столицы деревянным острогом.

Во всяком случае, надо полагать, что в 1487 г. русский лагерь не оставался неукрепленным. Ведь основу русского войска составляла пехота, достаточно уязвимая для татарской конницы. Известно, что во время судового поход на Казань 1506 г. князя Дмитрия Ивановича Жилки значительная русского пешего войска была перебита казанской конницей (об этой кампании см. Напр.: Илюшин, 2018. С. 69–76; Илюшин, 2018; Илюшин, 2021. С. 137–144). А в 1487 г. ни Аль-Гази, причинивший много зла великокняжеским войскам, ни прочие казанцы, каждый день выходившие из города и бившиеся с русскими войсками, не смогли перебить львиной доли русской пехоты: все, или почти все русские воеводы после похода на Казань остались живы. Вероятно, сложил голову только воевода удельного князя Бориса Волоцкого, второй воевода полка Левой руки князь В. И. Лущиха Хованский, который потом

---

[19] Не говоря уж о том, что в обеих редакциях УЛС сооружение острога упомянуто в контексте окружения / осады «города Казани» (ПСРЛ, 1982. С. 50, 96), а не обустройства собственных станов. Видимо, поэтому историки, даже опираясь на чтение 2-ой редакции, Архангелогородского летописца: «воеводы Казань обнесли и острог около города доспели», обычно воспринимают острог как окружившую город контрвалационную линию (Соловьев, 1851. С. 1419; Базилевич, 1952. С. 203; Алексеев, 1991. С. 158; Алексеев, 2007. С. 359–360; Алексеев, 2009. С. 290; Волков, 2001. С. 17, 189. Примеч. 37; Бахтин, Хамидулиин, 2014. С. 299).

[20] Пожалуй, в русском летописании больше нет ни одного однозначного случая сравнения войска с лесом. Летописный оборот «аки борове», как правило, употреблявшийся в русском летописании XII–XIII вв. применительно к движущемуся войску, нередко понимают, как сравнение с бором, однако эта интерпретация не является единственной и бесспорной: по мнению С. М. Соловьева и Н. П. Некрасова, слово «борове» здесь обозначало боровов, самцов свиньи (историю вопроса см.: Добродомов, 1976. С. 243–244). Последняя версия является в некотором отношении менее противоречивой: лесам, в отличие от свиней, ходить не свойственно. Единственное безусловное упоминание лексемы «борове» в значении лесов – «мнози борове възгорахуся» приведено в контексте возгорания, а не движения (ПВЛ, 1996. С. 92) Поэтому образное сравнение движущихся воинов с такими массивными домашним животными, как боровы, способными сбить человека с ног, является более подходящим. Есть пример однозначного летописного сравнения движущегося войска со свиньями – дерптских немцев, которых в 1501 г. в бою под Гельмедом русские и татары били на протяжении 6 верст шестоперами «аки свинеи» (ПЛ, 1941. С. 87). Правда, в данном случае сравнивается избиение врагов ударным оружием с забоем свиней (Несин, 2020. С. 69). Сам И. Г. Добродомов, в свою очередь, полагал, что слово «борове» является тюркизмом («*бурча* ‘как тучи (пыли)’») (Добродомов, 1976. С. 244). Однако, эта гипотеза построена на допущении, что «за написанием борове скрывается более раннее **бърове* – именительный падеж множественного числа от **бъръ*, восходящего к тюркскому *бур*» (там же). С точки зрения принятого в науке принципа Бритвы Оккама, версия о сравнении движущихся «аки борови» войск с б**о**ровами менее натянута.

исчез из источников. Очевидно, судовая рать князя Д. Д. Холмского «обострожилась», как в июле 1524 г. судовая рать князя И. Ф. Бельского.

При этом северорусский хронист не акцентировал внимание на военных неудачах казанцев до капитуляции Алегама и взятия города. Даже прямо не сообщил о неудачном для хана исходе боя «с московскими людьми» под Казанью (хотя, это явно подразумевается: хан со своим войском в город не «поиде», а «побеже», что не похоже на поведение победителей, или даже сразившихся вничью). А затем Али-Гази успешно прогоняет русское войско (или, точнее, его часть) в район Камы. (Отметим, что из контекста скорее следует, что отогнано было не все войско – какая-то часть осталась под Казанью, участвуя в ежедневных боях с выходившими из города татарами, к тому же в погоне на многие десятки км от Казани до Закамья была явно задействована не пешая «судовая», а «конная» «сила»). И татары все дни сидения в городе выходили из него и бились [с неясным результатом]. Но потом хан и татары изнемогли (то ли от поражений при ежедневных вылазках, то ли от стойкости противника, то ли от нехватки продовольствия в городе – М. Н.), хан поневоле (то ли по принуждению казанцев, то ли сам не видя иного выхода – М. Н.)[21] выехал из города и сдался русским воеводам. Потом, или тогда же русские взяли город: оборот «а город взяли» можно понять двояко: тогда же город взяли, или потом город взяли, в принципе, хан мог выехать из города как перед тем, как часть русских войск вошла в город, так и после этого.

Рассказ 2-ой редакции УЛС начала XVI в., Архангелогородского летописца, более подробен. Уточняется, что «царь Аляхам» перед тем, как «побився» с неприятелем, «выехал» «из города ис Казани» (что, впрочем, очевидно из контекста процитированного выше рассказа 1-ой редакции: для того чтобы вступить в бой с прибывшим «под Казань» неприятельским войском и потом побежать в город, хан со своим войском определенно должен был выступить из города навстречу противнику – М. Н.), вышел не только со своим войском, но и со своими князьями и бился с русскими воеводами «мало»[22]. Затем в городе сидел 3 недели. Аль-гази был единственным, очевидно, из казанских «князей», кто не полез с ханом в город и отнюдь не прогнал «за Каму» русское войско, а наоборот, его самого туда прогнали. Хан не выехал, а

---

[21] А. Г. Бахтин со ссылкой на УЛС начала XVI в. почему-то заявил, что хана вынудили капитулировать сторонники московской партии (Бахтин 2001, С. 187; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 299). Однако источники не сообщают об этом. Наоборот, согласно устюжскому летописанию, татары упорно обороняли Казань. каждый день выходя из города биться с русскими войсками, а хан капитулировал после того, как вместе с татарами изнемог в осаде (ПСРЛ, 1982. С. 50, 96). По великокняжескому летописанию великокняжеские воеводы смогли взять Казань больше чем через полтора месяца после прибытия к стенам города (ПСРЛ, 2004. С. 331). В этой связи, даже в том случае, если хан сдался по принуждению казанцев, о происках некой русской партии или неких сторонников Мухаммед-Эмина говорить не приходится. Казанцы в течении многих недель упорно обороняли город, и хан Алегам капитулировал уже после того как изнемог с татарами в городе.

[22] Здесь, вероятно, Архангелогородский летописец брал за основу описание русской осады Казани в сентябре 1469 г. Ср.: «выехаша из города… бишася мало» и «из города… выехал… мало побився» (ПСРЛ, 1982. С. 92, 96). То же вероятно делал при упоминании острога. Ср.: «и острог доспели» и «и острог… доспели» (там же).

«выиде» (возможно, буквально вышел пешком – М. Н.) из города в руки русским воеводам, при этом, уточняется, что конкретно «ко князю Данилу Дмитриивичю Холъмскому да ко князю Семену Ивановичю Ряполовскому» (ПСРЛ, 1982. С. 96) которые, впрочем, по сведениям обеих редакций УЛС начала XVI в. возглавляли русское войско (там же. С. 50, 96). В действительности князь С. И. Ряполовский по данным разрядов, был не первым, а вторым воеводой после князя Д. Д. Холмского и находился не в главном Большом, а в Передовом полку (РК, 1966. С. 21). Но в летописях часто бывает разноголосица – кто первый, кто второй, кто третий воевода. Видимо, иногда судили не по рангу, а по его роли в войне, или просто называли в первую очередь наиболее уважаемых князей, или самые примечательные имена. Тем более что именно под началом Ряполовского находилась русская конница, вошедшая под Казанью в состав его Передового полка.

Трудно однозначно сказать, являются ли эти подробности поздними вставками, или, наоборот, относятся к изначальному варианту устюжского летописного рассказа, а выше процитированный текст из 1-ой редакции носит вторичный, сокращенный характер. Исследователи обычно по умолчанию опираются на версию 2-ой редакции, согласно которой «за Каму» был отогнан казанский князь Аль-Гази, даже в тех случаях, когда дают ссылку на известия обеих редакций (Бахтин, 2001. С. 187; Волков, 2001. С. 17, 189. Примеч. 37; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 299; Волков, 2018. С. 32, 177. Примеч. 44; Аксанов, 2022. С. 485).

Пожалуй, попытался сопоставить обе редакции лишь Ю. Г. Алексеев. Рассказ Архангелогородского летописца он счел первичным, а списка Мациевича – «вторичным», «сокращенным» (Алексеев, 2007. С. 359–360; Алексеев, 2009. С. 290). Имя Аль-Гази, по его мнению, было точнее передано именно Архангелогородским летописцем: «Алгазы», а не «Олгаза», как в списке Мациевича. (Алексеев, 2007. С. 359; Алексеев, 2009. С. 290). Хотя, для ученого это не было принципиальным аргументом в пользу первичности его рассказа. И действительно, это не слишком существенное разночтение. Тем более, что 1-ая редакция УЛС начала XVI в., в отличие от 2-ой сохранилась, в единственном списке Мациевича, в то время как в одном из 3-х имеющихся в научном обороте списков Архангелогородского летописца содержится значительно более неудачное чтение «Вагазыи» (ПСРЛ, 1982. С. 96, примеч. 85). Но главное, что версию списка Мацеевича о том, что Аль-Гази прогнал русское войску за Каму, Ю. Г. Алексеев почему-то объявил «явной ошибкой» и на этом основании признал более ранним и достоверным рассказ 2-ой редакции УЛС начала XVI в. –Архангелогородского летописца (Алексеев, 2007. С. 360; Алексеев, 2009. С. 290). Однако, ошибочность версии списка Мациевича, что Аль-Гази погнал противника «за Каму», а не наоборот, нам, в свою очередь, не кажется очевидной. Тем более, что и Архангелогородский летописец не отрицает что тот причинил русским войскам много зла. Даже если принять версию, что Альгази его

прогнали «за Каму», то его преследовали на много десятков километров, что не является очень заурядным явлением. А такой серьезный противник, вероятно, мог и сам в какой-то момент часть русских войск далеко прогнать. Тем более, что в погоне на десятки километров могли быть задействованы только конники, которые в этом походе не составляли основу русского войска, играя вспомогательную роль при пехоте. Конечно, один казанский князь не мог выпить море – истребить все большое русское войско, но мог обратить в бегство небольшую русскую конницу (или ее существенную часть), после чего пехоте оставалось держать оборону в укрепленном лагере.

Заметим, что фраза 1-ой редакции УЛС: «князь тотарскии имянем Ольгаза силе великого князя много дурна учинил и прогна за Каму в поле» (ПСРЛ, 1982. С. 50) звучит более грамотно, чем чтение Архангелогородского летописца: «Един князь тотарскии имянем Алгазы со царем в город не полезл; тот зла много чинил [силе][23] великаго князя, а после того князя сила великаго князя прогна за Каму в поле» (ср: ПСРЛ, 1982. С. 96). Такое впечатление, что последняя фраза представляет собой нескладно расширенный вариант первой: из чтения Архангелогородского летописца даже не вполне ясно, кто на ком стоял – кто кого «прогна за Каму в поле». Только потому что «сила великаго князя» указана в именительном падеже, можно догадаться, что по версии Архангелогородского летописца «прогна» она, а не ее. Думается, что первичное чтение содержится именно в списке Мациевича, а Архангелогородский летописец небрежно расширил фразу 1-ой редакции и изменил исход противостояния с Аль-Гази на более лестный для русских войск. Создается впечатление, что Архангелогородский летописец подчеркивал успехи победителей – и Алегам с ними бился «мало», и даже единственного татарского князя Аль-Гази, не укрывшегося за городскими стенами, прогнали в поле за Каму (там же).

Зато тот же Ю. Г. Алексеев признал трехнедельный срок сидения хана в городе, указанный в уникальном известии Архангелогородского летописца, сильно преуменьшенным даже с поправкой на то, что русские войска воевали в поле и строили острог (Алексеев, 2007. С. 360; Алексеев, 2009. С. 291), хотя эта поправка явно излишняя, поскольку постройка острога и бои с Аль-Гази были после бегства хана в Казань, то есть, уже во время трехнедельного сидения хана в городе. Таким образом, достоверность и первичность всех уникальных известий Архангелогородского летописца по сравнению с более кратким рассказом списка

[23] В 2-х из 3-х списков 2-ой редакции УЛС это слово пропущено. Добавлено оно лишь в позднем списке «П» XVIII ст. являющемся копией списка «Л» (там же. С. 96. Примеч. 86). То есть, для Архангелогородского летописца характерен пропуск данного слова. Лишь один поздний переписчик при копировании текста более раннего списка «Л»» исправил эту ошибку. Пропуск лексемы «силе» также заметил В. В. Вельяминов-Зернов и перевел ее на современный русский язык, как «войскам» (Вельяминов-Зернов, 1863. С. 163. Примеч. 62).

Мациевича далеко не очевидна и последний надо учитывать при реконструкции событий, связанных со взятием Казани войсками Ивана III в 1487 г.

О том, что преимущественно пешее русское войско испытывало под Казанью существенные трудности, говорит тот факт, что согласно разрядам, Иван III определенно пришел к выводу о необходимости прислать «х Казани» «на помочь воеводам» целых два конных отряда под командованием князя Василия Федоровича Шуйского и Дмитрия Ивановича Киндерева и лишь один судовой отряд во главе с князем Иваном Васильевичем Ромодановским (РК, 1966. С. 21). Скорее всего, казанский князь Аль-Гази прогнал небольшую русскую конницу (или ее часть) за Каму, а судовая рать во главе с князем Д. Д. Холмским укрылась в укрепленном лагере под Казанью, что спасло ее от участи судовой рати князя Д. И. Жилки и благодаря этому она выдержала ежедневные бои с выходившими из города казанскими отрядами. Ивану III пришлось прислать ей на подмогу три отряда, преимущественно конных, для эффективного отражения атак татарской конницы. В результате Казань впервые в истории была взята русскими войсками. В этой связи стоит учесть, что с момента отправки гонца в Москву с вестью о бегстве русской конницы до прибытия под Казань конно-судового подкрепления прошло порядка 46 дней: весной 1487 г. конно-судовые войска Казани шли 35 дней, а весть взятии Казани 9 июля гонец принес в Москву 11 дней спустя, 20 числа. Или немного больше 46 суток, если подкрепление было отправлено не в первый день. При том, что с прибытия великокняжеских сил под Казань 17 мая до взятия города 9 июля прошло 53 дня, напрашивается вывод, что казанцы сдались вскоре после появления под стенами города свежих русских сил. Было ли это совпадение случайным, или прибытие к противнику конного подкрепления не оставило уставшим казанцам надежд разбить, или измотать неприятелей в ходе ежедневных боев?

Таким образом, следует признать, что Иван III поначалу совершил ошибку, не рассчитывая на серьезное сопротивление казанцев и послав брать Казань преимущественно пешее войско. Вместе с тем, он сумел ее исправить, прислав своим выводам в помощь два дополнительных конных отряда. А, кроме того, он изначально поставил во главе своих войск достойных военачальников, сумевших продержаться до прибытия подкрепления, несмотря на ежедневные бои с казанцами. В результате цели организованного Иваном III военного похода на Казань, хоть и не быстро, были достигнуты – великокняжеские воеводы взяли Казань и посадили на престол Мухаммед-Эмина. Между тем, стоит иметь в виду, что казанцы достаточно упорно сопротивлялись. Казань пала через 53 дня после прибытия под нее великокняжеских войск. Казанцы каждый день выходили из города биться с противником, а капитулировали уже в состоянии изнеможения. Поэтому, какие бы у Алегама не были сложные отношения с казанской знатью, но в 1487 г. она явно не «норовила» великокняжеским

воеводам и не поддерживала московского ставленника Мухаммед-Эмина. Поэтому существующая до сих пор в историографии версия о наличии в 1487 г. в Казани некой промосковской партии сторонников Мухаммед-Эмина нам кажется ошибочной[24]. Возможно, что она основана не только на отмеченных нами выше вольных трактовках источниках, когда упомянутые С. Герберштейном великокняжеские советники изображаются в историографии ханскими приближенными, а из рассказа устюжского летописания о ежедневных боях казанцев с русскими войсками и вынужденной капитуляции Алегама после того, как он с татарами изнемог, делается вывод о том, что его заставила сдаться промосковская партия. По мнению А. В. Аксанова, исследователи также исходят из перечня «Алегамовых людей царевых», бежавших в Ногайскую Орду (Аксанов, 2022. С. 485) – Аль-Гази (того самого летописного татарского князя, или просто его тезки? – М. Н.), Тевекеля-Сеита, Касима-Сеита, Бегиша с сыном Утяшем. Однако, стоит учесть, что согласно посольской документации, Иван III в то лето проводил весьма жесткую политику по отношению к казанцам – его люди арестовали даже послов Алегама – улана Бахтеяра и Мангуша, которые прибыли в Москву для проведения мирных переговоров (Сб. РИО, 1884. С. 64–65)[25]. В этой связи, людям Алегама далеко не обязательно было быть его ярыми приверженцами, чтобы желать после взятия города русскими войсками избежать плена.

---

[24] Впрочем, некоторые современные исследователи полагают, что версия о существовании в XV в. русской и восточной партий казанской знати не находит опоры в источниках и предпочитают говорить о сторонниках и противниках того или иного Чингисида (Моисеев, 2013. С. 24–25; Илюшин, 2019. С. 31–32; Аксанов, 2022. С. 485–486). Другое дело, что в середине 1480-х гг. борьба между приверженцами Мухамед-Эмина и Алегама не отразилась в источниках, скорее, каждый из этих ханов по разным причинам настраивал казанцев против себя, что позволяло им в 1484/85 и 1486 г. сменять друг друга на троне фактически без боя (Несин, 2024). В 1487 г. в Казани не прослеживается деятельность каких-либо приверженцев Мухаммед-Эмина, а город сдался великокняжеским войскам после длительного сопротивления. Поэтому судя по всему далеко не все сторонники «партийного деления» казанской знати XV в. пишут о них применительно к «Казанскому взятию» 1487 г. С. Х. Алишев, писавший о восточной и промосковской партиях, а также В. А. Волков и Х. Б. Салиева, считавшие Мухаммед-Эмина ставленником или знаменем промосковской партии, тем не менее в 1487 г. не упоминали ни о каких казанских сторонниках Москвы / Мухаммед-Эмина и их влиянии на капитуляцию города (Алишев, 1995. С. 38–42; Салиева, 2004. С. 43–45, 47–48; Волков, 2004. С. 19, 24; Волков, 2018. С. 25, 31–32).

[25] А. Г. Бахтин и Б. Л. Хамидуллин почему-то считают, что они были отправлены Алегамом в Москву до прибытия русских войск под Казань (Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 229). Однако, источник об этом не сообщает. Наоборот, судя по контексту, они «пріѣхали» в Москву и «впали въ руки» (были пленены) скорее всего не весной, а в середине – второй половине лета. Об их пленении сообщается наряду с пленением казанского хана Алегама. Кроме того, с ними приехал и был арестован Тевекель, «человекъ» крымского вельможи Баба-Шиха, который почему-то так не хотел возвращаться в Крым, что был готов подвергнуться аресту в Москве и представился казанским послом. В документации августовского посольства в Крым Тевекель не фигурирует. Надо полагать, что Иван III установил его личность уже осенью, незадолго до отправки 23 октября в Крым послом Д. В. Шеина и отправил его к крымскому хану Менгли-Гирею вместе с ханскими послами, уланом Тевекелем и Лухбердей-дуваном, о чем Шеину было велено от имени Ивана III сообщить хану по прибытию в Крым (Сб. РИО, 1884. С. 64–65). Едва ли Ивану III понадобилось для разоблачения Тевекеля много месяцев. Поэтому скорее всего послы Алегама Бахтеяр-улан с Мангушем отбыли в Москву не раньше прибытия великокняжеских войск под Казань во второй половине мая и были арестованы в Москве летом. А осенью Иван III установил личность прибывшего с ними под видом казанского посла крымца Тевекеля.

Заметим, что Алегам был пленен в день взятия города 9 июля. Великокняжеское летописание и летописный свод 1518 г. сообщают, что 20 июля / на Ильин день к Ивану III из примчался из Казани князь Федор [Семенович] Хрипун Ряполовский с вестью о падении Казани и пленении хана (ПСРЛ, 1963. С. 318; ПСРЛ, 2001. Стб. 323; ПСРЛ, 2004. С. 331)[26]. По сведениям великокняжеского летописания, наиболее обстоятельно перечислявшего пленных и ссыльных членов ханской семьи, воеводы Ивана III захватили казанского хана Алегама с матерью [Фатимой], царицей [Каракуш], двумя братьями [Мелик-Тагиром и Хуйдай-Кулом], сестрой [Гаухаршад] и его князьями и привели в Москву (ПСРЛ, 2004. С. 331). Вологодско-Пермский летописец конца XV в. или рубежа XV-XVI вв. уникальное упоминание двух пленных князей Чеботаевых детей (Клосс, 1976. С. 270).

Вероятно, аресты казанской знати заняли несколько дней, а до середины июля князь Д. Д. Холмский сотоварищи определенно не стали распускать войска из-под Казани для отправки в Москву пленников, поскольку согласно Тверской летописи лишь 14 июля на память Св. Апостола Акилы, то есть, уже 5 дней спустя после взятия города[27], возвели на трон Мухаммед-Эмина и с ним в качестве великокняжеского наместника посадили Д. В. Шеина (ПСРЛ, 1863. Стб. 500). (Должность великокняжеского наместника, по-видимому, не была характерна для Казанского ханства даже после установления в 1487 г. московского протектората. Весной 1505 г. Иван III экстренно отправил в Казань не наместника, а посла М. Кляпика с И. Блеклым «не потакать» «неким делам» / «всем речем» (от которых узнал не от своего наместника, а от хана Мухаммед-Эмина), а когда 24 июня Мухаммед-Эмин пошел на разрыв отношений с Москвой, то арестовал не наместника, а этих русских послов и перебил русских купцов (ПСРЛ, 1978. С. 8)[28]. Стоит учесть, что великокняжеского наместничества при Иване III не было даже в

---

[26] Точнее, к Ильину дню в своде 1518 г. непосредственно привязано солнечное затмение, а приезд Хрипуна с вестью о взятии Казани и пленении хана датирован тем же днем. То ли потому, что «гибель солнца» произошла раньше, то ли потому что произвела на составителя летописной повести более сильное впечатление. Великокняжеский хронист, напротив, умалчивает о случившемся в этот день солнечном затмении. Другое дело, что оба источника датируют прибытие в Москву Хрипуна одним и тем же днем и сходно передают содержание его донесения. На это обстоятельство, пожалуй, обратил внимание еще В. Н. Татишев, который скомпилировал текст погодной записи Ник за 6995 (1487) г. с известием Львовской летописи. о «гибели» солнца, не дав при этом характерную для свода 1518 г. привязку к церковному празднику, а приведя указанную в великокняжеском летописании календарную дату (Татищев, 1996. С. 74)

[27] Н. С. Борисов полагает, что первый воевода, князь Д. Д. Холмский, нарочно выбрал для этого годовщину своей победы в Шелонской битве 14 июля 1471 г. (Борисов, 2000. С. 410). Однако, не ясно, нарочно так совпало, или случайно. Ясно одно: данное известие Тверской летописи приводит именно дату посажения в Казани нового хана и наместника (14 июля), а не взятия города (9 июля). Возможно, тверской летописец просто считал наиболее значимым итогом кампании возведение на казанский трон ставленника «государя «всея Руси Московского», ради чего, собственно говоря, великокняжеские войска и «вз(я)ли» Казань.

[28] Трудно в этой связи согласиться с неаргументированными утверждениями С. Х. Алишева и А. Г. Бахтина о постоянном проживании в Казани неких великокняжеских советников / представителей русского правительства (Алишев, 1995. С. 48; Бахтин, 1998. С. 63; Бахтин, 2001. С. 189; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 300). Более того, в обстоятельном рассказе летописного свода 1518 г. о захвате Казани сибирским ханом Мамуком осенью 1496 г. никакие русские вельможи не фигурируют ни в числе бежавших в Москву с Мухаммед-Эмином и его царицей казанских князей, ни среди арестованных и ограбленных Мамуком казанцев (ПСРЛ, 1963. С. 328; ПСРЛ, 2001.

Мещерском юрте, который, в отличие от вассального Казанского ханства, не считался отдельным «царством» и находился на территории великокняжеской земли (Несин, 2016. С. 191–192; Несин, 2017. С. 398–404; Несин, 2018. С. 111–116). Скорее всего, назначение Д. В. Шеина наместником в Казани было исключительной мерой, вроде отправки в Рязань в 1456 г. московских наместников вместо 8-летнего князя, связанной с малолетством Мухаммед-Эмина. Поскольку после «Казанского взятия» 1487 г. Казанское «царство» попало в данническую зависимость от русских государей (Бахтин, 2001. С. 190[29]; Илюшин, 2022. С. 80) а также должно было выплачивать какие-то пошлины (См. напр.: Котляров, 2005. С. 148–149; Котляров, 2010. С. 25; Илюшин, 2022. С. 79)[30], возможно, что главная задача нового

Стб. 347–348). Заметим также, что отправленные Иваном III в Казань весной 1497 г. воеводы князья С. Д. Холмский и Ф. И. Палецкий «посадити в Казани на царство» следующего назначенного им хана, Абдул-Латифа (ПСРЛ, 1959. С. 218), после того как возвели на престол московского ставленника к привели к шерти (присяге) великому князю казанцев (ПСРЛ, 1963. С. 328; ПСРЛ, 2001. Стб. 349), долго в Казани не задерживались – уже этим летом первый из двух вывод, князь С. Д. Холмский был отправлен Иваном III на р. Нарву во главе войск, сопровождавших русское посольство на переговоры с Ливонским Орденом (РК, 1966. С. 28). По мнению С. Х. Алишева, функции советников в 1500 г. при следующем назначенном Иваном III казанском хане, Абдул-Латифе, исполняли находившиеся в Казани во время ногайского набега русские воеводы князья М. Ф. Курбский Карамыш и П. С. Ряполовский Лобан (Алишев, 1995. С. 48). Но это не находит подтверждения в источниках. Более того, оборону города от ногайцев возглавил Абдул-Латиф (Иосафовская, 1957. С. 141) а не помогавшие ему великокняжеские воеводы, которые таким образом, даже в военное время формально не возглавляли казанские вооруженные силы. Поэтому навряд ли они были уполномочены Иваном III указывать его новому ставленнику на казанском троне как править государством (Ср.: Алишев, 1995. С. 48).

[29] Другое дело, что далеко не все привлеченные А. Г. Бахтиным материалы надежно свидетельствуют об этом. Навряд ли стоит уверенно соотносить с Казанским ханством сведения турецкой рукописи о русско-крымских отношений и неверифицируемого известия В. Н. Татищева – о русско-ордынских (ср.: там же). Кроме того, Бахтин некритически ссылается на приведенные Татищевым слова жены Мухаммед-Эмина по имени «Урбеть», что тот служит великому князю и платит дань (Татищев, 1996. С. 98). Однако, Татищев опирался на туманное известие «Казанской истории» о том, что словам своей жены, этот «царь казанский» «словетъ раб его [великого князя] во всѣхъ земляхъ» (БЛДР, 2000. С. 278), дополнив этот сюжет собственными вымыслами. Так, непонятное рабство казанского царя Татищев произвольно расшифровывал как обязанность платить дань. А казанская царица Каракуш, имя которой «Казанской истории» не указано, а известно из недоступной Татищеву посольской документации (Сб. РИО, 1884. С. 536, 538), как отмечено в опубликованном в настоящем издании работе Л. Н. Яряева, приобретает у Татищева вымышленное имя Урбеть. Таким образом, данное т. н. «татищевское известие» представляет собой художественный вымысел, а не надежное свидетельство о даннической зависимости Казанского царства от государя всея Руси. Другое дело, что привлеченные А. Г. Бахтиным незамеченные предшественниками свидетельства посольской документации второй трети XVI ст. о том, что Иван IV имел «свои» «оброки» с «Казанских мест», а деду и отцу Ивана IV (то есть Ивану III и Василию III – М. Н.) «изстари с Казани дань давали» определенно свидетельствуют о том, что со времен Ивана III после 1487 г. Казанское ханство платило дань великим московским князьям. Появление этой традиции при Василии III крайне маловероятно, поскольку ему иногда удавалось разве что восстанавливать в русско-казанских отношениях статус кво, а не существенно усиливать зависимость Казани от Москвы.

[30] М. Г. Худяков считал, что «в дипломатической переписке речь шла не о какой-либо подати в московскую казну с казанских волостей, а о таможенных пошлинах, которые русскими пограничными чиновниками взимались с казанцев в Нижнем и Муроме с излишком против установленного тарифа, и это обстоятельство заставляло как цивильских жителей, так и прочих казанских людей ездить с товарами через мордовскую и черемисскую земли, минуя русские города и избывая пошлины, и из-за чего и возникла самая переписка» (Худяков, 1991. С. 50). Но в действительности упоминания сборов таможенных пошлин в Нижнем Новгороде и Муроме и сборов неких пошлин Федором Киселевым на рр. Цивили и Алныше никак в посольской документации между собой не связаны (ПК, 1984. С. 27, 31). Более того, на р. Цивили эти некие пошлины были взяты Ф. Киселевым не с торговцев, а с десятников Артака и Багатура (там же. С. 31), то есть, с десятных князьков, вунпӳ. Действовал Ф. Киселев на территории современной Чувашии, на которой, как известно, находится р. Цивиль. Вторая р., «Алныш», до сих пор не локализована исследователями. Возможно, это р. Аниш, правьй приток Волги, протекающий в Чувашии недалеко от Цивили. Отметим, что берегами Цивили и Алныша (Аниша?) территория

наместника заключалась в организации составления писцового описания территории ханства. Вероятно, Шеин справился с этим в течении квартала. Уже 23 октября он был отправлен послом в Крым (Сб. РИО, 1884. С. 62). Вероятно, при возведении на престол Мухаммед-Эмина 14 июля 1487 г. великокняжеские воеводы приводили казанцев к шерти (присяге) Ивану III, как это делали в мае 1497 г. другие воеводы Ивана III при посажении в Казани следующего московского ставленника, Абдул-Латифа (ПСРЛ, 1963. С. 328; ПСРЛ, 2001. Стб. 349).

По неаргументированному мнению А. Г. Бахтина, при Мухаммед-Эмине под Казанью был оставлен воинский отряд для «бережения» (Бахтин, 1998. С. 63; Бахтин, 2001. С. 189; Бахтин, Хамидулиин, 2014. С. 300). Однако, это не находит подтверждения в источниках. Более того, как показывают обстоятельно описанные в летописном своде 1518 г. события весны-лета 1496 г., в Казанском ханстве не было постоянного русского воинского отряда, способного защитить Мухаммед-Эмина не только от сибирско-ногайского войска сибирского хана Мамука, но от собственных казанских князей, которые вплоть до приближения присланного Иваном III из Руси войска князя С. И. Ряполовского, беспрепятственно «чинили измену» своему хану. И лишь «слышав» (получив весть) об идущем к городу русском войске, бежали из Казани к Мамуку (ПСРЛ, 1963. С. 328; ПСРЛ, 2001. Стб. 347). Летом 1505 г. когда Мухаммед-Эмин, разрывая отношения с Москвой, арестовывал и избивал находившийся в Казани русских людей – послов и купцов, там также не было никакого русского гарнизона[31]. Поэтому думается, что все участвовавшие в казанском походе 1487 г. великокняжеские воеводы в конце августа вернулись на Русь, приведя в Москву пленных казанцев – членов ханской семьи и представителей знати.

Летописный свод 1518 г. упоминает, что пленного казанского хана [Алегама][32] доставили в Москву в четверг за неделю до Гопожина дня и поселили в московском Кремле

сбора пошлин в великокняжескую казну явно не ограничивалась – в своем послании к Ивану III Мухаммед-Эмин упомянул эти реки исключительно в качестве обозначения мест злоупотреблений русского сборщика пошлин Ф. Киселева (там же). В свою очередь Иван III видимо считал, что его сборщики пошлин вправе брать с населения вассального ханства дополнительные поборы при условии, что не будут применять силу: в ответном послании Мухаммед-Эмину он ограничился обещанием разобраться, «учинил» ли Ф. Киселев по отношению к цивильским жителям «силу» (там же. С 33).

[31] Единственным исследователем, пытавшемся обосновать наличие в Казани русского военного гарнизона, является С. К. Свечников. Ученый ссылается на сведения источников о пребывании в Казани 2-х вышеупомянутых русских воевод во время ногайского набега 1500 г. (Свечников, 2014. С. 79). Однако, источники не упоминают о постоянном проживании этих воевод в городе. Не исключено, что их небольшое войско, названное в источниках «немногими», «малыми» людьми (Иосафовская, 1957. С. 141; ПСРЛ, 1959. С. 294) было силами быстрого реагирования, в задачу которого входило прибыть к Казани раньше противника.

[32] Стоит отметить, что в тексте данной летописной повести «о взятьи Казанском от великого князя Ивана» все основные персонажи фигурируют без имен – сам великий князь, имя которого указано только в заголовке, его воеводы, казанский «царевич», а также плененный казанский «царь» и митрополит (ПСРЛ, 1963. С. 218; ПСРЛ, 2001. Стб. 322–323). По имени названы только князь Федор Хрипун Ряполовский, принесший из Казани весть о взятии великокняжескими взятии города и пленении хана в день солнечного затмения, а также вятский воевода Костя и великокняжеский воевода Юрий Шестак Кутузов, посланный великим князем «на вятчан» и «умирившийся» с ними (ПСРЛ, 1963. С. 218; ПСРЛ, 2001. Стб. 323). Едва ли тут дело именно в незнании имен

на дворе князя Даниила Александровича Ярославского (ПСРЛ, 1963. С. 318; ПСРЛ, 2001. Стб. 323). К какой календарной дате это относится? На Руси отмечали два Госпожина дня – Успения и Рождества Богородицы, 15 августа и 8 сентября. Соответственно, четверг за неделю до первого праздника в 1487 г. приходился на 9, а до второго — на 31 августа. Н. С. Борисов относит доставку хана в Москву к 9 числу (Борисов, 2000. С. 411). Однако притом, что весной русские войска добирались до Казани целых 5 недель, вряд ли они привезли хана из Казани уже через месяц после его пленения. Тем более, что, по крайней мере, до середины июля князь Д. Д. Холмский сотоварищи не стали распускать войска из-под Казани для отправки в Москву пленников, поскольку только 14 числа возвели на престол нового хана Мухаммед-Эмина и поставили при нем наместника Д. В. Шеина. Таким образом, доставку Алегама в Москву стоит датировать четвергом 31 августа, за 8 дней до второго Госпожина дня, праздника Рождества Богородицы. Этой дате, казалось бы, противоречит данный Иваном III 10 августа наказ своему посланцу в Крым Беляку Ардашеву сообщить крымского хану Менгли-Гирею и его супруге Нур-Салтан о том, что Алегама с его родственниками и князьями уже «къ намъ привели» (Сб. РИО, 1884. С. 61–62). Впрочем, московский посланец должен был прибыть в Крым не раньше сентября, а к тому времени Алегама уже действительно доставили в Москву.

Видимо уже практически сразу по прибытию Алегама в Москву 31 августа участь его и его семьи, а также пленных казанских князей была решена. Великокняжеское летописание под тем же 6995 г. сообщает, что Иван III казнил смертью князей и уланов, и прочих крамольников (то есть, объявленных им беззаконниками, мятежниками, очевидно, за то, что они не признавали власть его ставленника на казанском престоле Мухаммед-Эмина и в 1486 г. пригласили занять трон Алегама – М. Н.), а Алегама с царицей послал «в заточение»» в Вологду, а мать, братьев и сестру[33] отправил «в заточение на Белоозеро в Карголом» (ПСРЛ,

(ср.: Аксанов, 2016. С. 91). Автор данной летописной повести был скорее всего современником тех событий и представителем кремлевского духовенства – скупо описывая события, происходившие за пределами Москвы, он твердо знал даты прибытия в Москву вести о взятии Казани (и имя гонца) а также доставки пленного хана в Москву и на чьем именно кремлевском дворе был поселен пленный хан (ПСРЛ, 1963. С. 218; ПСРЛ, 2001. Стб. 323). Соответственно, по крайней мере, имена митрополита и пленного казанского хана он должен был знать. Просто не стал называть.

[33] Во всех источниках, содержащих рассказ великокняжеского летописания о взятии Казани войсками Ивана III 9 июля 1487 г. упоминается, что при взятии города в числе родственников казанского хана Алегама была захвачена в плен его сестра (ПСРЛ, 1859. С. 217; ПСРЛ, 1901. С. 219; Иосафовская летопись, 1957. С. 126; ПСРЛ, 1959. С. 278; ПСРЛ, 1962. С. 288, 359; ПСРЛ, 1963. С. 153; ПСРЛ, 2000а. С. 526; ПСРЛ, 2000 а. С. 205; ПСРЛ, 2004. С. 331; ПСРЛ, 2007. С. 272). В то же время, если, сообщая о ссылке ханской родни в Карголом, сокращенный летописный свод 1493 г., Тип, Прилуцкая, Симеоновская, Иосаофская летописи (Иосафовская летопись, 1957. С. 126; ПСРЛ, 1962.С. 288; ПСРЛ, 1963. С. 153; ПСРЛ, 2000а. С. 205; ПСРЛ, 2007. С. 272), тоже упоминают одну сестру, то в некоторых памятниках – сокращенном летописном своде 1495 г., ВП, НЛД, Вск и Ник летописях среди сосланных в Карголом родственников Алегама сфигурируют сестры во мн. ч. (ПСРЛ, 1859. С. 217; ПСРЛ, 1901. С. 219; ПСРЛ, 1959. С. 278; ПСРЛ, 1962.С. 359; ПСРЛ, 2000. С. 527). Поэтому со времен В. Н. Татищева, переписавшего рассказ Ник (Татищев, 1966. С. 74–75), ряд историков (хотя не все: ср.: Волков, 2001. С. 17; Волков, 2004. С. 24; Волков, 2018. С. 32; Котляров, 2010. С. 24) пишет о наличии у Алегама не сестры, а сестер. Однако это чтение, на наш взгляд, стоит считать ошибочным – не могли при взятии Казани арестовать одну

1859. С. 217; ПСРЛ, 1901. С. 219; Иосафовская летопись, 1957. С. 126; ПСРЛ, 1959. С. 278; ПСРЛ, 1962. С. 288, 359; ПСРЛ, 1963. С. 153; ПСРЛ, 2000. С. 526–527; ПСРЛ, 2000а. С. 205; ПСРЛ, 2007. С. 272) – современный хутор Карголом в восточных окрестностях г. Белозерска[34]. При том, что год в то время на Руси заканчивался 31 августа, а великокняжеский хронист не был склонен объединять в погодной записи события разных лет, надо полагать, что в конце августа 1487 г. Иван III уже принял решение, как поступить с пленниками, а в ближайшие дни, в начале сентября, приговор привели в исполнение – казанцы казнены, а ханская семья отправлена из Москвы в ссылку в Вологду и в Карголом[35]. Интересно, что деревянная крепость

сестру, а в ссылку отправить двух, или нескольких. Поэтому надо отдать предпочтение первому варианту, со ссылкой в Карголом не сестер, а сестры. Других сведений о наличии у Алегама и Мухаммед-Эмина более одной сестры нет. Наверное, она была единственной.

[34] Большинство исследователей считает Карголом волостью восточнее Белозерска и расположенным в восточных окрестностях Белозерска одноименным хутором (Копанев, 1951. С. 7, 167; Кучкин, 1984. С. 332; Аверьянов, 2001. С. 168–169; Аверьянов, 2018. С. 179; Волков, 2004. С. 24; Волков, 2018. 32; Зайцев, 2016. С. 129; Зайцев, 2017. С. 196; Черкасова, 2017. С. 19, 37). В то же время, по мнению некоторых ученых, Карголом соответствовал современному г. Белозерску, а возведенный в 1488 г. по воле Ивана III в Карголоме новый город в 10 верстах от старого – это современный белозерский кремль, построенный к западу от старого города, располагавшегося в верховьях р. Шексны **(**Шаров, Хворостова, 1996. С. 82–83, 88; Захаров, 2001. С. 180–184. Захаров, 2004. С. 99; Грязнов, 2019. С. 28–31*)*. Первая версия нам кажется более предпочтительной. В ходе археологических изысканий на территории городка в истоке р. Шексны не было обнаружено ни одного предмета позднее XIV в., а не позже первой половины XIV ст. территория города значительно уменьшилась (см. Напр.: Захаров, 2001. С.171–172; Захаров, 2004. С. 94–95). По наблюдениям того же С. Д. Захарова, согласно актовому материалу, в XV в. она воспринималась окрестным наделением как Средний погост, а не как город (Захаров, 2001. С. 174–175; Захаров, 2004. С. 99–100). Поэтому к концу XV ст. это заброшенное поселение могло считаться разве что городищем, а отнюдь не старым городом. О переселении с него в 6996 (1488) г. населения в новый город тем более говорить не приходится (Ср.: Грязнов, 2019. С. 29–31). Что касается укреплений на территории современного Белозерска, то нынешние валы белозерского кремля не были точно датированы в ходе археологических изысканий, а вопрос о времени появления на его месте первых фортификационных сооружений остается дискуссионным (ср.: Шаров, Хворостова, 1996. С. 86–88; Захаров, 2001. С. 179–181). В то же время никто из исследователей не отрицает возможность существования здесь укреплений в XIV в. Потому в конце XV в. белозерский кремль больше подходит на роль «старого» города, чем заброшенное к тому времени не менее ста лет городище в верховьях Шексны. А поскольку никем не было приведено надежных свидетельств источников о распространении территории волости Карголомы западнее современного Белозерска, а для источников в XV в. не было характерно называть Белоозеро Карголомом, то надо полагать, что употребленный в летописных известиях за 6995 (1487) и 6996 (1487/88) о ссылке семьи Алегама и о постройке нового города нетипичный оборот «на Белоозере в Карголоме» обозначал не само Белоозеро, а расположенное в непосредственной близости от него поселение Карголом. Именно там, в нескольких км к востоку от современного белозерского кремля, скорее всего была возведена в 1480-х гг. новая деревянная крепость, в которой были заключены мать, сестра и два брата пленного казанского хана Алегама. К XVI в. эта карголомская крепость уже была привычным сооружением в окрестностях Белоозера. Поэтому УЛС начала XVI в. в погодной записи за 6897 (1389) г. даже упоминает на Белоозере, на территории Белозерского княжения, две крепости – Каргополь и Карголом (ПСРЛ, 1982. С. 37, 79), что применительно к реалиям XIV в. «вызывает сомнения, так как в других источниках упоминаний о существования Каргополя в это время нет», равно как и не имеется «данных и о вхождении этого района в состав Белозерского княжества» (Захаров, 2001. С. 173; Захаров, 2004. С. 98). Другое дело, что построенная в 1480-х гг. по распоряжению Ивана III крепость в Карголоме в XVI ст. воспринималась на Русском Севере как один из важнейших «городков» Белозерья.

[35] Ермолинская летопись, Вологодско-Пермский летописец конца XV в. / рубежа XV–XVI вв., УЛС начала XVI в. независимо от великокняжеского книжника датируют заточение Алегама в Вологде тем же 6995 (1487) г. (ПСРЛ, 1910а. С. 162; Клосс, 1976. С. 270; ПСРЛ, 1982. С. 50, 96). Лишь летописный свод 1518 г. отнес отправку в Вологду пленного казанского царя уже к «зиме» 6996 (1487/88) г. (ПСРЛ, 1963. С. 319; ПСРЛ, 2001. Стб. 324). Однако, здесь она фигурирует в контексте других зимних репрессий против многих новгородцев и 3-х лиц, связанных с составлением духовной грамоты удельного князя Андрея Меньшого. Вероятно, хронист отдал приоритет тематическому, а не хронологическому порядку изложения событий. Так, массовая депортация новгородцев возможно, на самом деле, имела место не в 6996, а в 6997 (1488/89) г. Владимирский летописец тоже

«на Белоозере в Карголоме» по летописным данным была возведена по распоряжению Ивана III уже в 6996 (1 сентября 1487 / 31 августа 1488) г. (ПСРЛ, 1901. С. 219; Зимин, 1950. С. 35; Иосафовская летопись, 1957. С. 126; ПСРЛ, 1962. С. 288), однако, сомнительно, что обоих братьев Алегама отправили в заточение в совершенно неукрепленное место – в противном случае нельзя было гарантировать, что их внезапно не захватит какой-нибудь «изгонный» ногайский отряд и не использует в качестве кандидатов на Казанский престол. 6 января 1481 г. ногайские отряды биев Ямгурчи и Мусы вместе с войском тюменского царевича Ибака «безвестно» пришли к ставке большеордынского хана Ахмата (ПСРЛ, 1982. С. 95), зимой 1536 / 1537 г. ногайский контингент участвовал в казанском походе на Русь, в ходе которого казанский хан Сафа-Гирей внезапно, как змея, вынырнувшая хвороста, 15 января 1537 г. из леса пришел под Муром; в конце 1540 г. ногайский отряд принимал участие в другом внезапном казанском набеге на Муром (ПСРЛ, 1965. С. 25, 38; Несин, 2019. С. 448, 457). Не думаем, что после того, как в 1468 г. казанский отряд безнаказанно сжег севернорусский городок Кичменгу, Иван III стал бы испытывать судьбу, оставляя надолго обоих ссыльных казанских царевичей жить на территории современной Вологодской области вне крепости. Известно, что Алегам, последний раз занявший казанский трон в 1486 г., до этого укрывался в Ногайской Орде. Поэтому в 1487 г. Иван III не мог питать иллюзии, что вся ногайская верхушка признает его ставленника на Казанском престоле Мухаммед-Эмина и ни за что не предпримет попыток его заменить. Так что скорее всего летом 6995 (1487) г. карголомский острог был практически достроен. А к летописному 6996 г. стоит относить уже завершающий этап строительства, не принципиальный для отражения потенциального штурма[36].

Правда, в источниках упоминается разное количество жен Алегама, плененных великокняжескими войсками при взятии Казани. Поэтому историки до сих пор не сошлись во мнении, была ли взята в плен только одна жена (Котляров, 2005. С. 142; Котляров, 2010. С. 24;

отнес ее к 6996 г. (ПСРЛ, 1965а. С. 137), однако, по сведениям сокращенного летописного свода 1493 г. и Краткого Кирилло-Белозерского летописчика XVI в. она состоялась уже зимой 6997 (1488/89) г. (Зимин, 1950. С. 35; ПСРЛ, 1962. С. 288). А «торговая казнь» лиц, обвиненных в подлоге завещания, вероятно, состоялась еще зимой 6995 (1486/87) г. (ПСРЛ, 1910а. С. 162). Поэтому мы предпочитаем опираться на сведения других источников о северной ссылке Алегама в 6995 (1487) г.

[36] Крупный специалист по древнерусской фортификации, В. В. Косточкин со ссылкой на один из опубликованных А. А. Зиминым кратких летописцев, писал о постройке Иваном III деревянной крепости в Карголоме в 1486 г. (Косточкин, 1962. С. 56). Правда, на самом деле согласно данному источнику, князь великий Иван срубил город на Белоозере в Карголоме не в 6994, а в 6996 г. от Сотворения мира (Зимин, 1950. С. 35), что вполне соответствует дате, указанной в привлеченных Косточкиным Иосафовской и Ник летописях, сообщающих о постройке «повелением великого князя Ивана Васильевича» нового города на Белоозере в Карголоме в 10 верстах от старого (ПСРЛ, 1901. С. 219; Иосафовская летопись, 1957. С. 126), или, в переводе на современное летоисчисление, промежутку с 1 сентября 1487 по 31 августа 1488 г. от Р. Х. Однако, в связи с вышесказанным, мы допускаем, что, по иронии судьбы, В. В. Косточкин написал правильно – сооружение деревянной карголомской крепости началось в 1486 г, или, по крайней мере, до середины лета 1487 г., в пределах летописных 6994–6995 гг., а к концу лета 6995 (1487) г. крепость была фактически готова.

Илюшин, 2019. С. 42) или жены во мн. ч. (Борисов, 2000. С. 411; Бахтин, 2001. С. 188; Волков, 2001. С. 17; Волков, 2004. С. 24; Волков, 2018. С. 32; Черкасова, 2017. С. 20). Московское великокняжеское летописание, наиболее обстоятельно сообщающее о заточении казанского хана Алегама и его семьи, как было сказано выше, сообщает, что взявшие Казань великокняжеские воеводы, «изымаша» помимо Алегама его мать, царицу, двух братьев и сестру и привели в Москву, а затем Иван III послал Алегама с царицей «в заточение» в Вологду. Тверская летопись, Владимирский летописец, Вологодско-Пермский летописец конца XV в., или рубежа XV–XVI вв., УЛС начала XVI в. тоже упоминают одну супругу (ПСРЛ, 1863. Стб. 500[37]; ПСРЛ, 1965а. С. 137; Клосс, 1976. С. 270; ПСРЛ, 1982. С. 50, 96).

В то же время, в летописном своде 1518 г. в котором приводятся уникальные и сведения о дате доставки пленного «царя» в Москву и месте его содержания в Кремле, либо тоже упоминается одна «жена» (Уваровская летопись) (ПСРЛ, 1962. С. 318), либо, напротив, «две жены» (СII) (ПСРЛ, 2001. Стб. 323). М. Г. Худяков, Н. С. Борисов А. Г. Бахтин и В. А. Волков, опираясь на СII (Худяков, 1991. С. 47; Борисов, 2000. С. 411; Бахтин, 2001. С. 188; Волков, 2001. С. 17, 189. Примеч. 38), писали о женах / двух женах Алегама. Однако, первичность и достоверность этого чтения не очевидна. Не исключено, что слово «две» было приписано православным книжником вторично, в силу стереотипного представления о мусульманском царе как о многоженце. В то же время, в Ермолинской летописи отмечено, что Алегама «посадиша на Вологде с царицами его» (ПСРЛ, 1910а. С. 162). Впрочем, надо иметь ввиду, что тут мать и сестра Алегама отдельно не выделены. Поэтому не исключено, что царицами названы не жены, а мать и жена. Стоит также учесть, что по ошибочной версии некоторых северорусских летописей (Холмогорской летописи и Архангелогородского летописца) мать Алегама тоже за компанию с ним и его царицей заточили в Вологде (ПСРЛ, 1977. С. 125; ПСРЛ, 1982. С. 96). Выехавшему 10 августа в 1487 г. в Крым великокняжескому послу Б. Ардашеву было велено говорить крымскому хану Меннгли-Гирею и его жене Нур-Салтан, что Алегама с его братьями, матерью и царицами захватив, «къ намъ привели» (Сб. РИО, 1884. С. 61–62). Однако, при этом, опять же не упоминается отдельно сестра Алегама. Потому вероятно под царицами подразумевались не жены, а жена и сестра. Эти же лица указаны в записи на пасхалии, сделанной проживавшим в Троице-Сергиевом монастыре бывшим новгородским архиепископом Сергием, или близким к нему лицом, согласно которой 9 ию(ля) воеводы великого князя взяли Казань и пленили казанского царя с матерью, братьями и с «царицами», либо женами, либо женой и сестрой (Гимон, Орлова-Гимон, 2014. С. 68–69, 78). При этом, стоит отметить, что в 1489 г. в ходе переговоров с ногайскими послами Иван III

[37] Сам Алегам в Тверской летописи ошибочно назван Обреимом.

определенно упомянул об аресте одной жены Алегама: Алегама «достали есми (мы) и съ его матерью и съ его женою и съ его братьею» (там же. С. 83). Аналогичный «список» этой грамоты послали Мухаммед-Эмину. Там тоже было указано, что Алегама «взяли» в плен с одной женой – «взяли есмя и с его материю, и с его женою, и с его братьею» (ПК, 1984. С. 23). Правда, надо иметь ввиду, что здесь приведен не полный перечень плененных великокняжескими войсками при взятии Казани членов ханской семьи – не упомянута сестра Алегама и Мухаммед-Эмина, которая в 1489 г. уже, видимо была отпущена из северной ссылки в Казанское ханство, поскольку Иван III просил Мухаммед-Эмина не выдавать ее без его ведома замуж за Алач-мурзу, сына ногайского бия Ямгурчи (Сб. РИО, 1884. С. 86–87). Поэтому, если бы, к примеру, одна из жен Алегама к 1489 г. умерла в заключении, как полтора ст. до этого скончалась в тверском плену московская княгиня Кончака, то в данных посольских документах она тоже была бы не упомянута. Но имея обстоятельное повествование официального великокняжеского летописания о заточении Алегама и его родственников, в котором упоминается одна царица, можно предположить, что во второй половине 1480-х гг. у Алегама была одна супруга Каракуш. По крайней мере, нет надежных сведений о наличии у него двух или более жен.

В некоторых источниках можно найти явно ошибочные сведения о детях Алегама. В Прилуцкой летописи (в которой воспроизведен рассказ великокняжеского летописания) два брата Алегама, захваченные в плен русскими войсками при взятии Казани, по ошибке записаны как два сына. Но в сообщении об их отправке в Карголом они правильно названы братьями (ПСРЛ, 1963. С. 153). Холмогорская летопись середины XVI в. дает сокращенную выписку из московского летописного рассказа о казанском взятии, опираясь на Прилуцкую летопись или аналогичный памятник: тоже упоминаются дети Алегама и в перечне великокняжеских воевод вторым идет князь С. И. Ряполовский, а не А. В. Оболенский (ПСРЛ 1977. С 125). Другие источники никаких сведений о детях Алегама не содержат. Значит, либо он был бездетен, либо к 1487 г. его дети умерли.

Что касается пленных представителей казанской знати, то их, по вышеуказанным сведениям великокняжеского летописания, ожидала смертная казнь. Согласно Вологодско-пермскому летописцу конца XV в. / рубежа XV–XVI вв. Иван III повелел побить [кнутом / батогами] двух пленных князей Чеботаевых детей на Кучкове [поле под Москвой] (Клосс, 1976. С. 270). Дальнейшая участь этих князей не ясна. Наказания батогами и кнутом не относились в Великом княжестве Московском XV–XVI вв. к смертной казни, хотя иногда непосредственно ей предшествовали. В 1471 г. Иван III велел бить кнутом плененных в Шелонской битве новгородских бояр, а затем обезглавить их (ПСРЛ, 1910а. С. 159).

Архангелогородский летописец содержит уникальное сообщение о том, что Иван III пленных казанских «князей и княгин, и татар розъсажал по посельским» (ПСРЛ, 1982. С. 96) – передал в распоряжение управляющих дворцовых, или великокняжеских, сел. По мнению А. Г. Бахтина и В. А. Волкова речь шла не о казненных пленниках, а о каких-то иных (Бахтин, 2001. С. 188; Волков, 2004. С. 24; Волков, 2018. С. 32), а по мнению Н. С. Борисова – о тех же самых татарах, которые были казнены Иваном III, просто устюжский хронист несколько смягчил описание последствий взятия Казани (Борисов, 2000. С. 411–412). Во всяком случае, стоит учесть, что Архангелогородский летописец приводит неверные данные о месте ссылки матери Алегама, отправляя ее в Вологду вместо Карголома. Поэтому за точность его сведений об участи прочих пленных казанцев ручаться не стоит. При этом, надо отметить, что летописец не упоминает о дальнейшей участи этих пленных князей, княгинь и рядовых татар (что дает некоторым исследователям возможность высказывать на сей счет различные догадки)[38], в частности, не сообщает о том, что им потом сохранили жизнь. Примечательно, что источники обычно не упоминают о доставке в Москву пленных казанских княгинь (а ведь если бы князей ожидала ссылка, то, наверное, их жен тоже отправили бы в Москву). Даже в 1-ой редакции УЛС начала XVI в., сообщающей об аресте княгинь наряду с князьями при взятии Казани, об их отправке в Москву не упоминается –вместо них с князьями «к Москве» вели мурз (ПСРЛ, 1982. С. 50), видимо, тех самых прочих «крамольников», известных из независимого известия великокняжеского летописания помимо пленных князей и уланов. Скорее всего, русские воеводы временно не выпускали княгинь со двора во время ареста их мужей, не собираясь при этом увозить с ними в Москву. А уже во 2-ой редакции УЛС при сообщении о доставке пленников в Москву мурзы были заменены на княгинь (очевидно, поздний хронист рассудил, что раз уж княгинь арестовали, то их тоже должны были доставить в Москву и «поправил» предшественника[39]). Таким образом, пленных казанских аристократов, наверное, было задумано не держать в ссылке с женами, а казнить по прибытию в Москву. Поэтому, вероятно, Иван III не был намерен учинить массовый «вывод» казанской знати, а приказал ограничиться пленением относительно немногих «крамольников», которым уготовил показательную казнь на подмосковном Кучковом поле[40]. После того как в июле 1487 г. великокняжеские войска

[38] Если по мнению Н. С. Борисова и А. Г. Бахтина ссыльных татар не то de facto, не то de jure, превратили в рабов – холопов (Борисов, 2011. С. 411; Бахтин, 2011. С. 188), то М. С. Черкасова полагает, что они получили великокняжеские села в кормление (Черкасова, 2017. С. 20).

[39] А вот сознательная замена княгинь на мурз в данном случае была бы необъяснимой. Поэтому следует считать первичным чтение 1-ой редакции: «мурз», а чтение 2-ой редакции: «со княгинями» – вторичным.

[40] В этой связи можно согласиться с Б. А. Илюшиным, что «не все сторонники плененного Алегама были убиты после взятия Казани. Некоторые из них укрылись в ногайских кочевьях» (Илюшин, 2019. С. 52). Можно назвать еще одного выжившего – Тевекеля, который, как было указано выше, на самом деле был не казанцем, а крымцем. Он почему-то так не хотел возвращаться в Крым, что был готов попасть под арест в Москве наряду с настоящими послами Алегама. А Иван III установив его истинную личность, отправил его с его «рухлядью» (движимым

взяли Казань и утвердили на престоле московского ставленника Мухаммед-Эмина, Иван III давал понять, что отныне он сам назначает казанских ханов, а противники посаженного им на казанский трон Мухаммед-Эмина, с согласия которых в 1486 г. Алегам занял престол, должны быть признаны беззаконниками, мятежниками и понести соответствующую кару.

Список источников и литературы

Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. М.: Энц. российских деревень, 2001. 239 с.

Аверьянов К. А. Загадка завещания Ивана Калиты. Присоединение Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в. М.: Центрполиграф, 2018. 319 с.

Аксанов А. В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 288 с.

Аксанов А. В. К вопросу о «Партийном делении» политической Элиты Казанского ханства // Золотоордынское обозрения. 2022. Вып. 10 (2). С. 482–490.

Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.

Алексеев Ю. Г. «Первая Казань» и зарождение военного ведомства Русского государства // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова / Отв. ред. В. В. Пузанов. СПб.; Ижевск: УдГУ, 2001. С.152–165.

Алексеев Ю. Г. Поход 1477 г. // Исследования по русской истории и культуре: сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М.: Парад, 2006. С. 341–372.

Алексеев Ю. Г. Победа на Волге // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2007. Т. XXX. С. 350–362.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб: СПбГУ, 2009. 464 с.

Алексеев Ю. Г. Список воевод Ивана III // Русские древности. 2011. С. 216–234.

Алишев С. Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.

Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: МГУ, 1952. 544 с.

Бахтин А. Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1998. 192 с.

Бахтин А. Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д-ра ист. наук. М.: МГПУ, 2001. 568 с.

Бахтин А., Хамидуллин Б. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 289–358.

имуществом) к крымскому хану Менгли-Гирею вместе с ханскими послами, уланом Тевекелем и Лухбердей-дуваном (Сб. РИО, 1884. С. 64–65, 74). Другое дело, что возможно в Крыму его не ждало ничего хорошего. Интересно, что Иван III и его союзник Менгли-Гирей подчеркивали, что Тевекель был отправлен в Крым с «рухлядью» (там же) – движимым имуществом. Похоже на то, что он с точки зрения обоих государей поддерживал излишне дружелюбные отношения с Алегамом и слишком охотно брал от него подарки. Согласно Архангелогородскому летописцу, «иных [пленных казанцев великий князь] привел к роте (присяге), что им государю хотеть великому князю добра, и отпустил их в Казань» (ПСРЛ, 1982. С. 96). Однако, в свете сказанного, неверифицированым сообщениям данного источника о пленных татарах безоговорочно доверять не приходится. К тому же не ясно, идет ли здесь речь идет о лицах, захваченных непосредственно при взятии Казани, или о взятых в плен в Москве послах Алегама, улане Бахтеяре и Мангуше.

Волков В. А. Войны Московской Руси конца XV–XVI вв. М.: Русский мир, 2001. 230 с.

Волков В. А. Иван III – непобедимый государь. М.: Ломоносовъ, 2018. 216 с.

Гимон Т. В., Орлова-Гимон Л. М. Летописный источник исторических записей на пасхалии в рукописи РГБ. 304.I.762 (XV в.) // Исторические исследования. 2014. № 6. С. 54–79.

Грязнов А. Л. Белозерские акты XIV–XVI вв.: исследование и перечень. Вологда: Древности Севера, 2019. 603 с.

Добродомов И. Г. Загадочная параллель: бур (бор) орхонских рунических надписей и боръ (<* бъръ) «Повести временных лет» // Turcologica 1976. К семидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л.: Наука, 1976. С. 241–246.

Зайцев И. В. В каком году умер казанский Царевич Петр Ибрагимович – Худайкул Б. Ибрахим? // Золотоордынское обозрение. 2017. № 1. С. 128–137.

Зайцев И. В. Надгробие Худайкула (Петра) в Московском Кремле // Археология евразийских степей. 2017. № 6. С. 196–199.

Захаров С. Д. Белоозеро и Белозерск // Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 168–187.

Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с

Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив, Том V. М.; Л. 1950. С. 3–39.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982. 336 с.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине в XV–первой трети XVI вв. М.: Наука, 1988. 350 с.

Илюшин Б. А. «Война лета 7014»: Московско-казанский конфликт 1505–1507 гг. Нижний Новгород: Стимул–СТ, 2018. 128 с.

Илюшин Б. А. Казанский поход 1506 г.: анализ подготовки и боевых действий // Российская история, 2018. №3 (3). С. 93–103.

Илюшин Б. А. Мухаммед-Эмин – «царь» казанский: биографический. очерк. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 168 с.

Илюшин Б. А. Казанские войны Василия III: монография. Казань: Логос, 2021. 428 с.

Илюшин Б. А. Меж Казанью и Москвой. Нижегородский край в эпоху казанских и черемисских войн Нижний Новгород: ННГУ, 2022. 350 с.

Клосс Б. М. Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. 1976. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 264–282.

Комаров О. В. Полевая фортификация Русского государства XV–XVI вв. // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. М., 2020. Вып. 6. С. 193–220.

Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI веков. М., АН СССР, 1962. 286 с.

Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI в. М.; Л.: АН СССР, 1951. 255 с.

Котляров Д. А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: у истоков национальной политики России. Ижевск: УдГУ, 2005. 314 с.

Котляров Д. А. «Служащий царь» казанский хан Мухаммед-Амин и великие князья всея Руси // Вестник УдГУ. История и филология. Вып. 3. 2010. С. 23–31.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., Наука, 1984. 349 с.

Моисеев М. В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 20–30.

Несин М. А. Царевич Касим на службе Василию II // Средневековые тюркско-татарские государства. 2016. № 8. С. 186–193.

Несин М. А. Статус касимовских Чингизидов при Василии II и Иване III по данным письменных источников // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 2. С. 397–411.

Несин М. А. Первая династия Чингисидов на русской службе: биографии служилых царевичей Касима и Данияра // История военного дела: исследования и источники. 2018. Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв. Ч. I. С. 76–154.

Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг.// История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 432–491.

Несин М. А. Архимандриты вечевого Новгорода // Novogardia. 2019. № 4. С. 44–139.

Несин М. А. Служилые татары Ивана III на западном театре военных действий // средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 12. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 65–74.

Несин М. А. Русский поход на Казань 1478 года // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного годовщине битвы на Константиновом поле 1549 года / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород, 2022. С. 40–46.

Несин М. А. Казанский поход на Вятскую землю и русский поход на Казань 1478 года // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Мария Михайловна Мартынова (1922–2003), Борис Григорьевич Плющевский (1912–1998), Николай Николаевич Латышев (1892–1953), Никифор Павлович Павлов (1922–2008): материалы III Всерос. науч. конф. (Ижевск, 14–15 апреля 2022 г.) / отв. ред. и сост. Л. Н. Бехтерева, В. В. Пузанов, Д. В. Репников. Ижевск: УдГУ, 2022. С. 107–120.

Несин М. А. Русско-казанский конфликт начала 1480-х гг. // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Десятой Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых (Ижевск, 6–7 декабря 2022 г.) / сост., отв. ред. Д. В. Пузанов. Ижевск: УдГУ, 2023. С. 95–104.

Несин М. А. Казанский престол в 1484/85–86 гг. // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Одиннадцатой Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых (Ижевск, 24–25 октября 2023 г.) сост., отв. ред. Д. В. Пузанов. Ижевск: УдГУ, 2024. (В печати).

Псковские летописи. Вып. 1. М.–Л.: АН СССР, 1941. 146 с.

Псковские летописи. Вып. 2. М.: АН СССР, 1955. 256 с.

Повесть временных лет. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. 667 с.

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М.: АН СССР, 1984. 100 с.

ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.

ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. 247 с.

ПСРЛ. Т. 8. СПб: Типография Э. Праца, 1859. 302 с.

ПСРЛ. Т. 11. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1897. 254 с.

ПСРЛ. Т. 15. СПб.: Типография Леонида Демиса, 1863. 504 стб.
ПСРЛ. Т. 18. М.: Знак, 2007. 328 с.
ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. 418 с.
ПСРЛ. Т. 23. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. 342 с.
ПСРЛ. Т. 24. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с. 29.
ПСРЛ. Т. 25. М.: Языки русской культуры, 2004. 488 с.
ПСРЛ. Т. 26. М.; Л.: АН СССР, 1959. 415 с.
ПСРЛ. Т. 27. М.; Л.: АН СССР, 1962. 418 с.
ПСРЛ. Т. 28. М.; Л.: АН СССР, 1963. 413 с.
ПСРЛ. Т. 29. М.; Л.: АН СССР, 1965, 391 с.
ПСРЛ. Т. 30. М.: Наука, 1965. 239 с.
ПСРЛ. Т. 33. Л.: Наука, 1977. 250 с.
ПСРЛ. Т. 34. М.: Наука, 1978. 303 с.
ПСРЛ. Т. 37. Л.: Наука, 1982. 228 с.
Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 616 с.
Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Наука, 1977. Т. 1. Ч. 1. 188 с.
Сборник Императорского Русского Исторического Общества Т. 41. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К°, 1884. 558 с.
Свечников С. К. Присоединение Марийского края к Русскому государству Казань: ЯЗ, 2014. 268 с.
Словарь русского языка XI–VII вв. Вып. 12. М.: Наука, 1987. 384 с.
Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М.: Наука, 1990. 296 с.
Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга первая. СПб, 1851.
Срезневскій И. И. Матеріалы для Словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Т. 2. Л–П. СПб.: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1902. 1802 с.
Татищев В. Н. Собрание сочинений. М.: Ладомир, 1996. Т. 6. 784 с.
Царские вопросы и соборные ответы о многоразличных церковных чинах: (Стоглав). М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа 1890. 424 с.
Черкасова М. С. Северная Русь: история сурового края XIII–XVII вв. М.: Центрполиграф, 2017. 255 с.
Шаров С. А., Хворостова Е. Л. Археологическое изучение Белозерского кремля XII–XV вв. //Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 182–197.
Malipiero D. Annali Veneti Dall'anno 1457 al 1500. T. 7. Firenze: G. P. Vieusseux, 1843. 637 p.

DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2-7

Л. Н. Аряев
независимый исследователь
l.aryayev@yandex.ru

МОСКОВСКО-КАЗАНСКИЙ КОНФЛИКТ 1505–1507 ГГ. В «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ» В. Н. ТАТИЩЕВА

История московско-казанского конфликта 1505-1507 гг. в «Истории Российской» В. Н. Татищева скомпилирована из Никоновской летописи и Казанского летописца. Представленные в «Истории» уникальные сведения являются татищевскими реконструкциями, оформленными в виде аутентичного летописного текста. Во всех случаях, когда утверждения Татищева поддаются проверке, их достоверность не подтверждается.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, Казанский летописец, московско-казанский конфликт 1505-1507 гг.

При работе над 4 частью своей «Истории» В. Н. Татищев активно использовал «Казанский летописец», также именуемый «Историей о Казанском царстве» или «Казанский историей». Этот источник был популярен в российской историографии с самого ее становления: так, к «Казанскому летописцу» часто обращался автор «Скифской истории» Лызлов, труд которого имелся в татищевской библиотеке (Пекарский, 1864. С. 59). Татищев не только обильно украсил свой нарратив рассказами из «Казанской истории», но и дополнил ее сведения уникальными подробностями, не известными никаким аутентичным летописям.

С именем Татищева связана гипотеза, что автором «Казанского летописца» был священник Иоанн Глазатый. Она восходит к фрагменту из «Предъизвесчения» I части «Истории Российской», где среди имевшихся у Татищева «историй» упомянуты «Курпский князь Андрей, а обстоятельнее… поп Иоанн Глазатой о достовании и взятье града Казани» (Татишев, 2016. С. 102). Будучи идентифицирован с автором «Казанского летописца», Глазатый получил и его биографию, как она представлена в летописце – плен, переход в ислам, служба при ханском дворе, освобождение и возвращение в христианство после взятия Казани Грозным (ПСРЛ Т. 19, 1903. С. 192–193). В первом издании «Казанской истории» 1791 г. ее автор еще был обозначен как неизвестный. Лишь в словаре митрополита Евгения (Болховитинова), со ссылкой на Татищева, сообщается об авторстве Иоанна Глазатого. Эту догадку, не называя источников, уверенно повторил архиепископ Филарет (Гумилевский), а на Гумилевского, в свою очередь, сослался К. Н. Бестужев-Рюмин (Кунцевич, 1905. С. 552–553).

Г. З. Кунцевич присоединился к предположению С. М. Шпилевского, что перу Глазатого принадлежит авторство лишь одного фрагмента «Истории о Казанском царстве» – т. н. «Отрывка русской летописи» (ПСРЛ. Т. 6, 1853. С. 303–315; Кунцевич, 1905. С. 556).

Впоследствии к этой точке зрения склонялись Г. Н. Моисеева и академик М. Н. Тихомиров (Моисеева, 1953. С. 278, 286; Тихомиров, 2016. С. 51). Г. З. Кунцевич обратил внимание на фрагмент «Казанского летописца», в котором обращающийся к Ивану Грозному человек называет себя протопопом и богомольцем (Кунцевич, 1905. С. 555), что могло бы послужить подтверждением авторства духовного лица. Однако, в соответствующих местах в «Истории о Казанском царстве» и в «Отрывке русской летописи» эти слова принадлежат не автору, а его персонажу – протопопу Благовещенского собора Андрею (ПСРЛ. Т. 6, 1853. С. 311; ПСРЛ. Т. 19, 1903. С. 438–439).

Хотя до настоящего времени дошло более 200 списков Казанского летописца, ни в одном из них имя Иоанна Глазатого не значится. В предисловии к переизданию «Казанской истории» Л. А. Дубровина утверждает, что приписка об авторстве Глазатого, сделанная почерком «второй половины XVIII века», имеется на списке Срезневского и что именно эту приписку видел Татищев (ПСРЛ. Т. 19, 2000. С. V, XIX). Однако, Кунцевич в предисловии к первому изданию усматривал в приписке почерк не XVIII, а первой половины XIX века (ПСРЛ. Т. 19, 1903. С. V). В описании рукописи Срезневского (шифр БАН 24.5.9.) значится, что заглавие с упоминанием Глазатого сделано рукой бывшего владельца рукописи А. И. Сулакадзева, в двух местах поставлен штамп с его именем и датой 1771 (Описание рукописного отдела БАН, 1959. С. 374). Но 1771 год – дата рождения Сулакадзева. Даже если допустить, что надпись о Глазатом сделана младенцем, ее следует считать вторичной по отношению к татищевскому свидетельству, опубликованному в I томе «Истории Российской» еще в 1768 г.

В письме к Шумахеру от 21.12.1735 г. Татищев перечисляет имеющиеся у него «для русской истории рукописи». Первым пунктом идет «История Курбского о казанском походе», а вторым – «О том же – анонимная» (Татищев, 1990. С. 214). Под последней явно подразумевается «Казанский летописец», которому Татищев в 1735 году еще не успел подобрать автора. В другой раз Татищев поминает «Гисторию Казанскую» – и снова без указания авторства – в примечаниях на 2 часть книги Страленберга в 1736 году (Татищев, 2018б. С. 531). Очевидно, версия о «попе Иоанне Глазатом» возникла у Татищева позже, в промежутке между серединой 30-х и концом 40-х гг. Неясно, что побудило Татищева выдвинуть это предположение. В тексте памятника оснований для него нет. (Кунцевич, 1905. С. 555). Возможно, татищевская гипотеза проистекает из ошибки, погрешности при копировании или чтении текста, как это имело место в других фрагментах «Истории Российской»: например, фраза Никоновской летописи «родился великому князю Ивану Васильевичу сын и наречен Георгие Митилинский» превратилась у Татищева в «родилися великому князю Ивану Васильевичу два сына, Георгий да Димитрий», а из слов «князь магист гневош убежал за день до приходу великого князя силы под город» получился «магистр

Гневаш» (ПСРЛ., Т. 13, 1901. С. 198, 213; Татищев, 2018а. С. 84, 87). В любом случае, от гипотезы авторства попа Иоанна Глазатого приходится отказаться.

Правда, остается соблазн предположить, что имя Глазатого фигурировало в каком-то списке, который был у Татищева и потом был утерян. Этому же гипотетическому списку «Казанского летописца» можно было тогда приписать те уникальные подробности, которыми этот источник дополняется в «Истории Российской» – как известно, из всех татищевских рукописей пропадают именно те, которые содержат уникальные материалы.

Заимствования из «Казанского летописца» в «Истории Российской» довольно многочисленны. Едва ли не самым примечательным с художественно-эстетической стороны является преломление известий «Казанской истории» в татищевском рассказе о московско-казанском конфликте 1505–1507 гг.

Этот рассказ читается в конце 1 (57) и начале 2 (58) главы 4 части «Истории Российской». Татищевский нарратив скомпилирован в этом месте из двух источников: «Казанского летописца» и Никоновской летописи, чей XV Академический список лег в основу текста 3 и 4 частей «Истории Российской».

У каждого из этих двух источников – Никоновской летописи и «Казанского летописца» – свой взгляд на события и собственные герои. В Никоновской летописи «царь» Мухаммед-Амин присылает Ивану III грамоту «о некоих делех князя городного Шаиныуфа». Иван III «по своему крепкому слову» отправляет в Казань Михаила Кляпика, с тем чтобы он «тем речем всем не потакал». 24 июня 1505 года «безбожный и зловерный царь Магамед-Амень Казанский» поимал посла Михаила Кляпика, «и людей великого князя торговых поимал, да иных секл, а иных пограбив, розослал в Нагаи» (ПСРЛ. Т. 12, 1901. С. 259). В Казанском же летописце главным действующим лицом является супруга казанского «царя», которая, «яко прелукавая змея», склонила мужа к выступлению против Москвы (ПСРЛ. Т. 19, 1903. С. 228–230). Ни Кляпика, ни Шаиныуфа «Казанская история» не знает.

В «Истории Российской» оба вышеназванных нарратива объединены, причем сделано это с немалым художественным мастерством. У Татищева главная героиня обретает имя – Урбеть. В ее речах появляется дополнительный посыл – она не только подбивает мужа отложиться от великого князя, но и вспоминает времена, когда татары «Русью владяху и дани взимаху полетнии». Мухаммед-Амин поначалу лишь «ужасается» его словам. Тогда Урбеть клевещет на преданного Ивану III князя Шаиныуфа. Татарский «царь» доносит на Шаиныуфа Ивану III. Тот посылает в Казань Михаила Кляпика с приказанием доставить Шаиныуфа в Москву «за сторожею». Урбеть опасается, что с приездом Кляпика ее обман вскроется. Она запугивает мужа, уверяя его, что московский князь намеревается его извести, а Казань населить русскими. Устрашенный Мухаммед-Амин по ее совету собирает казанских вельмож.

Вельможи «не ведусче льсти тоя, и возопиша, да избиют всю русь». Чтобы никто не сумел спастись, по торговым путям рассылают заставы (видимо, это отражение известия, имевшегося у Татищева Чертковского списка Владимирского летописца, что русские торговые люди, успевшие было убежать за Волгу, были «по дорози» перебиты черемисами – см.: ПСРЛ. Т. 30, 2009. С. 140). Тут происходит дополнительный поворот сюжета: неизвестный источникам князь Алачай, с которым Иван III гуманно обошелся в плену, из благодарности предупреждает об опасности Кляпика. Тот успевает отослать из Казани своего сына, которому удается предупредить некоторых русских купцов – видимо, чтобы было кому рассказать в Москве о случившемся. «Нечестивый клятвопреступник Махмет-Аминь» лично режет русских гостей на казанском базаре. Иван III, узнав о казанских событиях, собирается в поход, но затем откладывает его до весны (Татищев, 2018а. С. 121–123).

Этот рассказ, как и весь текст первой редакции «Истории Российской», написан стилизованным под летопись языком. Однако ни в каком из источников ничего похожего на это беллетризованное повествование нет. Те летописи, которые упоминают о Шаиныуфе и Кляпике (Никоновская, 2 Софийская, Воскресенская, Львовская), ничего не знают о происках казанской «царицы». Автор же «Казанского летописца», сделавший «царицу» центральной фигурой заговора, молчит о Шаиныуфе и Кляпике. Татищевский рассказ, таким образом, совершенно не вписывается в какую-либо летописную традицию. Зато он очень похож на исторические нарративы Нового Времени, созданные путем компиляции разнородных источников.

В этом отношении примечательно, что рассказ о событиях 1505 г. у М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина сходен составом действующих лиц с татищевским, несмотря на то, что с 4 частью татищевского труда ни Щербатов, ни Карамзин знакомы не были (рукопись 4 части была найдена Погодиным только в 1843 г.). Сходство обусловлено идентичностью как источников (Никоновская летопись, «Казанский летописец»), так и методов Татищева, Щербатова и Карамзина (комбинирование известий по принципу «ножниц и клея»). (Щербатов, 1783. С. 355–358; Карамзин, 1842. С. 208–209).

После Карамзина историки большей частью не доверяли «Казанскому летописцу», по крайней мере, на словах. С. М. Соловьев, считая его источником «мутным», все же повторил версию о «нашептываниях» жены как об одной из причин измены Мухаммед-Амина (Соловьев, 1989. С. 70, 365). Более близкий к нам по времени пример амбивалентного отношения к «Казанскому летописцу» продемонстрировал С. Х. Алишев. С одной стороны, он высмеивал этот источник, называл его автора «изощренным фанатиком», с другой – сам же следовал ему (а также Татищеву) и писал о «свободолюбивой» и «властной» Урбет, которая «играла важную роль в умонастроении самого хана». От себя Алишев домыслил, что

Мухаммед-Амин посещал Урбет в Вологде и влюбился в нее, поскольку она обладала красивым лицом и «изящной, грациозной фигурой» (Алишев, 2001. С. 17, 38, 39).

Между тем, трудно не заметить книжное происхождение этого образа. Злая жена, подбивающая мужа на преступные деяния – это древний и популярный архетип, отраженный в бесчисленном множестве произведений, в том числе в Библии. Еще Кунцевич обратил внимание, что приводимое автором «Казанской истории» сравнение «царицы» с червем, точащим сладкое дерево, заимствовано из древнерусской «Пчелы», где оно приписано Соломону (Кунцевич, 1905. С. 257; Семенов, 1893. С. 418).

Автор «Казанского летописца», как и многие древнерусские книжники, выстраивал свое повествование на основе реминисценций из библейских книг (Аксанов, 2017). В данном случае можно с уверенностью утверждать, что рассказ об избиении русских по наветам «царицы» был сконструирован по образцу истории об Ироде и Иродиаде. Поводов к этому было более чем достаточно: во-первых, Мухаммед-Амин, подобно Ироду, женился на супруге брата (правда, в отличие от Ирода, он не отнимал супруги у еще живого брата, но в глазах православного книжника левират сам по себе уже выглядел предосудительным), во-вторых – казанская резня пришлась на день Рождества Иоанна Предтечи, убитого Иродом по наущению супруги.

Популярности сюжета об Иродиаде способствовало «Слово о злых женах» Иоанна Златоуста (Иоанн Златоуст…, 1998. С. 59). Обличение Златоустом злой жены начальника, которая «день и ночь нашептывает ему про убийства и козни, как Иродиада Ироду», имеет соответствие в тексте «Казанского летописца»: «И начать… шептати во уши царю, день и нощь, да отложится от великаго князя» (ПСРЛ. Т. 19, 1903. С. 228).

Автор «Казанского летописца» прямым текстом указывает источник своего вдохновения, когда описывает смерть Мухаммед-Амина: «И зле царь тои Махъметемин житие свое сконча, жив червми снеден бысть яко детуубийца Ирод» (ПСРЛ. Т. 19, 1903. С. 240). Упоминание об Ироде-детоубийце поясняет, почему резня 1505 г. сравнивается в «Казанской истории» с избиением младенцев в Вифлееме. Казанские события даже страшнее: ведь в Вифлееме убивали только младенцев, «зде же состаревшиеся мужи, и жены, и юноша младыя, и красныя отроковица, и младенца вкупе убивахуся» (ПСРЛ. Т. 19, 1903. С. 229). Очевидно, автор «Казанской истории» смешал трех Иродов: Ирода Великого, ответственного за избиение младенцев, Ирода Антипу, обезглавившего Иоанна Крестителя, и, наконец, Ирода Агриппу, который «быв изъеден червями, умер» (Деян. 12:21-23). Удивительно ли, что накануне смерти Мухаммед-Амина поражает традиционная библейская кара – проказа (ПСРЛ. Т. 19, 1903. С. 237). Умирая в муках, покинутый вельможами и собственной женой, он обречен на «огнь вечный», хотя и успевает покаяться перед Василием III. К его супруге автор Казанского

летописца не менее суров: он заставляет ее отравить саму себя смертным зельем (ПСРЛ. Т. 19, 1903. С. 240).

Татищеву все эти библейские аллюзии доверия не внушали, и в его текст не попали ни предсмертное раскаяние прокаженного Мухаммед-Амина, ни самоубийство его «бодомой совестью» супруги. Вместо этого Татищев попробовал угадать ее имя. Это была не первая попытка такого рода. В имевшейся в татищевской библиотеке Латухинской Степенной книге супруга Мухаммед-Амина названа Большицей (Сиренов, 2010. С. 485; Латухинская Степенная…, 2012. С. 108). Происхождение этого домысла очевидно: автор Латухинской Степенной принял указанный в «Казанском летописце» статус супруги («болшица», т. е. старшая жена) – за личное имя. Но откуда Татищев взял имя «Урбеть» – понять невозможно. Не посчитал ли он имя «Большица» калькой с татарского и не попытался ли дать обратный перевод – в меру своих познаний в татарском языке (напр., «зур» – большой и «бит» – лицо)? Ясно только, что Татищев ошибся: как явствует из посольских книг, супруга двух казанских ханов – Ильхама и Мухаммед-Амина – носила имя Каракуш (Посольские книги…, 1995. С. 50, 52).

Поход Мухаммед-Амина на Нижний Новгород тоже изложен Татищевым по Никоновской летописи и «Казанскому летописцу», а все читающиеся у него «уникальные» известия – попытки извлечь дополнительную информацию из получившейся амальгамы (ПСРЛ. Т. 12, 1901. С. 259; Т. 19, 1903. С. 230–233; Татищев, 2018а. С. 123–124). Например, численность казанского войска – 40 000 – получена путем вычитания из общего числа имевшихся у «царя» сил (60 000) пришедших к нему на помощь ногайцев (20 000). В то же время, ратные силы воевод, посланных на помощь, но не решившихся вступить в бой с татарами, были уменьшены со 100 до 60 тысяч: Татищев был склонен при описании неудачных походов преуменьшать силы русских. Чтобы несколько сгладить у своих читателей негативные впечатления от нерешительности воевод, Татищев привел неизвестные источникам данные о больших потерях казанцев (5000 человек). Все эти данные о численности войск, потерях, о продолжительности осады совершенно недостоверны (Несин, 2019. С. 489; Илюшин, 2018).

Начало похода казанцев на Нижний Татищев дал по Никоновской летописи – в сентябре, окончание же (6 октября) рассчитал, опираясь на сведения «Казанской истории», согласно которой «царь» осаждал город 30 дней (по Никоновской летописи он «на третий день от града побеже»). Зная о скорой смерти великого князя, Татищев поделился своим знанием с Мухаммед-Амином, который решился на нападение, «ведый, яко князь великий Иван Васильевич во изнеможении плоти своея». Тяжелая болезнь Ивана Васильевича придала дерзости не только татарам, но и русским воеводам, посланным на помощь Нижнему: если в

Казанском летописце их пассивность объяснялась трусостью, то у Татищева они «видевше князя великого изнеможение», предпочли боевым действиям пьянство. Этот татищевский домысел некритично повторили Р. Г. Скрынников и Н. С. Борисов (Илюшин, 2018. С. 40).

В «Казанском летописце» рассказывалось об участии в обороне Нижнего Новгорода 300 литовских жолнеров, плененных при Ведроше. Отталкивая от слов «Казанской истории» («изомроша бо мнози в темницах»), Татищев домыслил, что изначально их было 500, но к моменту нападения казанцев в живых осталось 300. У Татищева литовцам уже перед сражением обещали свободу, которой они, однако же не поспешили воспользоваться – большинство их предпочло остаться в России (в «Казанском летописце» пленники отправляются «во своя си»). За это Татищев позволил им посмеяться над незадачливыми воеводами, которые «после рати храбры».

Еще одна драматичная подробность, которая читается только у Татищева – казнь вероотступника, взятого в плен во время вылазки из города: его «за ноги жива привязаша, за град со стены на бревна свесиша». Без сомнения, если бы подобный вероотступник попался бы в руки Татищеву, он тоже поступил бы с ним достаточно сурово.

В «Казанском летописце» рассказывается, как выстрелом из пушки был убит ногайский мурза, шурин Мухаммед-Амина. Татищев опустил красочные подробности меткого выстрела, зато повысил его эффективность: в «Истории Российской» царский шурин (которого Татищев произвел из мурз в «салтаны») погибает не один, но «со иными князи».

Поход на Казань 1506 г. Татищев изложил по Никоновской летописи. Живописными и недостоверными подробностями Казанского летописца он не соблазнился, но зато добавил собственное уникальное известие – о гневе Василия III на воевод, об их жалобе на князя Дмитрия Жилку, который «не слуша, и воевод излаял и, сделав худо, к Москве не иде, а иде прямо на Углич», об аресте и заключении Жилки в Переяславле (Татищев, 2018а. С. 127). По рассказу Никоновской летописи, неосторожные действия Дмитрия Жилки дважды привели к тяжелому поражению московских ратей. Не найдя в Никоновской летописи упоминаний о Дмитрии Жилке после 1506 г. вплоть до его смерти в 1521 г., историограф счел вероятным, что за свое головотяпство князь подвергся заключению. На самом деле Дмитрий Жилка после неудачного похода стоял в Нижнем Новгороде, в 1510 г. был на своем уделе в Угличе, а в 1512–1514 участвовал в войне с Литвою (Разрядная книга…, 1966. С. 37, 44, 48, 49, 51, 54).

Окончание конфликта в 1507 г. дано у Татищева практически дословно по Никоновской летописи (Татищев, 2018. С. 128–129; ПСРЛ. Т. 13, 1904. С. 5).

Как видим, Татищев щедро дополнил «Казанский летописец» собственными реконструкциями. В тех случаях, когда Татищева можно проверить (авторство Глазатого, имя Урбеть, заключение Дмитрия Жилки) его догадки недвусмысленно опровергаются. В этом еще

не было бы большой беды, если бы он оговаривал гадательный характер своих дополнений и не представлял бы их нарочито архаизированным языком, выдавая за текст аутентичного источника. Попытавшись в начале работы над «Историей Российской» писать ее «гисторическим порядком», Татищев уже при составлении 1-й редакции отказался от него в пользу порядка сводно-летописного. Фактически он вернулся к манере работы поздних летописцев XVI–XVII вв., переняв, среди прочего, их склонность дополнять текст домыслами с целью сделать повествование более согласованным, гладким, наконец, что немаловажно – занимательным. Целесообразно ли использовать татищевский нарратив в качестве исторического источника – вопрос, как представляется, праздный.

Список источников и литературы

Аксанов А. В. Русские летописи о московско-казанских отношениях: опыт герменевтического исследования // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5., №1. С. 138–148.

Алишев С. Х. Источники и историография города Казани. Казань, 2001. 76 с.

Илюшин Б. А. «Война лета 7014». Московско-казанский конфликт 1505–1507 гг. Нижний Новгород: Стимул-СТ, 2018. 128 с.

Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков. Каталог гомилий. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 215 с.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Изд. 5. Книга 2. Т. 6. СПб., 1842. 228 с., разд. паг.

Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905. 682 с.

Латухинская степенная книга. 1676 год. М.: Языки славянской культуры, 2012. 881 с.

Моисеева Г. Н. Автор «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 266–288.

Описание рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР. Т. 3. Вып. 1. 2-е изд. М., Л.: Изд-во Акад. Наук, 1959. 707 с.

Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. 10. С. 432–491. <http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin_13> (27.02.2019).

Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864. 66 с.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853. 358 с.

ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1901. 266 с.

ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1904. 302 с.

ПСРЛ. Т. 19 (а). История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903. 546 с.

ПСРЛ. Т. 19 (б). История о Казанском царстве. Изд. 2-е. М., 2000. разд. паг. (IV–XI, 328 с.).

ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 272 с., разд. паг.

Посольские книги по связям России с Ногайской ордой. 1489–1549 гг. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. 360 с.

Разрядная книга 1475–1598. М.: Наука, 1966. 615 с.

Семенов В. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук 1893. Т. 54, № 1. 444 с.

Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII веков. Альянс-Архео. М., СПб., 2010. 545 с.

Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 3. Т. 5–6. История Российская с древнейших времен. М.: Мысль, 1989. 783 с.

Татищев В. Н. Записки. Письма. М.: Наука, 1990. 440 с.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 1. М.: Академический проект, 2016. 403 с.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 6. М.: Академический проект, 2018 (а). 557 с.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 7. М.: Академический проект, 2018 (б). 579 с.

Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 1. М.: Академический проект, 2016. С. 46–64.

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 2. СПб. 1783. 544 с.

DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2-8

А. А. Инжутов
МБУК «Шатковский музей», директор
al.injutow2010@yandex.ru

КАЗАНСКИЙ ПОХОД 1547–1548 ГГ. ХРОНОЛОГИЯ ПОХОДА. МАРШРУТЫ ДВИЖЕНИЯ ВОЙСК

В статье рассматриваются события первого похода царя Ивана IV на Казань зимой 1547/1548 года, исследуется маршрут движения войск, локализуются территории, упоминаемые в источниках в связи с походом.

Ключевые слова: XVI век, Иван IV Грозный, Казанская война, сакма.

Противостояние между Москвой и Казанью в середине 40-х гг. XVI в. ознаменовалось новым витком борьбы, выразившимся со стороны Москвы в систематических походах на Казань с целью силового подчинения Казанского ханства. Венчавшись на царство в январе 1547 г., Иван IV принял личное участие в зимнем походе 1547–1548 гг. Решение идти в поход на Казань в зиму 1547–1548 гг. было принято осенью 1547 г. Иваном Васильевичем совместно «с митрополитом и з братиею и з бояры» (ПСРЛ, Т. XIII. С. 155).

В числе подготовительных мероприятий был объявлен сбор посошных людей. Б. А. Илюшин сделал вывод, что посохи требовалось немалое количество (Илюшин, 2022. С. 188–189). 10 октября была подписана указная грамота Ивана Васильевича городовым приказчикам о запрещении нарушения жалованной грамоты Троице-Сергиева монастыря, согласно которой крестьяне монастыря освобождались от посошной службы. Как следует из текста грамоты, городовые приказчики набирали по два человека с сохи (конного и пешего) и со слобод с 10 дворов по конному человеку, в том числе и с крестьян Троице-Сергиева монастыря. То есть мобилизация крестьян осуществлялась за какой-то период до 10 октября, т.е. в сентябре месяце. Грамота свидетельствует как об обширной территории, где находились владения монастыря, так и о городах с уездами, откуда осуществлялась мобилизация посошных людей: Переславль, Ростов, Кострома, Ярославль, Романов, Пошехонье, Гороховец, Балахна, Нижней Новгород, Юрьев, Суздаль, Владимир, Муром, Дмитров, Тверь, Углич, Кашин, Бежецкий Верх, Торжок, Старица, Верея, Боровск, Ярославец, Серпухов, Коломна, Волок, Галич, Радонеж (Указная грамота царя Ивана IV Васильевича…).

Сбор посохи, как считает Н. В. Белов, был необходим для транспортировки орудий «большого наряда», вес которых мог достигать нескольких тонн, что подтверждается и миниатюрами Лицевого летописного свода, иллюстрирующих поход 1547–1548 гг., на которых «помещенные на волокуши (сани?) гигантские пищали тянет на лямках группа людей» (Белов, 2019. С. 81).

На Казань планировалось двигаться двумя колоннами. Одна колонна формировалась во Владимире, куда 20 ноября 1547 г. из Москвы были направлены воеводы во главе с князем Дмитрием Федоровичем Бельским. Другим местом сбора войск являлась Мещера. Из Мещеры должен был отправиться касимовский царевич Шах-Али вместе с другими воеводами во главе с князем Владимиром Воротынским. Местом встречи войск было назначено устье реки Цивиль (ПСРЛ, Т. XIII. С. 155).

Не вдаваясь в детали вопроса тождества города Мещеры и Царевичева городка (Мещерского городка, Касимова), отметим, что в XVI в. Мещерский уезд с центром в г. Мещера представлял административную-территориальную область Московского государства, управляемую московскими великими князьями, а Касимовское царство с центром в Касимове управлялось касимовскими царями и царевичами (Акчурин, Ишеев, Абдиев, 2021. С. 41–42). Возможно, по предположению П. Н. Черменского, Мещера была соседним городом, расположенным на месте нынешнего Старого Посада, отстоящего от центра современного Касимова на 2,5 км, затем оба города слились (Черменский, С. 172–174; Акчурин, Ишеев, Абдиев, 2021. С. 41–42).

Царь со свитой с братом князем Юрием Васильевичем, князем Дмитрием Федоровичем Палецким, окольничим и дворецким Данилой Романовичем Юрьевым, окольничими Федором Михайловичем Нагова, Григорием Васильевичем Морозовым, Федором Григорьевичем Адашевым и другими отправился из Москвы во Владимир 11 декабря (РК 1605. С. 342). Первый стан был в Танинском – дворцовом селе на Яузе. Всего станов до Владимира было 12. Летописи сообщают, что царь пришел во Владимир «того же месяца 20, в четверток» (ПСРЛ, Т. XIII. С. 155), хотя в 7056 сентябрьском году 20 декабря приходилось на вторник. Соответственно, 22 декабря приходилось на четверг. Эта же дата получается, исходя из расчета станов: 11-го – 1 стан, 22-го – 12 стан. Наконец, данные разрядной книги показывают, что Иван Васильевич «в Володимер пришол в четверг за три дни до Рожества Христова» (РК 1605. С. 343), т.е. 22 декабря. Таким образом, средняя скорость передвижения царской свиты составляла в среднем 15–16 км в день.

Пушечный и пищальный наряды отправились из Москвы следом за Иваном Васильевичем, но из-за погоды достигли Владимира только после крещения, т.е. после 25 декабря с великой нуждой, потому что шли «дожди многие» и не было снега (ПСРЛ, Т. XIII. С. 155). Таким образом, средняя скорость движения артиллерийских нарядов составила не более 12 км в день.

Во Владимире в полки первоначально были назначены следующие командующие:

Большой полк: князь Дмитрий Федорович Бельский с князем Данилой Дмитриевичем Пронским.

Передовой полк: князь Александр Борисович Горбатый с князем Василием Федоровичем Лопатиным Оболенским.

Полк правой руки: князь Иван Михайлович Шуйский и князь Василий Семенович Серебряный.

Полк левой руки: князь Иван Шемяка Васильевич Пронский и князь Давид Федорович Палецкий.

Сторожевой полк: Иван Петрович Федоров Челяднин и князь Семен Иванович Гундоров (РК 1605. С. 343–344).

Погодные условия стали причинами участившихся случаев заболеваний, в том числе и командиров полков. Во Владимире были отпущены в Москву для лечения из-за болезни боярин Иван Петрович Федоров Челяднин и воевода князь Василий Лопатин Оболенский. В сторожевом полку на место И. Челяднина был назначен князь Семен Васильевич Ростовский, в передовом полку на место В. Ф. Лопатина Оболенского был назначен из полка левой руки князь Д. Ф. Палецкий, соответственного, на место Палецкого в полк левой руки был назначен князь Василий Семенов сын Мезецкий. По прежней росписи остались большой полк и полк правой руки (РК 1605. С. 344).

Лишь 8 января Иван IV отправился в Нижний Новгород. По данным разрядной книги, царь отправился в Нижний «в другую неделю по крещенье господни» (РК 1605. С. 343). Путь войска пролегал на Гороховец и далее на Балахну. Здесь важно отметить, что на Нижний Новгород от Гороховца существовало два древних пути. Один, с переправой через Оку выше устья Клязьмы через так называемый Лисёнский или Лисёнковский перевоз и далее через Горбатов по правому берегу Оки. Этот путь подробно рассмотрен И. А. Кирьяновым (Кирьянов, 1983. С. 40). Другой путь на Нижний шел от Гороховца через Балахну. В «Книге Большому чертежу» отмечено «А на другую сторону от Гороховца 50 верст на Волге город Балахна» (Книга Большому чертежу. С. 125). Этот путь сквозь леса, возможно, был более благоприятен в зимнее время, когда замерзали болота. Ответвление дороги от Гороховца через Клязьму в направлении Балахны обозначалось на «Генеральной карте Владимирской губернии 1802 года» и других картах Владимирской губернии начала XIX в. (путь на север и северо-восток от современной М7 уходил от с. Золино на Разбойное болото). Продолжение пути на Балахну на картах Нижегородской губернии начала XIX в. также обозначалось, но не на всех. Дорога от Гороховца на Балахну как единое целое присутствует на Столистовой карте Российской империи 1804–1816 гг. (Столистовая карта Российской империи 1804–1816 гг.).

Вместе с царем отправились к Нижнему Новгороду Государев полк с большим нарядом и Сторожевой полк. Большой наряд возглавлял боярин Василий Дмитриевич Шеин и Яков Андреевич Салтыков. Оруженосцами у государя были: «у большога саодака князь Иван

Федорович Мстисловской да Семен Васильевич Яковлев, Иван Петрович Яковлев, да Микита Романович Юрьев, да Федор Иванов сын Умного Колычов, Олексей Федоров сын Одашев» (РК 1605. С. 345). Во Владимире был оставлен брат царя князь Юрий Васильевич «для козанских людей приходу» (РК 1605. С. 343). Согласно летописи, в Нижний Новгород царь прибыл 26 января (ПСРЛ, Т. XIII. С. 155). В Разрядной книге сообщается, что «царь и великий князь пришол в Нижней Новгород в четверьх на всеедной недели, февраля в 2 день» (РК 1605. С. 346). Там же указано, что станов до Нижнего у царя было 11 (РК 1605. С. 343). Маловероятно, что царь пришел в Нижний 2 февраля, т.к. этой датой отмечено дальнейшее выступление Ивана IV из Нижнего. Также простой подсчет показывает, что 11 станов не соответствует времени с 8 января до 26-го. Между этими датами должно быть не менее 19 станов. В этом временном интервале выходит, что в среднем, в день войска проходили всего 12 км (расстояние 230 км). Необыкновенно теплая зима влияла на скорость движения войска.

Большой полк, полк Правой руки и Передовой полк следовали в Муром. В Муроме до их прихода уже был сформирован полк Левой руки. Из Мурома полки Д. Ф. Бельского должны были двигаться к Казани прямо на Тёшу: «А из Мурома государь князь великий велел итить воеводам своим большому полку и передовому полку, и правой, и левой со всеми людьми х Козани прямо на Тешу» (РК 1605. С. 345), «А на Теше велел снимятися с царем Шиголеем и с мещерскими воеводами» (РК 1605. С. 345).

Таким образом, хорошо известное место на Тёше было назначено местом встречи полков, следовавших от Мурома и из Мещеры. Оттуда, согласно новому сообщению разрядной книги, войска должны были направиться на встречу с царем в Лыскове: «А с, собою государь князь великий велел снимятися им на Лыскове» (РК 1605, С. 345). Согласно же самому раннему указанию в разрядной книге, встреча полков с царем планировалась на Цивили.

Н. В. Белов заметил, что непростые погодные условия заставляли московское командование неоднократно менять пути следования войск, отдавая все новые и новые распоряжения (Белов, 2019. С. 80). Далее в Разрядной книге приводится корректировка маршрута, где вновь подтверждается следование мещерских полков до Цивили: «А из Мещеры велел государь итить х Козани же на Тешу царю Шиголею; а шол он горнею стороною до Цывили. А с царем Шиголеем воеводы были по полком из Мещеры» (РК 1605. С. 345). Путь до Тёши осуществлялся напрямую от Мещеры, не заходя в Муром: «А шел царь Шигалей и царя и [великого князя] воеводы из Мещеры [прямо х Казани], не замая Мурома, [на три остро]вы да на Тешу» (Продолжение Хронографа редакции 1512 г., С. 294).

Из-за частых корректировок маршрута войск, приведенных в разрядной книге, становится не совсем понятным маршрут полков Д. Ф. Бельского после Мурома. Даже если

войска выступили также 8 января из Владимира, то при движении 12 км в день, расстояние в 120 км войска преодолели бы за 10 дней и прибыли бы в Муром около 17 января. Дальнейший путь предполагал движение на Саконы и на Тёшу для встречи с войсками Шах-Али и В. И. Воротынского: «А велел князь великий царю Шиголею, а с ним воеводам своим со всеми людьми итить х Козани на Сакону да на Тешу а сниматися с собою велел ему на Цывили» (РК 1605. С. 346).

В это же время, а возможно и чуть раньше, так как путь от Касимова был длиннее, отправились полки В. И. Воротынского и отряды Шах-Али. Состав командования полков, отправившихся из Мещеры, был следующим. В Большом полку князь Владимир Иванович Воротынский. В Передовом полку князь Юрий Иванович Кашин Оболенский. В Правой руке князь Михаил Иванович Воротынский. В Левой руке князь Василий Иванович Осиповский Стародубский. В Сторожевом полку Борис Иванович Салтыков. Формально рать возглавляли царь Шах-Али (в приставах князь Федор Андреевич Прозоровский) и астраханский царевич Едигер (Ядгар-Мухаммед) (дальний родственник Шах-Али, находившийся на службе у Ивана Васильевича). В приставах у Едигера был князь Иван Михайлов сын Хворостинин. И у Шах-Али и у Едигера также были в подчинении свои отряды. Еще один отдельный отряд служилых татар возглавлял воевода Иван Ильин сын Челищев (РК 1605. С. 346).

Видимо, из Мурома полки Д. Ф. Бельского не пошли на Тёшу, а отправились на встречу с войсками Ивана IV по направлению к Нижнему Новгороду. Разрядная книга не проясняет этот эпизод, но по дальнейшим ее сообщениям окажется, что на Тёше рати Д. Ф. Бельского и Шах-Али не встретились, т. к. полкам под командованием Д. Ф. Бельского будет приказано встретиться с Шах-Али на р. Цивиль, и там же командование мещерских полков должно будет поступить под начало полков Д. Ф. Бельского. Из Мурома в Нижний Новгород полки могли выступить по дороге, пролегавшей по правому берегу Оки и прибыть в Нижний 29–30 января (расстояние 150 км при средней скорости 12 км в сутки), т.е. хронологически они успевали выступить совместно с Иваном IV уже из Нижнего.

Никоновская летопись сообщает, что из Нижнего Новгорода царь выступил 2 февраля, «в четверток», в праздник Сретения Господня (ПСРЛ, Т. XIII. С. 155). Иная дата выступления (9 февраля) содержится в разрядной книге: «И февраля неделго спустя после стретеньева дни князь великий пошол из Нижнева на свое дело х Козани» (РК 1605. С. 346).

Первой стан был на Ельне, двадцать верст от Нижнего Новгорода (в летописи 15 верст) другой стан – «на Работке», сорок верст от Нижнего Новгорода (в летописи: «а назавтре, в пятницу, прииде на остров Работку» (РК 1605. С. 347; ПСРЛ, Т. XIII. С. 155)).

Царь пришел на Работку в пятницу 3 февраля. Из-за начавшейся оттепели вода покрыла лед на Волге, пушки и люди проваливались под лёд и тонули. Стоял на Работке государь три дня с 4 по 6 февраля, что подтверждается дальнейшей хронологией.

«И пришол государь на Работку на заговельной недели в пятницу да тут стоял на Работки три дни того для, что пришла теплота великая, с норядом Волгою итить нельзя, Волга не подымет (РК 1605. С. 347).

«И некоим смотрением Божиим приде теплота велика и мокрота многая, и весь лед покры вода на Волзе, и пушки и пищали многие проваляшеся в воду, многая бо вода речная на лед наступи, и никакожу по леду никому поступити невзможно и многие люди в продушинах потопоша, занеже под водою продушин не знати. И стоял царь и великий князь на острове Роботке три дни, ожидая путнаго шествиа и никакоже путь не обретеся» (ПСРЛ, Т. XIII. С. 155).

Кроме неопределенного топонима Работка в разрядной книге по Щукинскому списку и летописного – остров Работка, разрядная книга по Уваровскому списку сообщает о приходе войска «на речку Работку» (РК 1598. С. 114). Речка Работка дала название селу, о существовании которого в конце XVI – первой четверти XVII в. свидетельствуют письменные источники, отмечая и его местоположение «На реке на Волге на устье речки Работки» (Белов, 2019. С. 78; Материалы по истории Нижегородского края…, 2015. Ч.1. С. 1026). Между тем, сведений о существовании населенного поселения Работки во время похода нет. Подробно обстоятельства появления топонима «остров Работка» в русском летописании рассмотрел Н. В. Белов (Белов, 2019. С. 77–79). Он же и указал, что стан государя располагался у устья Работки (Белов, 2019. С. 80). Неопределенно, шло ли войско берегом или по волжскому льду, причем в то время, когда уже была оттепель. Что же касается артиллерии, то она перевозилась по льду, т.к. отсутствие снега и сложный рельеф волжского правого берега, по выводу Н. В. Белова, не оставлял выбора московскому командованию (Белов, 2019. С. 81). Об этом свидетельствуют и сообщения о провале под лед пушек и пищалей, гибели в продушинах людей. В первую очередь, видимо, это были посошные люди, перевозившие пушки.

В то же время «мещерские полки» продвигались к Тёше, преодолевая разлившиеся малые речки. На Тёше они появились «в четверг на заговейной неделе», т. е. 2 февраля (РК 1605. С. 347). Царь Шах-Али как формальный глава войск, отправил к Ивану IV на Работку с сообщением сына боярского мещеренина Григория Елизарьева сына Велина: «И прислал к царю и великому князю с Теши царь Шиголей на Работку сына боярского, мещеренина Григорья Елизарьева сына Велина, что царь Шиголей, а с ним воеводы великого князя пришли на Тешу в четверг на заговейной недели, дал бог, здарова, со всеми людьми, а итить им истомна: пришла теплота великая, а речки малые все испортило» (РК 1605. С. 347).

Где же могло быть место на Тёше, где, согласно сообщениям рязрядной книги, должна была произойти встреча полков, и где достоверно остановился Шах-Али?

Походы из Мурома через Поле большей частью осуществлялись по древней сакме сначала за Муромский, он же Саканский лес на Саконы, видимо в то время город (в 1552 г. города уже не будет, царь остановится на Саканском городище) и далее на Тёшу. Направление дороги от Мурома к Тёше и далее в междуречье Пьяны проследил Е. И. Парадеев в исследовании «Пара слов о Царевой сакме» (Парадеев, 2019). Эта же дорога использовалась и при нападении татарских отрядов на Муром и муромские места. В работе «О становлении Арзамаса» Е. Парадеев высказал предположение, что встреча войск из Мурома и из Мещеры должна была произойти на берегах Тёши в том месте, где исторически был проход сакмы через Собакинский лес, то есть в районе современного п. Красный Бор, ранее Собакино (Парадеев, 2020. С. 32). О том, что древняя сакма переходила Тёшу в этом месте, впервые высказался автор в 2003 г. (Инжутов, 2003). С тех пор и Е. Парадеев, и автор, нашли достаточно свидетельств о переправе сакмой р. Тёша у п. Красный Бор и дальнейшего ее пересечения Собакинского леса.

Сакма у с. Собакино упоминается при дозоре 1601 г. в Собакинском лесу Долгих полян. Здесь же протекала речка Рзянка, около которой находились сенные покосы пасьяновской (пакстяновской) мордвы: «От реки от Теши вниз по речке по Рзянке до большие дороги до сакмы» (Арзамасские поместные акты *(далее – АПА)* ... С. 201). Речка Рзянка (Арзинка, Вырзенка) – правый приток Тёши, впадает в Тёшу напротив Собакина (Красного Бора). Обозначена на карте Степана Орликова и геодезиста Ивана Шеховского коллекции Делиля «Territoire d'Arzamas» 1730 г. Карта на французском языке и речка подписана как Vyrzenka, ее левый приток Kapouchka (Карта Territoire d'Arzamas). На карте Арзамасской провинции из собрания карт Кириллова (1722–1737 гг.) эти же реки подписаны как Вырзенка и Капушка (Карта Арзамасской провинции). На плане Генерального межевания была подписана только Капушка с добавлением согласной – Капкушка. Как верховья, так и низовья Рзянки достаточно близко подходят к тому месту, где, согласно плана Арзамасского уезда 1798 г. и плана Генерального межевания дачи с. Собакино, пролегала дорога от Собакино, которая предположительно отдельными сегментами совпадала с сакмой [Генеральный план Арзамасского уезда]. Часть современной асфальтовой дороги также лежит близко к древнему пути. Мост на большой Алатырской и Курмышской дороге через Тёшу в Собакино в начале XVII в. был у устья Песочного оврага (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623, 2022. С. 49). Между этим оврагом и устьем Рзянки и пролегала сакма по достаточно удобному подъему на этом участке правобережья Тёши далее на восток. Далее в лесу за Тёшей упоминается большая «Курмышская и Олаторская дорога», по обе стороны которой

располагалась поляна Керзаткужа (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623, 2022. С. 49). Название Керзаткужа созвучно с названием бортного угодья пасьяновской мордвы – Керзатовского ухожая: «Да у них же полянки в сенных покосех в Керзатовском ухажае в Собакинском лесу за дорогою в черном лесу полянка Ракслейкужа на речке на Расклее и до усть речки Ракслея по Келе сена ставитца сто копен, в том же лесу на реке на Ужторксе полянка Ужторкса по обе стороны речки Ужторксы сена дватцеть копен» (Список списка с Писцовых книг Арзамасского уезду. Л. 122 об). «За дорогою», видимо, имелось ввиду с левой стороны от дороги при движении на восток. Речка Ужторкса впоследствии будет переведена с мордовского (укштор – клен) и будет фигурировать как Кленовка.

Именно на сакме, которая получила второе название «большая Курмышская и Алаторская дорога», на выходе из обширного лесного массива с его восточного края, при строительстве засечной черты и были поставлены Собакинские ворота, относящиеся территориально к Курмышскому уезду. Место нахождения Собакинских ворот – к юго-западу от с. Медынцево между р. Кевсой и ее притоком рч. Кленовкой, установлено при изучении копии дела Государственной вотчинной коллегии об отмежевании имения графа Михаила Илларионовича Воронцова – сёл Новый усад и Собакино с деревнями, доставшимися в приданое за женой от других помещиков Арзамасского уезда (Инжутов, Парадеев, 2023; ЦАНО. Ф. 759. Оп. 1. Д. 7а).

В деле есть указания и о прохождении дороги через лесной массив. Гнилой овраг «вышел» от Собакинской дороги, и его верховья находились около Глухой поляны Арзамасского уезда, т.е. к юго-западу от ворот. Название Глухой сохранилось в отношении оврага, отмеченного на плане Генерального межевания, и располагавшегося юго-западнее верховий Гнилого. Ту же Собакинскую дорогу при отводе земли крестьяне называли «Курмышской и Алаторской» или «старой Курмышской и Алатырской», т.е. эта именно та бывшая сакма, на которой и были поставлены Собакинские ворота. Дорога пролегала через верховья Гнилого оврага: при движении от ворот в сторону Собакина она отклонялась на запад к рч. Кленовке. По этой дороге крестьяне с. Собакино указывали межу своих земель, начиная от водораздела между Кевсой и Кленовкой с расстоянием до Кленовки в 1 600 саженей (3,4 км) и далее на запад/юго-запад за Кленовку в сторону своего села на расстояние 2 600 саженей (5,6 км). По «старой Курмышской и Алатырской дороге» крестьяне провели участников размежевания от того места, где были Собакинские ворота до Кленовки, и далее, до некоего «ручья у врага», от которого оставалось 2 000 саженей (4,2 км) до реки Тёша (Инжутов, Парадеев, 2023; ЦАНО. Ф. 759. Оп. 1. Д. 7а., Л. 213 об.). В ходе разбирательств оказалось, что крестьяне заявили о принадлежности своим помещикам и части медынцевских земель, что было оспорено. Ясно одно, что при размежевании крестьяне опирались явно на

общеизвестные ориентиры, среди которых названа старая Алатырская и Курмышская дорога. Эта бывшая сакма, судя по описанию, от водораздела Теши проходила сначала по западному водоразделу Кленовки, затем спускалась в долину речки и уходила к Медынцеву. Сопоставление описания дороги с планом Генерального межевания с. Собакино показывает, что большая часть этого пути обозначена на плане, составленным спустя 40 лет после событий размежевания (рис. 2) [Генеральный план Арзамасского уезда].

Рассмотрев район перехода у р. Тёша, к которому должны были подойти полки из Мурома по сакме, заметим, что к Собакину приводил и вектор пути следования «мещерских» полков. Из Касимова, двигаясь на восток, к Тёше, войска должны были воспользоваться дорогой, которая спустя 30 лет после событий будет фигурировать в источниках как Кадомская, она же Большая, она же Казанская.

От Кадома дорога пролегала на «Монсыров угол», упоминаемый в 1552 г., в направлении которого из г. Касимова шел «Ак-сеит Черевсеев со всеми Городецкыми князьми и мурзами и Татары» (ПСРЛ, Т. XIII. С. 199). Местность под названием «Мансыров угол» находилась северо-восточнее Кадома (Исхаков, 1998. С. 199). В XVII в. в составе Кадомской десятины находилось два селения – Старое Мансырово (Княжее) и Новое Мансырово (Исхаков, 1998. С. 210). В XVIII в. тут находился «Мансыров стан», включавший много татарских деревень (Исхаков, 1998. С. 210). Этот район по правобережью Мокши в бассейнах правых притоков Шокша, Ведяжа, Варнава, Сарма занимали земли Чепчерянского беляка (в 1614 г. в него входило 11 мордовских деревень: Баева, Дудниково, Вичкидеева, Кураева, Большие Пинзилеи, Малые Пинзилеи, Новоселки, Широмасова, Шокша, Анамасова, Тянгушева, пустая д. Налдяново и две пустоши «что была деревня Урузаново», «что была деревня не речке Мелевлеи» (Беляков, 2013. С. 161–165, 169)), управляемого князьями Мансыревыми (грамоты Василия Ивановича Енайдару Мансыреву от 9 ноября 1525 г. над чепчерянской мордвой; ввозная грамота князю Енгилдею Енайдарову сыну с сыном Баикеем мурзою и Девкею мурзе Енайдарову сыну Мансыревым на поместье Биговата мурзы Мансырева сельцо Новое Мансырево в Мещерском уезде от 9 мая 1572 г.) (Ишеев, Акчурин, 2008. С. 22–23).

В этом районе в писцовых книгах Кадомского уезда 1614 г. большая Кадомская дорога упоминается на границе бортных вотчинных ухожаев д. Баева и д. Нороватова (Беляков, 2013. С. 178), при пересечении Сармы она названа «Большой Арзамасской» (Беляков, 2013. С.182, 183). Далее ее маршрут пролегал по лесному массиву, примыкавшему к правому берегу Сатиса в направлении низовьев Вичкинзы, оттуда – к Кременскому полю и на полевые территории будущего Арзамасского уезда, который получит название Утишье.

В Утишье дорога пролегала по северной окраине лесов по направлению к Ичалову и далее, на восток, к Шаткам.

Имеется три разных свидетельства существования дороги около речки Пузы между поселениями Лихачи, Смолина и Камкина. В поместных актах дорога названа Кадомской рядом с д. Лихачёва на Пузе (АПА. С.1, 2). По описанию мордовской д. Камкино эта же дорога названа Казанской, к северу от р. Пузы «а от того вдоль Казанской дороги и к Худошинскому лесу и к Худошинским вершинам» (Парадеев. Писцовая книга В. Киреева и Г. Молчанова 1677–1678 гг… 2019. С. 213). Само название – «Казанская» подтверждает ее значимость и конечное непосредственное направление. В Писцовой книге Кадомского уезда эта же дорога названа «Большой» в описании бортных угодий д. Баевы: «Тое ж деревни Баивы вотчина по Явлею врагу через Кременское поле на Варашлеи и на Пузинское поле, да на Смолину деревню через Большую дорогу на Камкину деревю» (Беляков, 2013. С. 178)

Далее по направлению к Ичалову Кадомская дорога пересекала межу, разделявшую часть Игнатьевской пустоши Страхова от поместья Глуховых (АПА. С. 16) и проходила рядом в Волчьей помрой, пересекая межу между поместьями Андрея Левашова и Крюковых (АПА. С. 4) (Согласно писцовым книгам, в 1620-х гг. д. Терехова – бывшее владение Крюковых на Сатисе (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623. С. 198), пустошь Крюкова на речке Сатисе – бывшее Ондреевское поместье Левашова (Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623. С. 196–197)). Волчья помра располагалась к юго-западу от д. Выползово, следовательно, Кадомская дорога проходила к югу от Волчьей помры по направлению к Ичалову, т.к. далее ее мы встречаем «через речку Рузанку по дороге по Кадомской вверх речки Рузанки» (АПА. С. 95). На рч. Рузанке находилось д. Кутузова, напротив с. Ичалова. За отсутствием, за редким исключением, точных привязок, автор обозначил лишь предположительный маршрут Кадомской дороги (рис. 3).

Ближе к Шаткам имеются три достоверные точки привязки дороги. На протяжении 311 саженей Кадомская дорога разделяла земли д. Корино и земли д. Вонячки (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602 А. Д. 22, Л. 08об.), «а другая грань указала по Кадомской дороге что ездят х Кадому» (Список списка с Писцовых книг Арзамасского уезду… Л. 6об), проходила к югу от с. Хирино на правом берегу рч. Вонячки выше устья рч. Лапши (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602 А. Д. 22, Л. 07об.), а к югу от с. Шатки пересекала межу д. Корино и с. Шатки (Список списка с Писцовых книг Арзамасского уезду… Л. 3об.).

Пока не обнаружено упоминание Кадомской дороги между Ичаловым и следующей крайней точкой на востоке, где она упоминается у грани деревни Солянки. Автор предполагает, что южнее Ичалова большая дорога уходила к Шаткам, и что под ней имелась ввиду Ичаловская дорога, упоминаемая в границах земель мордовской д. Кардавиль: «а

речкою Озеркою по Ичаловскую дорогу по помесною землю деревни Кирман Якова Бутурлина с товарыщи, а на речке Озерке в берегу у Ичаловской дороги блиско ивавова куста поставлен столб дубовой одна на нем грань, а от того столба Ичаловскою дорогою к Ичалову по старой меже на старую грань на столб дубовой, а на нем грани и от того столба тою ж дорогаю на столб сосновой, а на нем грани, а столб поставлен у Ичаловской дороги, что ездят ис Кирман к Ичалову, а от того столба и от Ичаловской дороги налево Измайловскою дорогою на столб сосновой, а на нем грани, а поставлен у Измайловской дороги» (Список списка с Писцовых книг Арзамасского уезду… Л. 14об.). То есть направление от Кирман к Ичалову вполне соответствует продолжению направления Кадомской дороги. Упомянутая Измайловская дорога – это еще один путь к Тёше и к Шаткам. Второе ее название – «Верхняя Ичаловская дорога» (Арзамасский уезд в XVII веке… С. 223).

Также от Ичалова к Собакину можно было добраться через водораздел рч. Озерки и рч. Акши (в XVII в. еще одна Ичаловская дорога проходила через землевладения д. Своробоярское (АПА, С. 15)). В XVII в. существовала Ичаловская дорога и по правому берегу Акши в землевладениях д. Ездоково (АПА. С. 93). Таким образом, при понятном общем векторе движения войска, вопрос детализации маршрута к Ичалову и от Ичалова к Тёше остается открытым (рис. 3). Но это был путь, при котором сводились к минимуму переправы через малые речки. При том темпе похода, с учетом разлившихся речек и непогоды, расстояние от Ичалова до Собакина можно было преодолеть за два дневных перехода.

Что же было на месте Собакино в середине XVI века?

До 1572 г. село писалось «Село на мордовском городище» и считалось в числе дворцовых. В этом году оно было пожаловано кравчему Калисту Васильевичу Собакину, брату царицы Марфы Васильевны, третьей супруги царя Ивана Грозного. В дальнейшем, после смерти Марфы и казни К. Собакина в 1577 г., село было в поместном владении за Богданом Юрьевичем Сабуровым, после чего вновь стало дворцовым. В 117 (1608/09) г. царь Василий Шуйский передал их в поместье Никите Болховскому и Ивану Нармацкому (Парадеев. Отказные книги…).

Имеем и неясное упоминание существования русского поселения во время упоминаемых событий. Так, в статье П. Пискарева «Новоусадская волость» есть ссылка на список с писцовых книг Игнатия Зубова 93 года, что «село Собакино на реке Теше» было «основано на мордовском городище, в 1509 году двенадцатью московскими семействами, сосланными с посада за какое-то еретичество вел. кн. Васильем Иоанновичем» (Пискарев, 1849).

И наличие городища, и возможное существование русского поселения свидетельствует о давней заселенности этого места.

Вернемся к событиям похода. Разбив стан, войска на Тёше ждали дальнейших указаний. Сообщение от Шах-Али царь получил, находясь на Работке, ожидая «путнаго шествия». Простояв три дня и так и не дождавшись подходящей погоды, Иван IV, приняв решение возвращаться, отправил тверского дворецкого Василия Михайловича Юрьева с наказом Шах-Али и Едигеру продолжать движение на Казань. Наказал продолжать путь к Казани царь и своим боярам и воеводам. Встреча с войсками Шах-Али назначалась на Цивили, как и планировалось в начале похода (РК 1605. С. 349).

В полках были заменены некоторые командующие, окончательный состав командования стал следующим:

Большой полк: князь Дмитрий Федорович Бельский и князь Дмитрий Федорович Палецкий.

Передовой полк: князь Семен Иванович Микулинской Пунков и князь Давид Федорович Палецкий.

Полк правой руки: князь Александр Борисович Горбатый и князь Василий Семенович Серебряный.

Полк левой руки: князь Иван Шемяка Васильевич Пронский и князь Василий Семенов сын Мезецкий

Сторожевой полк: князь Петр Иванович Шуйский и князь Семен Иванович Гундоров (РК 1605. С. 349–350).

Было дано распоряжение о поступлении командования мещерских полков после встречи на Цивили под командование полков Д. Ф. Бельского: «А мещерским воеводам князю Володимеру Воротынскому велел царь и великий князь, пришед х Козани, быть в большом полку, а тем полком передовому и сторожевому, и правой и левой руке по тому же в полкех быть» (РК 1605. С. 350). С полками продолжили путь многие посошные люди «московские земли и новгородцкие» (РК 1605. С. 350). С легким нарядом был отправлен Федор Григорьевич Очин с дьяками Иваном Григорьевым сыном Выротковым да дворцовым Матфейко Задавлевым. Большой же наряд царь вернул в Нижний Новгород, «потому что Волга не подымет» (РК 1605. С. 351).

По данным разрядной книги, царь повернул с Работки в Нижней Новгород во вторник на масляной неделе, «потому что стала теплота великая» и пришел в Нижней Новгород на масляной неделе в среду. Дата – 8 февраля. Далее из Нижнего Новгорода царь выступил в пятницу на масляной неделе (10 февраля) (РК 1605. С. 347). Согласно летописи, царь «возвратиси к Новугороду Нижнему со многими слезами, что не сподобил Бог его к путному шествию; и прииде в Нижний Новгород февраля 10» (ПСРЛ, Т. XIII. С. 156). Разрядная книга уточняет, что на обратном пути царь возвращался также через Балахну, где царь переночевал,

оттуда отправился во Владимир и на Москву (РК 1605. С. 347). В Москву царь вернулся 7 марта.

Летопись сообщает, что посланные воеводы соединились с Шах-Али и мещерскими полками на устье Цивили «на Зборной неделе, в пятницу, февраля 18» откуда пошли к Казани (ПСРЛ, Т. XIII. С.156).

Если предположить, что посланный от Ивана Васильевича к Шах-Али Г. Велин прибыл 6 февраля, и войска отправились от Тёши 7 февраля, то за 11 дней они преодолели 230 км, в среднем 22 км в день, что составляет очень высокий темп по сравнению с началом похода. Не исключено, что погода вернулась в климатические нормы, земля замерзла, сковало реки. Вряд ли Шах-Али надо было двигаться к устью Цивили, где Цивиль впадает в Волгу. Достаточно было подождать на самой реке при слиянии рек Большой Цивиль и Малый Цивиль, то есть «на устье», где впоследствии и появиться Цивильск, вероятно, при стыке нескольких дорог.

К Цивили войска по-прежнему двигались по проторенной сакме. На пути следования мы имеем упоминаемое в наказе некое урочище «Три острова»: «А шел царь Шигалей и царя и [великого князя] воеводы из Мещеры [прямо х Казани], не замая Мурома, [на три остро]вы да на Тешу» (Продолжение Хронографа редакции 1512 г.). Е. Парадеев указал, что это урочище располагалось около села Юморга Пильнинского района Нижегородской области (Парадеев, 2020. С. 32; Писцовая книга мордвы и бортников русских… Л. 94). Само понятие «остров» – это лесная роща среди поля (см. у Даля: Охотн. небольшой отдельный лес, особняк).

В писцовой книге Д. Лодыгина 1620-х годов, в которой описаны мордовские земли Нижегородского уезда, приводятся несколько указаний о местонахождении урочища Три острова. В меже д. Акузово перейдя речку Пару «налево долом болшою сакмою что ездят на Три Островы» (Писцовая книга мордвы и бортников русских… Л. 84об.). Восточная граница д. Новое Андосово проходила «через ржавец на липняг, а с липнягу на болшую сакму» (Писцовая книга мордвы и бортников русских… Л. 90), «левая сторона земля до болшие дороги мордовские ж деревни Юморги» (Писцовая книга мордвы и бортников русских… Л. 90об.). Со стороны Юморги западная межа описана следующим образом: «от андосовской межи на середней куст, а с середнего куста на крайние Три Острова по конец липнягу через ржавец до Сустатовские дороги, а от Сустатовские дороги по конец тех островов» (Писцовая книга мордвы и бортников русских… Л. 94). Отметим, что Сустатовская дорога проходила севернее сакмы, но к югу от Пьяны.

В писцовой книге Алатырского уезда Дмитрия Пушечникова и подьячего Афанасия Костяева 1623/24, 1624/25, 1625/26 года татарским поместным землям Три острова

перечисляются в качестве лесных массивов, в которых жители д. Овечей враг и починка д. Малая Пара могли брать лес для хозяйственных нужд. Для д. Овечей враг: «А лес им хоромной и дровяной сечь за рекою Пьяною да в трех островах в мордовских бортных ухожеях в чорном лесу опричь бортново деревья» (Книга писцовая Олаторского уезду… С. 39). Для починка деревни Малой Пары: «Лес им сечь за рекою Пьяною и в Трех Островках в мордовских бортных ухожьях в чорном лесу опричь бортново деревья» (Книга писцовая Олаторского уезду… С. 45).

Из этого следует, что лесные рощи среди степи, объединённые единым названием «Три острова» были достаточно известным урочищем и ориентиром по пути следования на Казань. Находилось на западных границах землевладения с. Юморга к юго-юго-западу от села в непосредственной близости от сакмы, фактически – это водораздел и вершины оврага, который на плане Генерального межевания был обозначен как речка Каменка (рис. 4).

Препятствием для войск могла стать река Сура. За недостатком источников оставим к разряду предположений варианты переправой сакмы реки Сура: либо в районе с. Медяны (большая дорога в меже д. Кисленки с землей д. Балеевы по направлению к Медянам (Писцовая книга мордвы и бортников русских… Л. 98об.)), либо между Наватами и современным Языковым (упоминание «Языковской сакмы» (Парадеев, 2019. С. 78). А. В. Малышев указал название улицы в Наватах, по которой проходит дорога к переправе – «Казанки» (казанская дорога) (Малышев, 2018. С. 49).

Соединившись на Цивили, московские рати, войска Шах-Али и Едигера пошли к Казани. Сафа-Гирей с войском встретил их на Арском поле. Передовой полк князя Микулинского наступлением на казанцев побил многих людей, а самого царя «втопташа» в город. Отсутствие осадного «наряда» не давало возможность взять город. Простояв, разоряя окрестности, у города семь дней, воеводы отправились обратно. В плен попали Азик богатырь и многие другие знатные казанские воины. Все воеводы с похода вернулись «здравы», за исключением погибшего под Казанью Григория Васильева сына Шереметева. Вести о победе донесли царю 11 марта Иван Михайлов сын Юрьев и Микита Шереметев.

Иван IV и войско не смогло воспользоваться преимуществом зимнего времени. Небывалая оттепель и распутица в середине зимы, потеря артиллерии на Волге и возвращение уцелевшей обратно уже в середине похода поставили под сомнение возможность захватить каменные стены Казани. Небольшая победа не соответствовала размаху военной компании. Только через 4 года цели военных походов на Казань будут достигнуты. Вместе с тем маршруты движения войск показывают глубокое знание территорий Казанской украины московскими воеводами, которое позволяло обеспечивать оперативную связь с разными группами войск. В походе 1552 г. примут участие и те воеводы, кто уже не раз водил войска

на Казань по проторенным дорогам, в том числе и в походе 1547–1548 гг. (Вас. С. Серебряный, В. И. Воротынский).

Список источников и литературы

Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века): монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 316 с.

Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) / Собр. и ред. С. Б. Веселовский. М., 1915. XVI, 738 с.

Арзамасский уезд в XVII веке. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи: сборник документов в 2 ч. / сост. Б. М. Пудалов. Н. Новгород: Центральный архив Нижегородской области, 2018. Ч. 1. 396 с.

Белов Н. В. Тайна летописного острова Работка. Из истории первого Казанского похода Ивана IV // Военно-исторический журнал. № 7. 2019. С. 77–82.

Беляков А. В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюркско-татарские государства. Сборник статей. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань, 2013. С. 154–207.

Генеральный план Арзамасского уезда. Часть 3 // ЦАНО. Ф. 829. Оп. 676 а. Арзамасский уезд. Д. 5.

Илюшин Б. А. Меж Казанью и Москвой. Нижегородский край в эпоху казанских и черемисских войн. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. 350 с.

Инжутов А. А. И по нашим местам проходили древние дороги // Новый путь. № 42 от 24 мая 2003 г.

Инжутов А. А. Парадеев. Е. И. Новые данные по местонахождению участков Арзамасской засеки. Собакинские ворота. // Вопросы исторического и экологического регионоведения: сборник статей участников IV Всероссийской научно-практической конференции (16–17 февраля 2023 г.) / Отв. ред. В. И. Грубов; науч. ред. А.А. Исаков; Арзамасский филиал ННГУ; МОО «Историческое сознание»; ЦТК «Константиново поле»; ГАНО, г. Арзамас; ИХМ г. Арзамаса; ЦБС г. Арзамаса; МЦБС г.о.г Арзамас. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2023. С. 41–56.

Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени. Казань: Издательство «Мастер Лайн», 1998. 276 с.

Ишеев М. Р., Акчурин М. М. Татарские князья и их княжества в Мещерском крае // Татарские князья и их княжества: сб. статей и материалов / под ред. М. Ишеева. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. С. 6–32.

Карта Арзамасской провинции //Атлас Всероссийской Империи. Собрание карт И. К. Кирилова. СПб., 1722–1737. 41 с. [Электронный ресурс]. URL: https://new.runivers.ru/maps/kirilov/44/ (дата обращения: 20.11.2023).

Карта Territoire d'Arzamas / faite par le prince Ivan Chékonskoi; dessinée par le géodésiste Stépan Orlikov | Gallica (bnf.fr) [Электронный ресурс] URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55003115r/f1.item> (дата обращения: 20.11.2023).

Кирьянов И. А. Сухопутные связи Нижнего Новгорода с Москвой (До 60-х гг. XIX в.) // Записки краеведов / Сост. Н. И. Куприянова. Горький. 1983. С. 37–46

Книга Большому чертежу. Подготовка к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л. 1950. 229 с.

Книга писцовая Олаторского уезду письма и меры Дмитрия Пушечникова да подьячего Афанасия Костяева [7]132[1623/24] -го, и [7]133 [1624/25] -го, и [7]134 [1625/26] -го году татарским поместным землям, а что за ними в поместьях сел, и деревень, и починков, и пустошей, и то писано за ними по станам // Мордовский фронтир в зеркале приказной

статистики (первая четверть XVII века) / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия; сост., В. Д. Кочетков и [др.]; [ред. совет: В. А. Юрчёнков (пред.) и др.; редкол.: В. А. Юрчёнков, С. В. Видяйкин (отв. редакторы) и др.]. Саранск, 2017. 400 с.

Малышев А. В. По царской сакме. М., 2018. 94 с.

Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века / Сост. А.В. Антонов (отв.), А.А. Булычев, В.А. Кадик, С.В. Сироткин. М., 2015. Ч. 1. 1040 с.

Столистовая карта Российской Империи 1804–1816 г.г. / ЭтоМесто. URL: http://www.etomesto.ru/map-atlas_1816/ (дата обращения: 20.11.2023).

Парадеев Е. И. Отказные книги по Калистовской пустоши Собакина 1617 года. – URL: http://paradeev.com/2019/11/1055/ (дата обращения: 01.12.2019).

Парадеев Е. И. Пара слов о Царевой сакме. СПб., 2019. 92 с. [Электронный ресурс]. URL: http://paradeev.com/wp-content/uploads/2019/08/Пара-слов-о-Цареве-сакме.pdf (дата обращения: 20.11.2023).

Парадеев Е. И. Писцовая книга В. Киреева и Г. Молчанова 1677–1678 гг. и другие сведения об Арзамасском уезде 16–17 вв. СПб., 2019. 759 с. [Электронный ресурс]. URL: paradeev.com/wp-content/uploads/2019/08/EPARADEEV_BOOK.pdf (дата обращения: 21.02.2024).

Парадеев Е. И. О становлении Арзамаса. СПб., 2020. 76 с.

Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIII. СПб., 1904. 302 с.

Пискарев П. Новоусадская волость. // Нижегородские губернские ведомости, 1849 г. Часть неофициальная. 1849 г. № 62. // Список с писцовых книг писца Игнатия Зубова с товарыщи 93 (1585) года, и список с жалованной грамоты Нармацкому 1619 г.

Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. / сост. Б.М. Пудалов. В 2 т. Т. 1. Н. Новгород: Центральный архив Нижегородской области, 2022. 340 с.

Писцовая книга мордвы и бортников русских: рукопись XVIII в. (копия с писцовой книги 1624 г.) / НГУОНБ, Ф. 6. Оп.1. Д.1.

Продолжение Хронографа редакции 1512 г. / Шмидт С. О. Исторический архив, Том VII. М-Л. 1951 [Электронный ресурс]. URL: https: //www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480 - 150 0/Prod_chron_1512/text.htm?ysclid=lqsgn5ldms663603569 (дата обращения: 20.11.2023).

Разрядная книга. 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 615 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М.: Наука, 1977. С. 189–405.

Указная грамота царя Ивана IV Васильевича городовым приказчикам о запрещении нарушать жалованную грамоту Троице-Сергиева монастыря и наряжать посошных людей к казанскому походу [10 октября 1547] // Зимин А. А. Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в. / Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. № 7.

Список списка с Писцовых книг Арзамасского уезду мордовских деревень письма и меры писцов Тимофея Васильевича Измайлова да Несмеяна Иванова Чаплина да дьяков Афонасия Истомина да Шестова Копнина да подъячего Маркела Амирева 136 году / ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 8. Л. 122об.

ЦАНО. Ф. 759. Оп. 1. Д. 7а.

ЦАНО. Ф. 2013. Оп 602 А. Д. 22.

Черменский П. Н. Некоторые спорные вопросы исторической географии Рязанщины // История СССР. № 2. М., 1959. С. 172–174.

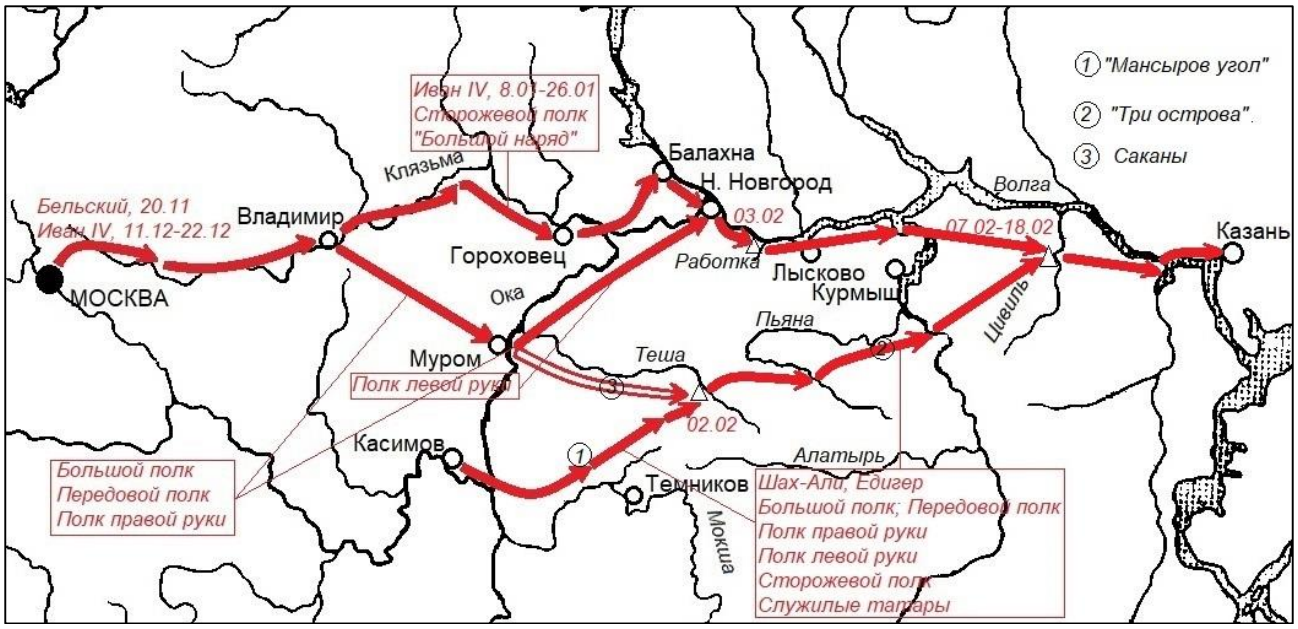

Рис. 1. Казанский поход 1547-1548 гг.

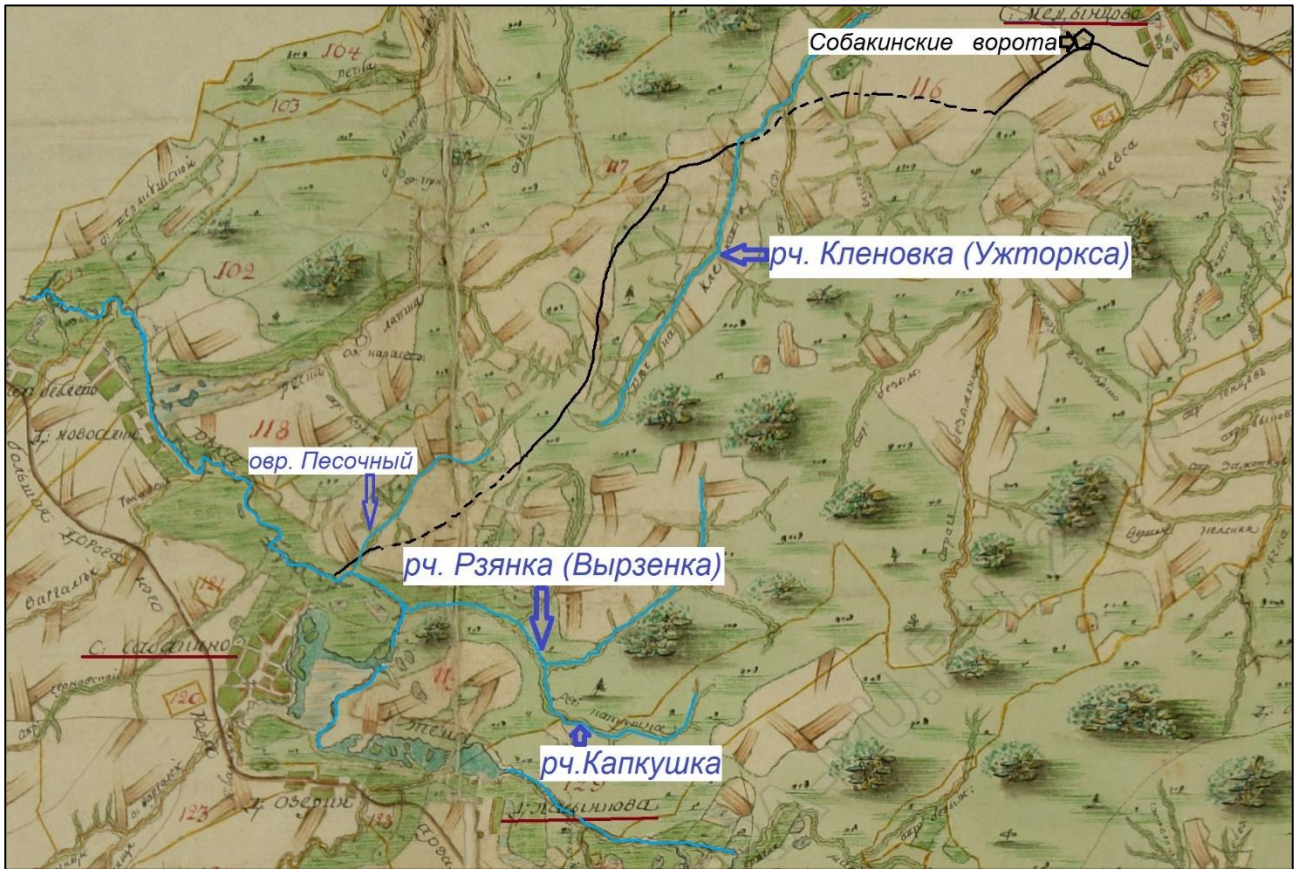

Рис. 2. Местность у с. Собакино на плане Арзамасского уезда 1798 г. и реконструкция маршрута сакмы через Собакинский лес.

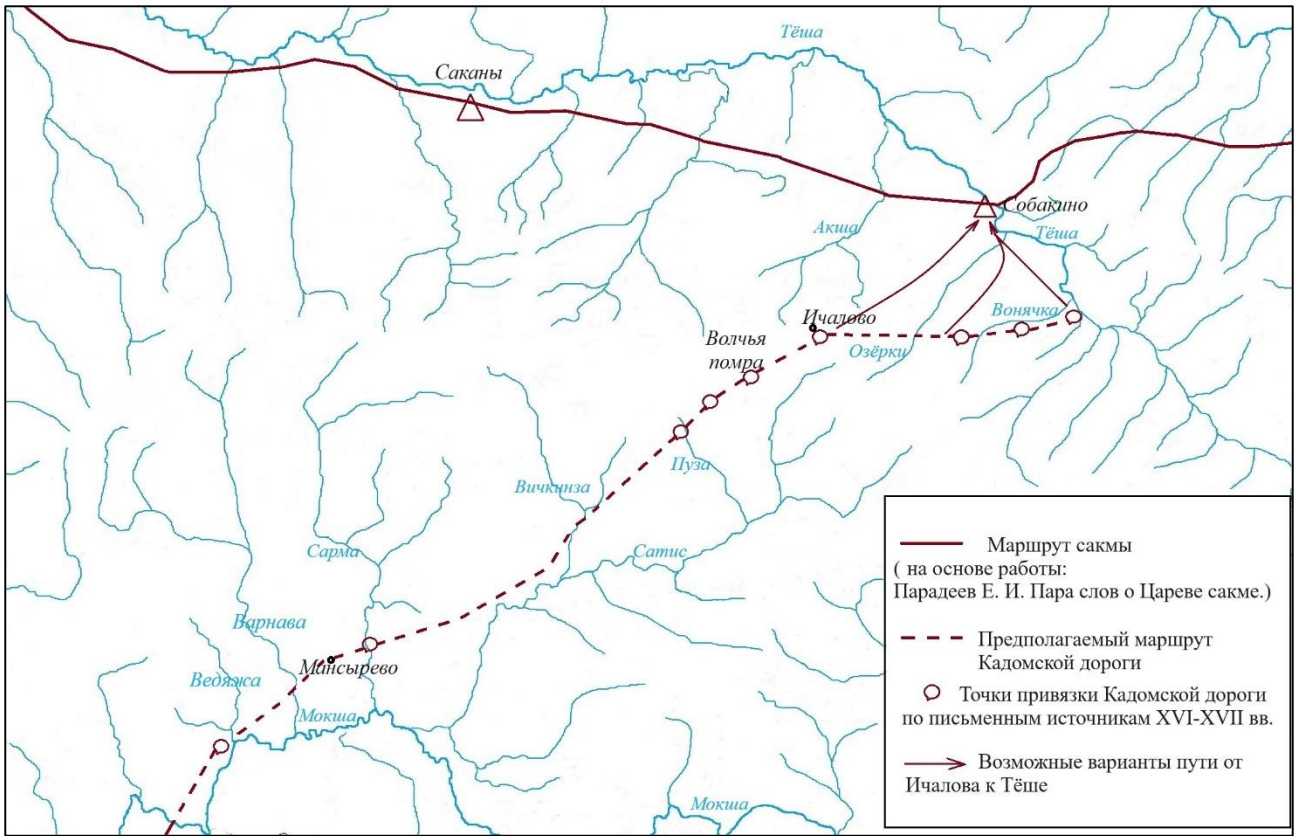

Рис. 3. Междуречье Тёши и Мокши. Маршрут движения к Тёше.

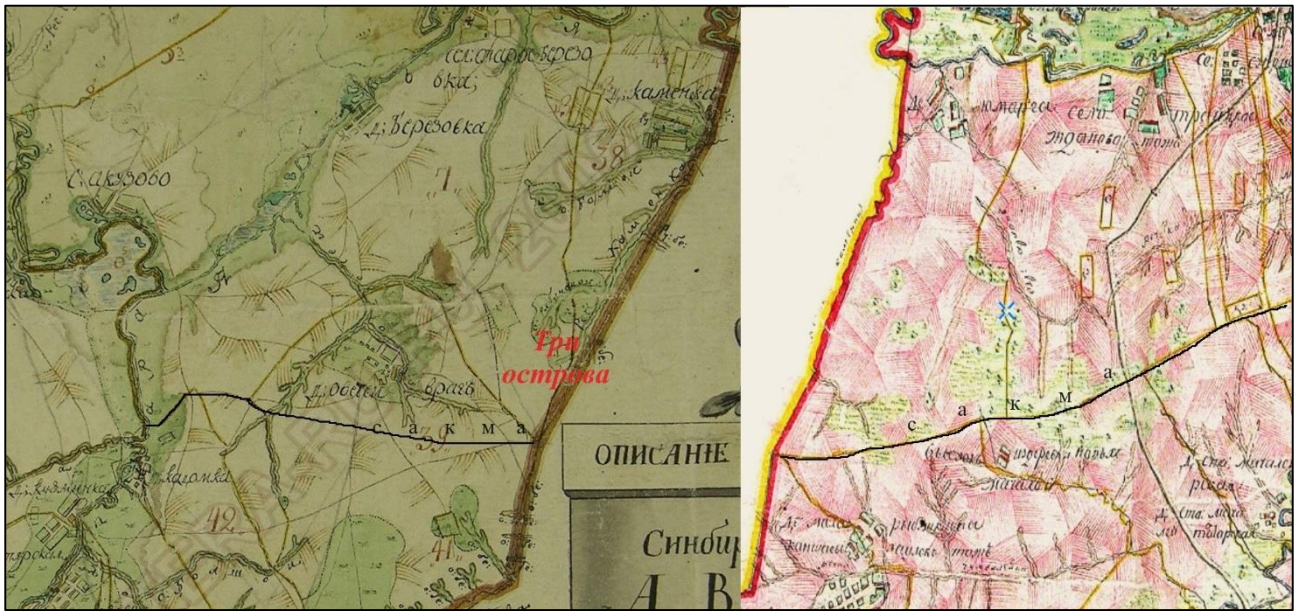

Рис. 4. Реконструкция маршрута сакмы и местонахождения урочища Три острова (картографическая основа - планы ПГМ).

DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2-9

А. В. Малышев
член Союза краеведов России и действительный член общества
"Нижегородский краевед"
ma2502@mail.ru

К ВОПРОСУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУРГАНОВ-МАРОВ В НИЖЕГОРОДСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

В статье на основании письменных источников и народных преданий выдвигается версия происхождения курганов-маров расположенных в Нижегородском Поволжье.

Ключевые слова: Нижегородское Поволжье, курганы-мары, археология, традиции и верования мордвы.

На I-ом съезде археологов России, состоявшемся в 1869 г. в Москве, известный исследователь Нижегородского края П. И. Мельников поделился своим мнением о происхождении многочисленных курганов, находящихся в губерниях Среднего Поволжья. Он полагал, что данные рукотворные насыпи, называемые местными жителями «марами», имели характер сторожевых, или намогильных насыпей, а также служили для подсчета личного состава русского войска, когда полководец «каждому ратнику приказывал насыпать шапку земли и сваливать ее в одно место». В своем докладе П. И. Мельников упомянул местные легенды, связывающие происхождение курганов с походом Ивана Грозного на Казань в 1552 г., и указал, что местные жители, надеясь найти в курганах клады или богатые захоронения, пытаются копать их, но ничего кроме углей, осколков глиняной посуды, а в некоторых случаях частей человеческого скелета, не находят. П. И. Мельников лично инициировал раскопки некоторых маров, удостоверив скудность находок в них (Мельников-Печерский, 1871. С. 159–162).

Уже на этом съезде прозвучали сомнения в прямой связи данных курганов-маров с походами русских армий, так как изучение многочисленных курганов показало их разнообразие: это могли быть и могильные насыпи, и сторожевые, могли совмещать эти функции, а также могли служить ориентирами. В последнем случае естественные природные холмы можно легко принять за курганы (Труды…, 1871. С. XIL–XL, LXXVII–LXXVIII). Предположение же П. И. Мельникова об использовании таких сооружений в качестве пунктов наблюдения или для подсчета воинов не выдерживает никакой критики.

Тем не менее, о насыпях-марах в пределах Среднего Поволжья закрепилось мнение, связывающее их с походами Ивана Грозного на Казань. Этому способствовало широчайшее распространение народных сказаний об этом походе. Данную версию происхождения

курганов-маров повторили такие исследователи русского похода на Казань в 1552 г., как Н. Миролюбов и И. Милотворский.

Н. Миролюбов утверждал, что курган у села Онучина указывал на путь Ивана Грозного и называл мары «обыкновенными памятниками его станов» (Миролюбов, 2005. С. 194, 200). В свою очередь Милотворский впрямую связывал наличие маров со следами царского похода, полагая, что таким образом царь подсчитывал количество солдат своей армии. Каждый боец ссыпал в одно место шапку земли, и по величине холма определялось число воинов. В другом месте исследователь, ссылаясь на народные предания, говорил, что это могилы солдат, погибших в походе (Милотворский, 2005. С. 210, 212–213, 218–220). Потом уже и П. И. Мельников в своем исследовании о походе Ивана Грозного через южную часть Нижегородской губернии, ссылаясь на народные предания, указывал, что мары были насыпаны войском Ивана Грозного (Мельников-Печерский, 2005. С. 181, 186. 187). Подобная точка зрения на происхождение курганов-маров до сих пор в ходу в краеведческой среде.

Ее пытался опровергнуть в свое время профессор А. М. Орлов. Он высказал мнение о том, что мары-курганы на самом деле являются могилами кочевников, заселявших южную часть современной Нижегородской области. А. М. Орлов указывает, что множество курганов находилось в окрестностях татарских селений Нижегородской области, что, по его мнению, свидетельствует о том, что на этой территории не позднее конца XIV – начала XV вв. были зажития тюрок-кочевников, а обряд захоронения в курганах-марах был распространен среди кипчаков (половцев) в эпоху язычества, до принятия ислама. С распространением ислама среди народов Золотой Орды эти языческие обряды уже не выполнялись (Орлов, 2023).

Идея о том, что мары являются древними захоронениями, не нова. Раскопки маров на нижегородской земле проводились уже в XIX в. исследователями П. Мельниковым, Л. Далем, А. Гациским, В. Майновым. По рекомендации I археологического съезда, Л. Даль (сын В. Даля) пытался составить перечень остатков курганов Нижегородской губернии, объехал многие местности, но древностей старше XV в. не обнаружил. Он же проводил археологические изыскания в курганах у села Саблукова, найдя в них «черепки от горшка с углями, и горшок с узорчатыми краями» (Гациский, 1884. С. 29–36).

Продуктивнее были исследования, произведенные археологом-самоучкой П. Дружкиным, которые в Московском археологическом обществе назвали «почином в систематической раскопке нижегородских курганов». Если в курганах, раскопанных близ Городца и Балахны, им были найдены все те же горшки с углем, зола и кости животных, то находки в курганах около села Малое Терюшево позволили напрямую связать курганы-мары с мордвой. По собранным П. Дружкиным легендам еще в старину около этих курганов, называемых «Мордовскими могилами», собиралось окрестное мордовское население на

моления, «приводились быки и разный скот на жертвоприношения». В курганах были обнаружены захоронения с конем, снабженные украшениями и оружием. По мнению археологов, они принадлежали мордве и были произведены не позднее XIV в. Особо отмечалось сходство обрядов погребения у волжских финнов с обрядами, описанными Геродотом у скифов (Древности…, 1885. С. 34-40).

Многочисленные легенды о кладах, спрятанных в курганах, привели к их незаконному раскопу жителями, по примеру других регионов. И если у оренбургских «маровщиков» и сибирских «бугровщиков» находки были впечатляющими, то раскопки нижегородских маров не оправдали ожидания самозваных «археологов».

В начале XX в. С. Кузнецов предположил, что большинство тех местностей, в которых курганные насыпи называются «мары», имели в древности мордовское население. Он указал, что скопление маров у мокши называется калма-ланга («погребальное поле»), и пользовалось особым почитанием у мордвы, «которая наравне с черемисами, приносила в жертву своим предкам около этих маров лошадей и быков через известные крупные промежутки времени, причем всякий раз добавлялась насыпь на курганах». Он допускал, что мары – есть родовые памятники мордовских племен. В доказательство С. Кузнецов привел строки из донесения, где говорится о том, что «мордва и черемисы съезжались в Алаторском уезде Чукалах для помина родителей… а русские люди в те поры мимо той их деревни ехали, и они по тем людем из луков стреляли…» (Кузнецов, 2017. С. 25–26).

Действительно в документах Разрядного приказа имеется донесение алатырского воеводы Дмитрия Толочанова от 20 сентября 1629 г., в котором описан данный обряд и инцидент с обстрелом из луков, случившийся во время его проведения. Очевидно, оценивая происшествие как опасный прецедент, правительство потребовало «сыскать» «много ли на том съезде мордвы и черемисы было, и наперед сего у них такой съезд бывал ли, и сколь давно и в которых деревнях, и для чего съезд был, и многие ли люди на том съезде были, и не было ли у них на том съезде какого воровского умышления?».

На допросе мордвин Андрюшка Игнатов «по своей вере и по шерти за себя и за своих товарищей» показал, что «после Великодня, на семик, был в деревне в Новых Чукалях, и в тот же день была… мольба над их родители, по вере осыпали землею – мар; а были на той мольбе Арзамасская и Нижегородская мордва с женами и с детьми… А была де такая мольба тому лет с пятьдесят и больше; а никакого воровского умышления у них не бывало… а руских людей не пускали, потому что по государевой грамоте заказ нам был, что русским людем у нас у мордвы нашего молебного питья не пить и яства не есть; а русские всякие люди тут приезжали и смотрели, как мордва по своей вере землею мары осыпали…».

При этом, если допрашиваемый А. Игнатов утверждал, что подобного моления не было у них «лет с пятьдесят и больше», то следующий допрашиваемый «деревни Старых Чукал мордвин Сустат Секшенев за себя и за всю деревню по своей вере по шерти сказал: в прошлом в 137 г., после Великодня на седьмой неделе в четверг была у них мольба у пяти деревень по своей вере, как их деды и отцы наперед делали, осыпали землею мары, а были на той мольбе их же братья мордва с жёнами и детьми, и племя Арзамасского уезда деревни Кельдюшевы Чалетка Пятов со своим племенем, да Нижегородского уезда мордвин Ботякш Лышкеев со своим родом и со племенем, да Алаторского уезда розных деревень мордва… и тутошних окольных деревень мордва, а сколько их по смете, того им не ведомо». При этом уточнил, что черемисов на молении не было, а лошадей и коров резали «на мольбу», и указал, что в прошлом году «после Великодня на другой неделе в четверг» была такая же мольба «в Алаторском уезде в дер. Ордатове, да в дер. Кечушеве, да в дер. Урусове, да в дер. Тегингееве» (Акты…, 1890. С. 296–297).

Из текста становится ясно, что общие «родовые» моления о поминовении родителей регулярно проводились у мордвы еще и в 1-й четверти XVII в. При этом дата «мольбы» была «переходящей», то есть отсчитывалась от «Великодня» (очевидно Пасхи), и в один год случалась через неделю после него, а в другой, например, через семь недель. При этом моления каждый год проводились в другом месте, но обязательным их атрибутом было «осыпание» мара. Но следует допустить, что не обязательно курган-мар имел древнее происхождение. В иных случаях такие мары создавались уже во время молений, как подобие древних могильников, там, где старейшинами было назначено моление. В свою очередь и «осыпание» маров упомянутое в документе, также могло быть подсыпкой курганов, созданных сравнительно недавно, и не служивших могилами.

Сведения о подобном мордовском обряде именно насыпания мара были зафиксированы в народных преданиях недалеко от современного села Чукалы (Республика Мордовия), где происходили события, описанные в документе XVII в. Именно в округе нижегородского райцентра Лукоянова, рядом с деревней Березовка, находится мордовская языческая святыня – курган Кшекуравай. Кшекуравай («горбушка хлеба»), как гласит легенда – небольшой холм привозной «родовой» земли, натасканной сюда представителями мордовских эрзянских родов во время общих молений. Согласно легенде Кшекуравай – центр мордовской земли и здесь проводилось главное событие для всего народа – общее моление всех верховных жрецов и старейшин общин (Эрзянские святыни…, 2023).

Привозимая на место земля указывала на многочисленность рода (чем больше холм – тем многолюдней тот или иной род), откуда и пошли, вероятно, легенды о подсчитывании

личного состава царского войска. Доставка на место моления земли из того места, где обитает тот или иной член рода, вполне символична для подобного мероприятия.

Исходя из этого, допускаем, что какая-то часть многочисленных курганов-маров разбросанных по территории Среднего Поволжья, в местах былого расселения мордвы, есть не что иное, как новодельные следы родовых молений мордвы. Этим объясняется и скудность находок внутри множества маров. Курганы насыпались на некое указанное жрецами место, а угли, косточки птиц, мелких животных и осколки глиняной посуды – единственное, что попадало внутрь.

Откуда мог возникнуть обычай «осыпания», а затем и насыпания маров? Безусловно, такой вид захоронения практиковался предками средневековой мордвы. Так, по мнению проф. П. Рыкова захоронения в курганах были присущи предкам мордвы – населению центра Восточной Европы. Исследователь отмечал тесную связь культуры мордвы с курганной культурой конца бронзовой эпохи, культуры, уходящей из лесостепной полосы в степи: «если мы примем еще такие факты как ориентировки и положения покойников в поздних курганах бронзовой эпохи и в древних могильниках мордвы, то здесь найдем много общих черт, заставляющих нас ставить вопросы о связи древнего общества людей, оставившего нам памятники бронзовой эпохи в Поволжье с мордвой…» (Рыков, 1933. С. 15–16)

Не вдаваясь в подробности этногенеза мордвы, отметим только, что, судя по приведенному выше отрывку, предки мордовских народов хоронили своих покойников в курганах. Геродотовских меланхленов, тиссагетов и андрофагов прочат в предшественников мордвы, и у Геродота есть указание, что они подобны скифам (Геродот, 1972. С. 99–101). Он же описывал и погребальные обряды скифов с насыпанием курганов. И принесением человеческих жертв. Сюда же можно отнести и другие легенды о древних правителях мордвы «панках», которым принадлежали курганы-мары. Это отголоски народной памяти о скифо-сарматских предках мордвы, о которых мы говорили в своей работе о «панках» (Малышев, 2023. С. 121–132).

Как указано выше, постепенно мордва сменила способ захоронения, отказавшись от курганов. По мнению профессора П. Рыкова именно курганное погребение соответствовало родовому строю, «когда уже начала создаваться частная собственность, когда стали выделяться отдельные люди и организовываться около сильнейших известные объединения людей, связанные позже кровными узами с этим сильнейшим. Могильники же относятся к следующему моменту развития родового строя, когда род переходит в более крупную единицу – родовую общину, когда выделяются группы людей… по признаку экономического неравенства» (Рыков. 1933. С. 46).

Так это или нет, сказать сложно. Скорее этап перехода от курганных захоронений к грунтовым должен характеризоваться целым комплексом изменений, происходящих в той или иной общности людей. И здесь экономические факторы могут действовать вкупе с факторами идеологическими и социальными.

Итак, мы можем заключить, что мордва, уже перейдя к грунтовым захоронениям, помнила, что в курганах покоятся их предки, включив подсыпку старых курганов-маров в свои обряды поминовения рода. Но истощавшее почвы земледелие требовало постоянных переселений, и мордвины-земледельцы вынуждены были оставлять старые курганы, а в местах нового поселения насыпали свозимую с разных мест обитания землю в «новодельные» мары, символизирующие собой курганы-захоронения, также подсыпая их в последующих молениях. Многочисленные остатки маров со скудным археологическим материалом являются подтверждением этой версии.

Список источников и литературы

Горбаневский М. В. В мире имен и названий. М.: Знание, 1987. 208 с.

Епанчин А. А. Топонимика Мурома и его окрестностей. Муром: Тип. «Солнечный ветер», 2014. 84 с.

Ершов В. Е. Топонимические предания, региональная топонимия юга и юго-востока Владимирской области. Н. Новгород: Тип. «Белый цвет», 2021. 171 с.

Курдин Ю. А. Образ Ивана Грозного в народной поэзии Арзамасского края // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас: АГПИ им. Гайдара, 2005. С. 150–173.

Курдин Ю. А., Курдин Я. Ю. Путь Ивана Грозного на Казань в пределах Арзамасского края // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас: АГПИ им. Гайдара, 2005. С. 121–150.

Ключарев Н. П. Работные люди. Горький: Волго-Вятск. кн. изд., 1984. 381 с.

Малышев А. В. Беседа с Фадеевым М.Е., 1946 г.р. жителем с. Теплово, г.о. Кулебаки Нижегородской области от 21 января 2014 г.: из личного архива А. В. Малышева.

Малышев А. В. Беседа с Омельшиным А. М., 1956 г.р. жителем р.п. Гремячево, г.о. Кулебаки Нижегородской области от 19 сентября 2007 г.: из личного архива А. В.Малышева.

Малышев А. В. Беседа с Феклистовым В. Ф. 1941 г.р., уроженцем с. Наваты Пильнинского р-на Нижегородской области от 2.10. 2009 г.: из личного архива А. В. Малышева.

Малышев А. В. Сообщение от Толстоухова А., 1980 г.р., жителя Н. Новгорода от 29.03.2022 г.: из личного архива А. В. Малышева.

Мельников П. И. Путь Иоанна Грозного // Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский). Сост. Н. В. Морохин, Д.Г. Павлов. Н. Новгород: Изд. «Книги», 2011. С. 472–495.

Милотворский И. А. Путь Иоанна Грозного через Нижегородскую губернию во время его похода на Казань // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас: АГПИ им. Гайдара, 2005. С. 203–223.

Миролюбов Н. К. Сказание о последнем походе Иоанна Васильевича против Казани в 1552 г. через Ардатовский и Арзамасский уезды Нижегородской губернии, с примечанием о походах его чрез другие уезды // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас: АГПИ им. Гайдара, 2005. С.188–203.

Нижегородские марийцы. Сост. Н. В. Морохин. Йошкар-Ола, 1994. 249 с.

Нижегородские предания и легенды. Сост. В. Н. Морохин. Горький: Волго-Вятск. кн. изд., 1971. 239 с.

Планы генерального межевания 1790 года. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=K1wCHzu4... (дата обращения 10.04. 2022).

Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XIII. СПб., 1904. 380 с.

Ульянов Н. С. Изучаем историю родного края // «Кулебакский металлист» № 12. 2013.

Чернов В. Ф. Кулебаки, Велетьма, Тумалейка… Тайны географических названий. Кулебаки: МУ РИЦ «Кулебакский металлист», 2009. 64 с.

DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2-10

Е. И. Парадеев
независимый исследователь
eparadeev.book@gmail.com

ЯРОСЛАВСКИЙ БЕЛЯК: ЕГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКИХ ЗЕМЕЛЬ

В статье представлен обзор ранее неизвестного в научной литературе беляка, в писцовых источниках XVII в. названного Ярославским. Определено его местонахождение в округе современного города Перевоз Нижегородской области, восстановлены предположительные границы. История беляка соотнесена с князем Ярославом Оболенским, который был пожалован владениями в тех же местах вдоль реки Пьяны в XV в. Упоминания об этом сохранились в материалах докладного судного списка 1509 г. Ярославский беляк является самым северным из известных и уже на раннем этапе (XV в.) относился к нижегородским землям.

Ключевые слова: историческая география, Нижегородский край, бейлик, беляк, ясак, XV–XVII вв.

Термин *беляк* вызывает значительный интерес историков и краеведов с XIX в. Его использование наблюдается в писцовых источниках в XVI – первой четверти XVII вв. в Арзамасском, Кадомском, Темниковском и Алатырском уездах в связи с местным автохтонным населением (мордва, буртасы). В некотором смысле это и территориальные, и административные образования. В них объединялись поселения и лесные бортные и охотничьи угодья исконных местных жителей.

В силу ограниченных сведений о механизмах работы беляков их предназначение, начиная с XIX в., трактовалось по-разному: они рассматривались и как княжения, и как податные объединения, и как ясачные округа. Детальный обзор и анализ, основываясь на значительном источниковедческом анализе по области Мещеры, провели М. М. Акчурин и А. В. Беляков в статье «К вопросу о мордовском беляке», опубликованной в 2017 г. Ими сделан вывод, что «беляки являлись административными единицами, аналогичными по статусу волостям, но находящимися под управлением татарских князей», при этом «понятия беляк и княжение первоначально соответствовали друг другу» (Акчурин, Беляков, 2017. С. 98). В этом есть и определенная территориальная специфика, поскольку в Кадомском и Темниковском уезде было серьезное влияние князей и мурз именно из числа татар с выраженной преемственностью.

Примеры как из Мещеры, так и из соседних территорий Арзамасского и Алатырского уездов указывают на то, что в XVI в. при Иване Грозном права на беляки по отцу среди местной знати подтверждались царскими пожалованиями. Также их могли передать лицам, несвязанным с регионом, например, представителям русских родов. Причем некоторые

передачи зафиксированы уже в XV в. В этом столетии использование термина *беляк* в документах пока не выявлено, что может говорить в пользу его постепенного ввода в оборот в центральных учреждениях с развитием местных администраций в XVI в.

По мнению многих исследователей, слово имеет тюркское происхождение (Акчурин, Беляков, 2017. С. 95; Напольникова, 2017. С. 85) и было в ходу издавна, с высокой вероятностью, как наследие времен Золотой Орды, распространявшей свое влияние и в исторической области Мещеры, и в Посурье. Варианты толкования в тюркских языках: 1) BEGLIG – принадлежащий беку, знатный (ДТС, С. 92), где BEG – правитель, вождь, бек, князь (Там же. С. 91); BEGLIK – бекство; бекское правление, власть бека (Там же. С. 92), иными словами княжение; кыпчакский вариант: бий, бийлик; 2) BELÄK – подарок; гостинец, который привозят домой из путешествия (Там же. С. 93), также BÖLÄK (дар); 3) BÖLÜK – часть, доля; группа (вкл. людей) (Там же. С. 117–118).

Интересно то, что севернее, в землях Нижегородского уезда, деление местного населения на беляки не производилось – здесь выделялись только группы, в том числе и в начале XVII в. В них объединялись по несколько деревень, при этом не сохранилось каких-либо свидетельств, что у них были владельцы, а в конце XVI в. мордва в этих группах считалась служилой (Анпилогов, 1977. С. 76). Один из примеров: вадская мордва, которая проживала в трех деревнях в окрестностях озера Вад и реки Вадок.

В основе же беляков были подсудность местного населения князю или волостелю и обязательства по выплате ясака – подати в пользу владельца. Для обеспечения платежей в сгруппированных между собой деревнях определялись сотники (Акчурин, Беляков, 2017. С. 96). Уже в XVI в. не во всех случаях ясак направлялся только владельцу, некоторая его часть переводилась в казну. Общий механизм схематично представлен на Рис. 1. Первоначально передача беляка или подтверждение права княжения «по старине» были важными составляющими поддержания лояльности местной знати, которая оказалась зажата между Москвой и Казанью. Ряд пожалований последовал и после падения Казанского ханства в 1552 г. Но в дальнейшем персональные ясачные платежи сходят на нет – государству было выгодно переводить местное население под свой контроль. Где-то этот процесс происходил быстрее (Арзамас), где-то медленнее (Алатырь).

Показателен в этом плане Арзамасский уезд – как и в Мещере (Кадом и Темников), здесь существовали местные князья. К таким относится род Шейсуповых (Акчурин, Беляков, 2020; Парадеев, 2020). Основатель рода Тахтамыш Азбердеев, после крещения носивший имя Иван Шейсуп, в 7047 (1538/39) г. был пожалован Иваном Грозным княжением над кардавильской мордвой (ныне существует село Кардавиль, в XVI-XVII вв. – мордовская деревня, относившаяся к Кирдяновскому беляку) с выплатой ему ясака и возможностью

осуществления суда. При этом до жалованной грамоты такое же право уже было за его отцом Азбердеем, т.е. князь Иван Шейсуп закрепил за собой княжение «по старине». В 7064 (1555/56) г. последовало подтверждение вотчинных прав уже после завоевания Казанского ханства, которое в тексте отказной книги связано с «началом» села Казаково, вотчины и места проживания Шейсуповых в дальнейшем. Оно было закреплено («подписано») на изначальной грамоте 7047 (1538/39) г. Из сведений, представленных в отказной книге, следует, что в этом населенном пункте при жизни князя была построена церковь. Поскольку в подписи 7064 (1555/56) года он назван еще Тахтамышем, то крещение его и строительство церкви, вероятно, произошло позднее. После смерти Ивана Шейсупа в 7076 (1567/68) г. вотчина была пожалована его детям – Борису и Давыду. Они же на какое-то время сохранили за собой право на княжение над кардавильской мордвой.

Еще один значимый пример – история самого Кирдяновского беляка. Так, к концу XV в. относятся свидетельства о Кирдановой (иначе Кирдановской) мордве. Ей посвятил одну из статей историк и археограф Александр Александрович Гераклитов, где им сделан анализ двух источников: (1) отписки Федора Хованского, муромского наместника, о приезде ногайских послов, которые следовали от Волги через мордовские земли к Мурому в 1489 г., и (2) жалованной грамоты Никите Васильеву сыну Ознобишину 1491 г. (Гераклитов, 1927). Упоминаемую в них Кирданову (Кирдановскую) мордву А. А. Гераклитов локализовал ближе к верховьям Теши. К такому выводу он пришел, опираясь на маршрут движения послов, который представлен лишь в общих чертах. Но писцовые книги подтверждают, что, в целом, ученый был очень близок к истине. По книге 1620-х гг. довольно четко определяется связанный массив Кирдяновского беляка в границах современного Шатковского МО Нижегородской области: Кардавиль, селища на месте Понетаевки, Корино, Пакстяново (Пасьяново) (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 8). Все они были в Утишном стане около бывших Шатковских ворот (проход в засечной черте), то есть несколько севернее верховий Теши. Еще одна деревня (Байкова на Рудне), отнесенная к тому же беляку, в силу своей удаленности и малого размера могла возникнуть в результате переселения в XVI в. мордвы в свои угодья на Алатыре.

Н. В. Ознобишин получил права на Кирдановскую мордву в 1491 г. после некоего Митьки Пана. Термин «беляк» не использован, определена группа мордвы (схоже с группированием нижегородской мордвы в более позднее время). Текст грамоты следующий:

Се яз, князь великий Иван Васильевич всея Русии, пожаловал есми Никиту Васильева сына Ознобишина мордовою Кирдановскою в кормление под Митькою под Паном. И вы, все люди тои мордвы, чтите его и слушайте, а он вас ведает и ходит по старой пошлине, как было преж сего. А дана грамота лета 99, мая (Новиков, 1790. С. 12–13).

В этой передаче можно видеть общие черты с жалованием волостей в кормление. А сам Ознобишин в отличие от местной знати в лице князя Ивана Шейсупова является рядовым волостелем с временными правами на «корм» в великокняжеских владениях. В настоящий момент не определено, когда и кто его сменил.

В дальнейшем известно, что 10 апреля 1555 г. Кирдяновский беляк (и здесь уже применен этот термин) был пожалован на княжение Исенею Бутакову (связан с Кадомом), при этом ранее он числился за Сумороком Муратовым сыном Телеикшейкова (Акчурин, Ишеев, Абдиев, 2021. С. 299). Время этого пожалования совпадает с тем, когда подтвердили вотчинные права князя Шейсупова на кардавильскую мордву – 7064 (1555/56) г. Здесь встает вопрос, как именно произошло разделение между ними, если деревня Кардавиль также впоследствии в первой четверти XVII в. отнесена к тому же беляку. Одно из предположений, что ясак мог дробиться между отдельными владельцами, и внутри самого беляка выделялись мордовские ясачные группы, поскольку Исенею досталась рзянская (арзянская) мордва, а князю Шейсупову – кардавильская. Это тот вопрос, который еще предстоит окончательно прояснить.

Важно отметить, что определение «рзянская» вызывает много вариантов трактования вплоть до связи с этнонимом «эрзяне». В более поздних книгах не упоминаются схожие по звучанию топонимы (по аналогии Кардавиль – кардавильская), но в грамоте из Нижегородского, Мещерского и Казанского дворца от 1559 г. сказано, что она была адресована в «кирдяновскую мордву в Арзян сотникам Шонге Тарханову, Молсапе Ономасову, Кузовату Олепину и всей кирдяновской мордве» (Акчурин, Беляков, 2017. С. 98), поэтому существование названия «Арзян» подтверждается, хотя и не до конца понятно, что это – местность или некое крупное поселение. При этом получается, что рзянская (арзянская) мордва также именуется кирдяновской.

Согласно пожалованию 1555 г., половину ясака, взымаемого с местной мордвы, Исенею предписывалось передавать сыну Суморока Пивтею и его брату Степану Шатку, принявшему христианскую веру («новокрещену»). 16 апреля 1559 г. беляк уже пожаловали брату Исенея – Дивею (Акчурин, Ишеев, Абдиев, 2021. С. 299–300). Распределение ясака сохранялось неизменным. С точки зрения управления мордвой интересен связанный с этим событием акт (Акчурин, Ишеев, Абдиев, 2021. С. 300), а именно грамота трем сотникам Кирдяновского беляка от того же 16 апреля 1559 г., подлинник которой содержал печать дворецкого Михаила Ивановича Волынского-Вороного и подпись дьяка Федора Фатьянова. В самом акте дворецкий ошибочно назван Волхонским, поскольку до нас дошла лишь поздняя копия документа с подменой. Таким образом, учреждением, где был оформлен акт, являлся Нижегородский, Мещерский и Казанский дворец. Дьяк же Ф. Фатьянов в связи с этим

областным дворцом не упоминается ни в одном из справочников; у С. Б. Веселовского ничего не сказано о его карьере с 1557 по 1566 гг., но к тому времени он уже точно дослужился до дьяка (см. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 537–538).

По пожалованию 1559 г. мордовским жителям предписывалось подчиняться Дивею и выплачивать ему ясак. Неизвестно, когда точно произошел вывод мордвы из-под князей (Бутаковых и Шейсуповых). Это могло произойти уже в ранние годы существования Арзамаса и Арзамасского уезда, т.е. в 1570-е гг. Время такого перехода еще предстоит выяснить окончательно. В писцовой книге Т. Измайлова и Н. Чаплина 1620-х гг. имеется указание на беляки, но оно не несет никакой смысловой нагрузки – по ним не группируется ясак отдельных поселений, не выделены никакие другие владельцы, то есть он направлялся в государственную казну (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 8). Более того, наименование беляков имеется лишь для небольшого количества мордовских деревень, преимущественно, в Утишном стане, т.е. в западной части уезда.

Под Арзамасом определены прямые соотнесения поселений со следующими беляками: Кирдяновский (4 деревни: Корино, Кардавиль, Пакстяново в Утишье и Байково в Залесном стане; также на месте Понетаевки были «кирдяновские» селища), Моргальский (3 деревни: Кужендеево, Комодеево / Погиблово, Сыресево), Саконский / Саканский (2 деревни: Камкино и Большой Макателем). При их реконструкции следует учитывать, что мордва могла переселяться, в том числе в свои бортные угодья. К примеру, Сыресево находилось уже в 1582 г. на Ирже (Арзамасские поместные акты… С. 11), но известно в округе и Старое Сыресево, переданное русским помещикам (ныне – д. Малые Паны Ардатовского МО). Вполне вероятно, это связанные поселения, а переход мордвы на раннем этапе в XVI в. позволил сохранить наименование беляка в писцовых источниках. Впоследствии при учете земель писцы Т. Измайлов и Н. Чаплин в 1620-е гг. использовали в качестве «приправочной» книгу Игнатия Зубова 1580-х гг., откуда, по-видимому, и заимствовали названия беляков для некоторых поселений. Небольшая деревня Байково на Алатыре, расположенная на значительном удалении от остальных поселений Кирдяновского беляка, также является с высокой вероятностью примером раннего ухода мордвы в бортные угодья.

Наконец, в Арзамасском уезде в Утишном стане есть и еще одна деревня с указанием беляка – Пинетаева (ныне – с. Понетаевка). Относилась к Мещерскому беляку, но в данном случае, скорее всего, была подмена истинного названия, и в нем отразилось, что ее население – пришлые с Мещерского уезда, примерно в 1570-е гг. разделенного на ряд меньших уездов, среди которых Кадомский и Темниковский. Но нельзя исключать и то, что действительно был и Мещерский беляк (возможно, малый по размерам), который не прослеживается пока по остальным источникам. Более того, не ясно, откуда переселилась пинетаевская мордва,

известно, что их угодья были связаны с жителями деревни Лобаски, проживавшей на рубеже XVI–XVII вв. в округе села Тольский Майдан и относившейся к Арзамасу. Но ясак пинетаевцы платили в Кадом. При этом жители Пинетаевой обосновались на «кирдяновских» селищах, т.е. доставшиеся им земли исторически относились к описанному выше Кирдяновскому беляку.

В Залесном стане Арзамасского уезда (восток и юго-восток от Арзамаса), кроме деревни Байково на р. Рудне, ни одно поселение напрямую не соотнесено с беляками. Тем не менее, как показывает дальнейший анализ, здесь был еще один беляк на берегах реки Пьяны – Ярославский, самый северный из всех известных.

Вместе с тем, для полной картины необходимо рассматривать регион в целом вне зависимости от границ более поздних уездов. В таком случае одним из крупных беляков является Сулеменский, он включал целый ряд деревень в Алатырском уезде (Мордовский фронтир…). Многие поселения беляка находятся в округе рек Саля и Меня, что вполне может объяснить его название. Именование беляков по гидронимам достоверно происходило – по книгам Алатырского уезда, например, известен Лашинский беляк по реке Лаше. Еще одно небольшое образование в северной части – Новатский (Навацкий) беляк в округе села Наваты Пильнинского МО Нижегородской области. Поселение находится у оз. Нават, по которому и получило название, а по поселению уже, по-видимому, был назван и беляк.

В Алатырском уезде, в отличие от Арзамасского, даже в начале XVII в. встречается указание на выплаты с угодий отдельных беляков ясачных денег как в пользу государя, так и в пользу кого-то из князей. При этом сами эти князья, видимо, жили в XVI в. Например, мордовский князь Куломза Московов из рода Ромадановских (Ромадановых) известен по грамоте 1572 г. (Демидов, 2017. С. 94), а в писцовой книге 1620-х гг. значится «князь Куломзин ясак» с угодий Тургаковского беляка (Мордовский фронтир… С. 245, 247). Быть может, он ещё оставался как-то связан с потомками Куломзы, ведь в книге записан мурза Елуш Куломзин и связан с тем же беляком.

Благодаря сохранности писцовых книг 1620-х гг. беляки также прекрасно восстанавливаются и по Кадомскому уезду. Из числа наиболее северных, расположенных в Примокшанье, можно отметить: Чепчерянский (Чепчерский), Малая Чепчера, Еректинский (Беляков, 2013). В этом уезде в 1620-е гг. мордва распределяется (группируется) по белякам, по ним подводятся итоги по оброку и ясачным деньгам, но не более. Это говорит в пользу того, что к тому моменту механизм выплат персональных ясаков перестал в данном регионе функционировать в отличие от более раннего периода времени.

Все известные северные беляки, включая восстановленный в этой статье Ярославский, показаны на Рис. 2. Территориальная целостность беляков, как мы видим, в некоторой степени условна. В большинстве случаев можно выделить основное скопление поселений – «ядро», но

есть и деревни, расположенные далеко от других – «выбросы». К таким относится, например, деревня Виртьяново Еректинского беляка (в границах современного Дивеево) или уже упомянутая Байково Кирдяновского беляка (на р. Рудне, притоке Алатыря). Наиболее вероятное объяснение связано с миграцией. Мордва уходила на проживание в свои бортные угодья, которые могли быть расположены на удалении в десятки километров. При переселении в XVI веке, пока это было актуально, связь с беляком сохранялась и заносилась в писцовые книги.

При формировании уездов не во всех случаях их границы совпадали с границами беляков. Так, известно, что Еректинский беляк отмечен и в Кадомском, и в Темниковском уездах преимущественно вдоль Мокши. А вот крупный Сулеменский полностью остался в Алатырском, хотя некоторые его поселения лежат прямо у границ с Арзамасским. В случае с восстановленным в настоящей работе Ярославским беляком можно видеть, что часть его осталась в Нижегородском уезде, часть перешла к Арзамасу, а еще один вероятный участок стал числиться за Курмышом. Это объясняется, вероятно, тем, что при формировании уездов прежние территориальные образования были вторичны, а в случае с местным населением ключевое значение играло распределение ясака. Значимым примером является перевод ясачных платежей с Талдемского (Тялдемского) беляка в Шацк, хотя относившиеся к нему поселения были в Кадомском уезде. Схожие манипуляции с платежами могли быть и на уровне отдельных деревень. Так, например, жители деревни Пинетаевой, которые отнесены к некоему Мещерскому беляку, платили ясак в Кадом, несмотря на принадлежность к Арзамасу.

Наконец, прослеживаются пространства без беляков. Где-то это легко объяснимо. Например, восточная часть Алатырского уезда была большей частью диким полем, а в основе доходных промыслов местного населения все-таки лежали лесные бортные и охотничьи угодья. Но необычно пустым выглядит пространство от Пьяны вплоть до современного города Лукоянова. Безусловно, здесь также были мордовские поселения. Более того, вдоль самой реки Пьяны существовали деревни служилой мордвы Нижегородского уезда, отдаленные от основной его территории – это Пилекшево и Ичалово (Ичалки), далее в границах Курмышского уезда находилась деревня Якшень (ныне – Малая Якшенка), следом шли владения мордовских князей и мурз (Княж-Павлово, Чембасово), далее поместные земли, ранним владельцем которых был, вероятно, кто-то из местных по имени Первуша Кишкильдеев (Арзамасские поместные акты… С. 314), наконец, мордовская деревня Пищасово (изначально – служилая мордва, затем ясачная) и вновь мордовские князья и мурзы из числа еделевских (с. Ново-Еделево) (Арзамасские поместные акты… С. 107–108). То есть наблюдается присутствие местной знати, скорее всего, пребывавшей в этой местности по

старине. Сюда же можно предварительно отнести и Князь-Лукьяново в Межпьянье, в 1620-е гг. учтенное уже как погост (Пудалов, 2022. С. 131).

Есть следующие варианты – либо же здесь все-таки были свои беляки, но сведений о них не сохранилось, либо же существовали некие более крупные великокняжеские волости, например, в источниках упоминается Пьянская. Вполне вероятно, что истина где-то посередине и было смешение относительно небольших беляков, следы которых затерялись и пока не обнаружены, и больших по размеру волостей, доход с которых шел в казну, а не местной знати.

В этой связи весьма интересен Ярославский беляк, местоположение которого на Пьяне удалось восстановить путем объединения информации из целого ряда источников и сведений об исторической географии по землям, распределенным к XVII в. по разным уездам. Он был расположен на западе от г. Перевоз: частью в Межпьянье – петле, которую формирует Пьяна, поворачивая с запада на восток, частью на северном берегу этой реки.

Его первое известное упоминание в литературе встречается в опубликованной С. Б. Веселовским нижегородской приходной книге 7116 (1607/08 г.), где сказано, что некто Васька Анасев платит оброк с 5 знамен Ярославского беляка (Нижегородские платежницы… С. 60). Какие-либо уточнения по его географическому местоположению не приведены, но рядом указаны другие бортники и мордва из числа жителей деревни Шершово (ныне – село городского округа Перевозский). Само Шершово к 1620-м гг. уже относилось к русским поместным владениям в Нижегородском уезде, но в начале XVII в. было мордовским и бортным поселением, что подтверждается актом №162 от 28 мая 1602 г. в сборнике С. Б. Веселовского (Арзамасские поместные акты... С. 215).

Из-за того, что упоминание беляка единственное, а ориентиров для его местоположения не приведено, он не привлекал внимание исследователей. Тем не менее, имя Ярослава известно в той же местности, и связано оно с более ранним временем – с XV в.

В докладном судном списке 1509 г., академическая публикация которого с комментариями выполнена А. В. Антоновым и Б. М. Пудаловым, содержатся свидетельства того, что в 1470-е гг. Нижегородский Печерский монастырь владел обширными территориями в Межпьянье вдоль реки Пьяны между ее притоками Чергаткой и Кетаршей (Максин [Антонов], Пудалов, 1998). Здесь находилось два монастырских села: Полянское (Поляна) и Колодливское, а также слободка Фоминская. В этих землях позднее появится поселение Перевоз, ставшее впоследствии городом. Поляна (в старину – Полянское) – ныне село ГО Перевозский. Село Колодливское находилось примерно на месте деревни Коноплянки под городом Перевоз, названо так по одноименному озеру. А Фоминская слободка была расположена в округе урочища Васильки около р. Кетарши (Парадеев, 2022. С. 48).

Земли еще раньше, в 1440-е гг., передал некто Юрий Алачин после монашеского пострига. В источниках он же именуется «новокрещеном», т.е. принявшим христианство иноверцем. Сведения о передаче им земель содержатся непосредственно в материалах, включенных в докладной судный список. Свидетели при установке границ в правой грамоте 1475–1479 гг. сообщили следующее: «Мы, господине, помним лет за полчетвертатцать, что те земли Полянская и Колодливская и Фоминская слободка были Юрьевы Алачина. Да как Юрьи постригся в Печерском манастыре, ин те земли подавал в манастырь в Печерьской – тому, господине, лет с полчетвертатцать» (Максин [Антонов], Пудалов, 1998. С. 117). В данном случае речь идет о 35 годах до момента оформления грамоты, т.е. примерно 1440–1444 гг. В той же грамоте о вкладе в монастырь тех же земель Ю. Алачиным сообщил архимандрит Павел (Там же. С. 116). Эти свидетельства помогли исследователям приблизительно датировать и документ, известный только по описи дел Нижегородского Печерского монастыря за 1701 г.: «Даная Юрьи Алачина на деревню Поляну и на угодье, что он дал вкладу Печерского монастыря архимандриту Иосифу з братьею тое деревню Поляну; за ево печатью; а в котором году, того в той даной не написано» (Там же. С. 113). К 1470-м гг. эта деревня уже стала селом Полянским (ныне – Поляна). Она была населена исстари монастырской мордвой, которая, по-видимому, представляет изначальное население владений Ю. Алачина, переведенное в вотчину монастыря.

Помимо этого, он же передал и монастырское село Ягодное на северном берегу Пьяны, земли которого простирались от р. Шершовки до р. Курача, образуя цельный массив с землями на южном берегу в окрестностях деревни Поляны (Полянской). Подтверждается это следующей цитатой из монастырского синодика: «по Юрье по Лачинове по Новокрещене. А дал по своей душе в Печерской монастырь село Ягодное и с деревнями» (Чтения ОИДР… С. 4). Принимая во внимание размер и целостность переданных Нижегородскому Печерскому монастырю владений, они вполне могли быть изначально неким княжением, на основе которых в иных местах, вероятно, формировались известные беляки, но это то, что еще предстоит окончательно подтвердить. По его западной границе, как показано далее, пролегал другой обширный массив, где беляк все-таки был сформирован.

Так, в состав судного списка 1509 г. входит текст более ранней правой грамоты суда нижегородского ключника Василия Еврея, датированной А. В. Антоновым и Б. М. Пудаловым 1475–1479 гг. В ней приведены сведения того периода времени о границах владений Нижегородского Печерского монастыря в Межпьянье, которые доказывают, что на западе от Чергатки находились владения князя Ярослава Оболенского. Начало описания следующее:

И повел архимандрит Павел з братьею по меже от Пьяны рекы от усть Шаршата врага въверх по Шаргату врагу.

И Еврей так рек: То, архимандрит Павел, ведешь меня по меже; сказывай ж мне, с кою руку земля великого князя, с кою руку земля ваша манастырская.

И архимандрит з братьею тако ркли: Налеве Шаргата врага земля Печерского манастыря, а направе Шаргата врага земля княжо Ярославова Оболенского.

Проверка межи началась от устья оврага Шаргата (ныне – р. Чергатка), впадающего в Пьяну. При подъеме по нему к его началу «по левую руку», т.е. с востока, расположены монастырские владения, а «по правую» (с запада) – князя Ярослава Оболенского.

Далее от верховий оврага Шаргата (Чергатки) описывается продолжение границ в восточном направлении к р. Кетарше, притоку Пьяны. Но здесь уже с правой (южной) стороны находятся великокняжеские земли:

Да с верх Шаргата врага налево поперек раменья на старые знамена на бортные к речке х Кадарши – налеве по раменью земля Печерского манастыря Полянская и Колодливская и Фоминские слободки, а направе земли великого князя.

Следом граница спускается по Кетарше, которая разграничивает монастырские и великокняжеские владения:

Да по речке по Кардаше вниз ко Пьяне реце – налеве Кадарши земля манастырская Полянская и Колодливская и Фоминские слободки, а направе земля великого князя.

Последний сегмент границ пролегает по Пьяне и оканчивается на устье Чергатки. С северного берега реки также располагались владения великого князя:

Да по Пьяне реце вверх к тому ж усть Шаргату врагу – налеве Пьяны реки земли манастырьские Полянская и Колодливская и Фоминские слободки, а направе земли великого князя.

Здесь в заключительном фрагменте существует еще один вариант окончания по копии докладного судного списка: «вверх по Пьяне реце от реки Курача до устья реки Шершовки земли манастырские села Ягодново» (Максин [Антонов], Пудалов, 1998. С. 119. Сноска 10). В целом, они даже в некоторой степени дополняют друг друга.

Границы вдоль водотоков реконструируются легко, хотя и не без оговорок. В них есть некоторая условность, поскольку в верховьях малые речки (Чергатка и Кетарша) имеют несколько притоков, и неясно, по какому из них шла межа. Но Фоминская слободка находилась на месте или в ближайшей округе урочища Васильки, поэтому, вероятно, граница 1470-х гг. пролегала по левобережному притоку Кетарши, впадающему в нее чуть южнее этого урочища. Он находится примерно на одной широте с верховьями Чергатки. Поэтому можно их соединить, получив условную южную границу. А вот продолжение межи по Кетарше до ее устья и по Пьяне к устью Чергатки уже определяется однозначно. Восстановленный

земельный массив с информацией о смежных землевладельцах приведен на Рис. 3. Владения Ярослава Оболенского были с запада, за Чергаткой.

Этот князь более всего известен как наместник псковский и воевода. Отношения его с псковичами складывались весьма непросто. Они постоянно молили великого князя отозвать Ярослава Васильевича с Пскова в связи с беспрестанными конфликтами с ним. Но это особо ему не мешало. По-видимому, где-то в 1470-е гг. он получил пожалование внутри нижегородских земель в Межпьянье, которые, как показано выше, находились западнее р. Чергатки. В 1487 г. князь скончался, но его имя закрепилось за этими владениями. Подтверждение этому содержится опять же в докладном судном списке. В 1509 г. на суде присутствовали «мордва княж Ярославовы ясатчики Кендесь Судесев сын да Пыресь Алгамасов сын» (цитата взята из первоисточника: РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7943. Л. 1а об.). В данном случае под «ясатчиками» следует понимать плательщиков ясака. Князя к этому времени давно уже не было в живых, но схожие конструкции встречаются и в Мещере, когда владения уже умершего владельца продолжают с ним соотноситься. Например, Каракчеевский беляк упомянут в 1620-е гг., когда как сам князь Каракчеев жил в XVI в. (Акчурин, Беляков, 2017. С. 97).

Спустя полвека непосредственно на западе от владений Нижегородского Печерского монастыря имени Ярослава уже не упоминается. Дело в том, что к тому моменту произошло перераспределение земель, монастырские владения серьезно сократились и представляли собой на южном берегу лишь небольшой «клин» шириной 4–6 км, ограниченный с запада Чергаткой, а с востока оканчивающийся напротив устья Курача. Для сравнения: в XV в. граница монастырских владений пролегала между устьями Чергатки до Кетарши, а это около 25 км по прямой. Значительно уменьшившиеся владения монастыря из-за его связи с Нижним Новгородом в Арзамас не переводились и оставались в дальнейшем частью Нижегородского уезда. А вот в высвобожденных землях в 1560-е гг. производилось массовое испомещение нижегородских помещиков (Парадеев, 2022), которые затем окажутся переведены в Арзамасский уезд с момента его появления (1570-е гг.). Те же процессы, коснулись, по-видимому, и бывших владений князя Ярослава Оболенского. Таким образом, земли с западного берега Чергатки получил некто Третьяк Федоров сын Семенов, а чуть южнее – Иван Данилов сын Смагин.

Об этом сказано в разъезжей грамоте от 10 июля 1562 г., оформленной дьяком Дементием Слугиным: «а з другую сторону межа монастырской ж земле Печерского ж монастыря Полянского села с царя великого князя с поместною землею нижегородцких пновых помещиков от Ивана Данилова сына Смагина з братьею от того ж верховья Кемарского врага и от березы и от дву ям против Кемарского врага к дубу з гранью, да от дуба

к черному лесу, да черным лесом прямо по гранем к Явилейского врага верховью, да вражком Явилеем вниз к Чаргату врагу, да Чаргатом вниз к реке ко Пьяне, направе земля монастырская Печерского монастыря селца Полянского, а налеве земля, и лес, и всякие угодья царя великого князя нового помещика Третьяка Федорова сына Семенова» (РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7959. Л. 2).

В данном случае движение по меже производится от верховий Кемарского оврага, далее через лес к верховьям Чергатки, точнее одному из ее ответвлений – Явилею (буквально означает «Порубежный ручей», от эрз. *явомс* – делить, *лей* – ручей), отсюда вниз к самой речке и по ней к устью, поэтому слово «налеве» означает с западной стороны. В писцовых книгах 1620-х гг. по Арзамасскому уезду находим, что на устье речки появится деревня Чергат(ь) (Писцовая книга… С. 128). Это надежный ориентир для владения Т. Ф. Семенова, а поместье И. Д. Смагина, вероятно, находилось там, где позднее появится д. Заключная (соответствует приведенному выше описанию границ).

С запада от этих поместий сохранялся обширный массив мордовских земель, включающий в себя две деревни Арзамасского уезда: Ревезень и Кирдюшево (Мормыжево). Современные ориентиры для них – села Ревезень и Мармыжи ГО Перевозский. При изучении писцовой книги по мордовским деревням Арзамасского уезда 1620-х гг. удалось обнаружить важные сведения, благодаря которым стало понятно, что Ярославский беляк был связан с ними, а также с ранее упомянутой деревней Шершово, находившейся напротив Ревезени на северном берегу Пьяны.

Оказалось, что в 1620-е гг. жители мордовской деревни Кирдюшево (Мормыжево) Арзамасского уезда бортничали в Шершовском бортном угодье: «Тое ж деревни Кирдяшовы, Мормыжовы, за мордвою бортной ухожей Шершовской Ерославского беляка» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 8. Л. 213). В первоисточниках подтверждается прямая связь между Кирдюшево (Мормыжево) и Шершово. В 1562 г. в разъезжей грамоте землевладений шершовской мордвы с Нижегородским Печерским монастырем представителем выступил Кирдюш Мормыжев (РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7959). Поскольку Шершово в первой четверти XVII в. перешло в русские земли, Кирдюш, очевидно, перебрался южнее в бортные угодья и стал основателем поселения в Межпьянье.

Наконец, Кирдюшево (Мормыжево) существовало в тесной связи с соседней деревней Ревезень, поскольку их жители ходили в одни угодья и совместно платили оброк. К этой деревне относились значительно большие по площади земли вдоль Пьяны. Между двумя поселениями существовала вставка села Шильниково (Сосновское), но границы мордовских деревень соприкасались, что позволяет предположить, что была изначальная целостность массива, и помещики просто оказались размещены внутри некогда единого контура. Наконец,

стоит обратить внимание и на границы Шершово. С востока они хорошо известны, в частности, в грамоте 1562 г. указано, что граница шла по речке Шершовке. А с запада стоит обратиться к более поздним картам, чтобы увидеть, что вдоль берега Пьяны участок земель поселения был нешироким, но севернее в лесной части значительно расширялся. На западе находились земли деревни Тилинино (она же – Михайловская), относившейся к Курмышскому уезду. И можно видеть, что контур западной границы Шершово переходит в границу Тилинино, а на другом берегу реки Пьяны с ней соприкасается уже граница Ревезени.

Учитывая, что жители Кирдюшево (Мормыжево) ходили в угодья Ярославского беляка, как и жители Шершово, а Ревезень была с ними связана – мы можем предположить, что это и есть Ярославский беляк, образующий в территориальном плане весьма цельный массив, за исключением вставок поместных земель – Шильниково (Сосновское) и Тилинино (Михайловское). Но поместья могли быть вписаны в эти места значительно позднее с русской колонизацией, начавшейся с 1560-х гг. Владения Ярослава Оболенского начинались западнее Чергатки, поэтому сюда же следует отнести и земли поместной деревни Чергать. Общий контур представлен на Рис. 4. Как мы видим, получается весьма связанный и значительный по размерам участок. С востока с ним граничат владения Нижегородского Печерского монастыря, которые были переданы в монастырь в 1440-х гг. новокрещеном Ю. Алачиновым.

Ярославский беляк весьма интересен и дополняет уже известные сведения о беляках в Арзамасском уезде, а также в смежных с ним исторических территориях. Он расположен ближе всего к Нижнему Новгороду в той области, где на текущий момент другие похожие образования неизвестны. Его представителями было автохтонное население из мордвы, что подтверждается именами ясатчиков в начале XVI в. Известен и ранний владелец XV в. – князь Ярослав Оболенский, который, по-видимому, получил право на временное взыскание ясака в свою пользу по аналогии с кормлением с волостей. При этом он не является местным князем (татарским или мордовским), и его пожалование схоже с тем, что было в 1491 г. предоставлено Н. В. Ознобишину над Кирдановской мордвой (позднее – Кирдяновский беляк).

Показательно, что при переформатировании нижегородских земель и выделении в них в дополнении к Нижегородскому также Арзамасского и Курмышского уездов, поселения утратившего свое значение Ярославского беляка в начале XVII в. оказались распределены по разным уездам. Благодаря сведениям из писцовых книг и других источников можно уверенно соотнести с первоначальными владениями Ярослава Оболенского такие населенные пункты, как Шершово, Ревезень и Кирдюшево (Мормыжево). Сюда же, вероятно, добавляются и некоторые поместные владения, которые являются более поздними вставками, связанными с русской колонизацией, начавшейся с 1560-х гг. Объединение всех их границ формирует

единый связанный контур, что говорит в пользу целостности беляка в прошлом как территориального образования.

Список источников и литературы

Акчурин М. М., Беляков А. В. Мордовские беляки и татарские князья // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. №1. С. 94–101.

Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века): монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 316 с.

Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) / Собр. и ред. С. Б. Веселовский. М., 1915. XVI, 738 с.

Беляков А. В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марждани АН РТ. 2013. С. 154–210.

Гераклитов А. А. «Кирдановская» мордва // Изв. Краевед. ин-та изучения Южноволж. обл. Саратов, 1927. Т. 2. С. 3 (Отдельн. оттиск).

Демидов А.Н. Грамота царя Иоанна Васильевича мордовским князьям и мурзам Алаторского и Арзамасского уездов 1572 года // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск. 2017. Т. 11. № 2. С. 89–97.

Мордовский фронтир в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII в.) / сост.: В.Д. Кочетков, Н.В. Заварюхин, С.В. Видяйкин, М.М. Акчурин. Саранск, 2017. 400 с.

Максин В.А. [Антонов А.В.], Пудалов Б.М. Докладной судный список 1509 года из архива Нижегородского Печерского монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. С. 114–119.

Напольникова П.К. К вопросу о мордовском беляке // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов. 2017. Т. 22. Вып. 2 (166). С. 82–88.

Нижегородские платежницы 7116 г. и 7120 г. / Под ред. С. Б. Веселовского // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. Вып. 7. 1910. 284 с.

Парадеев Е. И. Отказная книга княгине Марье Шейсуповой с детьми на часть села Казаково Арзамасского уезда от 22 октября 1627 года // Средневековые тюрко-татарские государства. 2020. №. 12. С. 115–122.

Парадеев Е. И. Писцовые книги Григория Сукина, Неклюда Девочкина и дьяка Дементия Слугина начала 60-х гг. XVI века по нижегородским землям, вошедшим в Арзамасский уезд // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников III Всероссийской научно-практической конференции (24–25 февраля 2022 г.) / Отв. ред. В.И. Грубов; науч. ред. А.А. Исаков. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2022. С. 31–54.

Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг.: в 2 т. / сост. Б.М. Пудалов. Н. Новгород: Центр. архив Нижегородской области, 2022. Т. 2. 353 с.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7943.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7959.

Чтения ОИДР. 1868. Кн. 1. Смесь. С. 4

ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 8.

Два варианта пожалований: подтверждение прав на получение ясака по отцу или независимые пожалования. При отсутствии владельца беляк, вероятно, находился в ведении дворцового приказа.

Рис. 1. Механизм работы беляка (XVI в.). Схема.

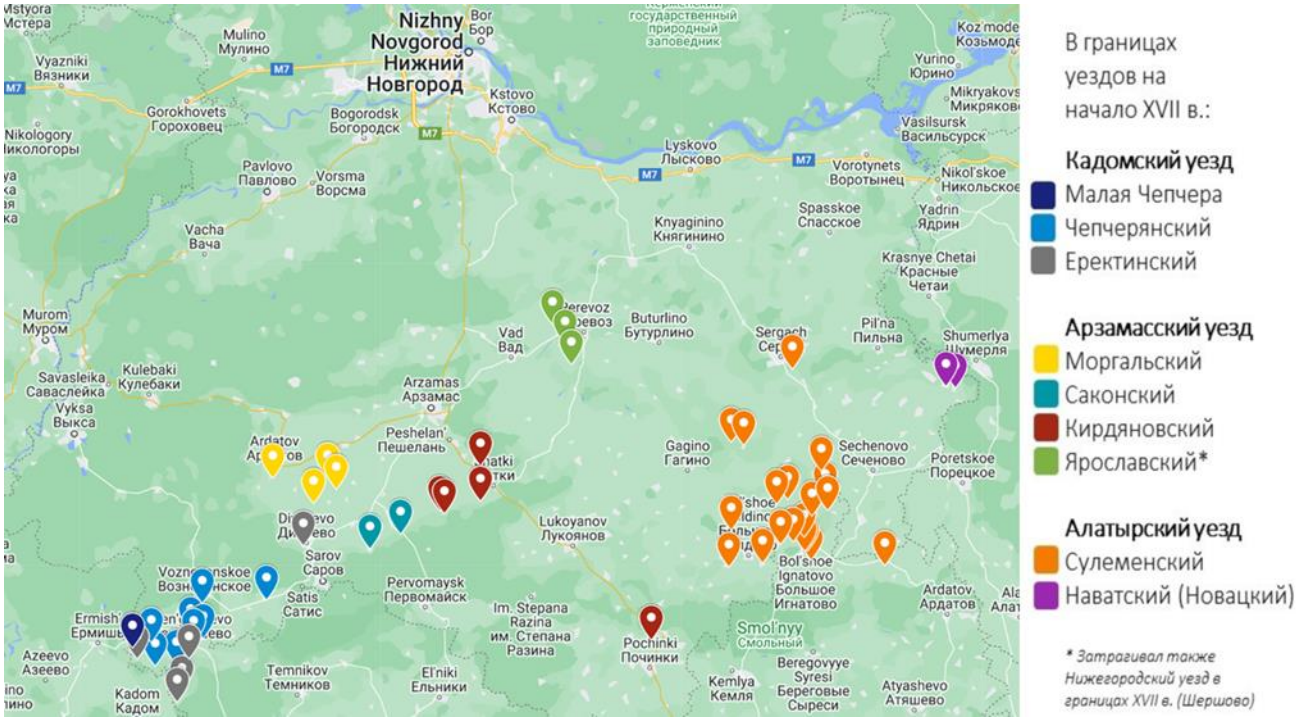

Рис. 2. Карта северных беляков, относившихся позднее к Кадомскому, Арзамасскому и Алатырскому уездам.

Рис. 3. Земли Нижегородского Печерского монастыря в 1470-е гг. и смежные землевладельцы (картографическая основа – Яндекс Карты).

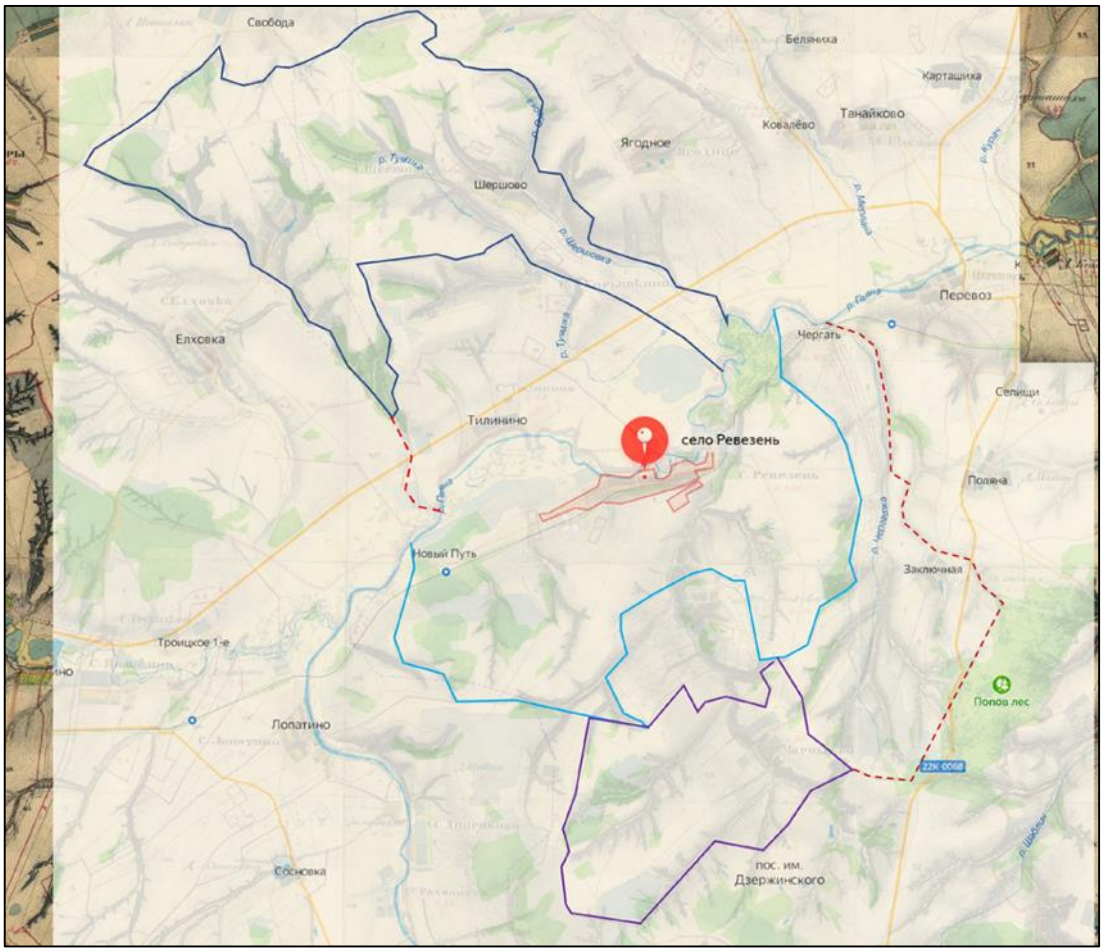

Рис. 4. Контуры границ: темно-синим – Шершово, голубым – Ревезень, фиолетовым – Кирдюшево (Мормыжево), красный пунктир с запада – Тилинино (Михайловское), красный пунктир с востока – Чергать и Заключная, между землями Ревезени и Кирдюшево (Мормыжево) – Шильниково (Сосновское).

Научное издание

ПОВОЛЖСКИЕ ЗЕМЛИ В ЭПОХУ РУССКО-КАЗАНСКИХ ВОЙН

Сборник статей
по материалам научно-практического онлайн-семинара,
посвященного 500-летнему юбилею основания крепости
Васильсурск в 1523 году

Текст публикуется в авторской редакции.
Точка зрения авторов статей может не совпадать
с точкой зрения редколлегии и рецензентов.

При создании обложки использована репродукция миниатюры «О Василеграде» из Лицевого летописного свода и изображение сына боярского (автор Б. А. Илюшин)

Подписано к публикации 20.12.2024 г.
Формат 60х84/8. Уч.-изд. л. 20. Усл. печ. л. 18,6.
Заказ №
Издательско-полиграфический центр НГУ.
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2